
САРАТОВСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

САРАТОВСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
АКАДЕМИЯ
ПРАВА

АССОЦИАЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ
ВУЗОВ
(г. МОСКВА)

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

---

*Академический и вузовский
юридический научный журнал*

---

*Территория распространения:
Российская Федерация, страны СНГ*

---

*Журнал включен ВАК Минобразования и науки РФ
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней кандидата и доктора наук*

2 (35) • 2009

САРАТОВ · МОСКВА

Уважаемые коллеги!

Редакция приглашает к сотрудничеству и выражает заинтересованность в опубликовании на страницах журнала статей, обзоров, рецензий и других материалов.

Главный редактор,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
директор СФ ГУ ИГП РАН

А.В. Малько

Ответственный секретарь,
кандидат юридических наук,
ученый секретарь СФ ГУ ИГП РАН

К.Е. Игнатенкова

Заведующий редакцией, кандидат
юридических наук, заместитель
директора СФ ГУ ИГП РАН

А.Е. Михайлов

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ
ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ**

Текст печатается в текстовом редакторе MS Word шрифтом Times New Roman 14 кегля (размера) через 1,5 интервала (28–30 строк на странице). Все поля по 2 сантиметра. Сноски оформляются 12 шрифтом, нумерация сквозная. Объем статьи не должен превышать 8–10 страниц. Рукопись должна быть подписана автором (соавторами). Одновременно с рукописью в редакцию высылаются 2 копии электронной версии статьи на дискете.

К рукописи обязательно должны прилагаться:

- сведения об авторе (соавторах) с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, должности, домашнего и служебного адресов и телефонов, адреса электронной почты;
- выписка из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения), для аспирантов также и отзыв научного руководителя о рекомендации присланной статьи к опубликованию;
- аннотация статьи (материала) на английском и русском языках (2–3 предложения, не более 5–6 строк), транслитерация фамилий и инициалов авторов и перевод названия материала на английский язык;
- ключевые слова (выражения) (5–7) на русском и английском языках;
- пристатейный библиографический список с указанием издательства.

Не допускается направление идентичных материалов в другие издания без предварительного уведомления редакции.

Рукописи, оформленные без учета данных правил, редакцией не рассматриваются.

Рукописи и рецензии авторам не возвращаются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Направление материалов в журнал предполагает согласие автора на их опубликование в электронной версии.

**По поводу представления на страницах журнала «Правовая политика и правовая жизнь» юридических вузов, а также юбиляров образовательных и научных учреждений обращаться в редакцию журнала по телефонам:
(845–2) 29-92-18, 29-91-22; e-mail: igp@sgap.ru, pos@sgap.ru**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

<i>Костенко М.А. (г. Таганрог)</i> Правовая политика Российского государства как фактор стабильности общества	10
<i>Вопленко Н.Н., Рудковский В.А. (г. Волгоград)</i> Проблемы институализации правовой политики современного Российского государства	15
<i>Игнатенкова К.Е. (г. Саратов), Потапова О.Б. (г. Москва)</i> К вопросу о повышении эффективности правовых актов Президента РФ	23
<i>Арзамасов Ю.Г. (г. Москва)</i> Ведомственные нормативные акты как средство правовой политики государства (часть 1)	28

ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

<i>Соколов А.Ф. (г. Саратов)</i> Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации в правовой жизни России	34
<i>Трубин В.Ю. (г. Астрахань)</i> Проблемы бюджетной ответственности в случаях несоответствия бюджетной росписи расходам, утвержденным бюджетом, при финансировании расходов, не включенных в бюджетную роспись и сверх утвержденных лимитов	39
<i>Вятчин В.А. (г. Астрахань)</i> Исполнение денежных обязательств	43
<i>Магомедов Б.М. (г. Махачкала)</i> Особый порядок судебного разбирательства как одна из форм упрощенного судопроизводства	50
<i>Королева В.В. (г. Астрахань)</i> Земельная реформа в Российской Федерации и проблемы государственного регулирования	56

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

<i>Трофимов В.В. (г. Тамбов)</i> Концепция «правовой жизни»: теоретико-методологическое значение	61
--	----

<i>Магомедов А.К., Никеров Р.Н., Куликова М.А. (г. Ульяновск)</i> Энергетическая геополитика Большого Каспия и международное право	68
<i>Романова Е.А. (г. Саратов)</i> К вопросу о правовом тексте как информационном средстве правовой коммуникации	78
<i>Чекмарев Э.В. (г. Саратов)</i> Модернизация и глобализация: общее и особенное	82
<i>Мартынов М.Ю., Дорогоцько Е.В., Ганеева Л.Д. (г. Сургут)</i> Социальные ресурсы молодежи в системе общественного производства	87
<i>Осипов М.Ю. (г. Тула)</i> Основные факторы, влияющие на реализацию и применение права	93

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Понихин Ю.М., Сурков О.С. (г. Саратов)</i> Империя как историко-правовое явление	97
<i>Клепиков М.С. (г. Сургут)</i> К уточнению смыслового содержания понятий «русский», «российский» и «россиянин»	103
<i>Сулейманов Б.Б. (г. Махачкала)</i> Правовые основы судопроизводства и судоустройства Дагестана второй половины XIX в.	106
<i>Левин В.Ф., Чуканов И.А., Федина Т.В. (г. Ульяновск)</i> Развитие института уголовной ответственности за принадлежность к тоталитарным и изуверным религиозным учениям в России на рубеже XIX–начала XX вв.	114
<i>Никифорова И.М. (г. Сургут)</i> Влияние особенностей политогенеза на формирование институтов власти у обских угров	124

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ — ТЮМЕНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВА

<i>Агафонов В.В.</i> «Свобода речей и дебатов» российского парламентария и ее законодательное обеспечение	129
<i>Микшиц Д.В.</i> Генезис самозащиты и феномен разрешенного самоуправства	136
<i>Торкин Д.А.</i> Особенности российского гражданско-правового менталитета	144

Краснова Т.В.	Прекращение законного режима имущества, нажитого в период брака	148
Девятов С.А.	Пути совершенствования финансового обеспечения местного самоуправления в свете реализации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»	154
Алексеева Е.В.	Применение судами и арбитражами публично-правовых норм при признании внешнеэкономических сделок недействительными	160
Иванова Л.В.	Регламентация эксцесса исполнителя преступления в странах мусульманского права	167

Трибуна Молодого Ученого

Барзилов Д.С. (г. Саратов)	Правовые аспекты регулирования налоговых отношений	173
Арзуманян А.Э. (г. Саратов)	Технико-юридические правила и приемы закрепления конкуренции норм в российском праве	176
Бирюлин И.В. (г. Саратов)	Идеологическое содержание экологических позиций Российской Федерации	181
Курдубанова М.Ю. (г. Саратов)	Стойкая неспособность по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие Президенту РФ полномочия как мера конституционно-правовой ответственности	185
Андронов О.В. (г. Самара)	Политико-правовые аспекты взаимодействия государства и некоммерческих организаций в современной России	190

Методология Юридической Науки

Научно-методологический семинар на тему:
«Правообразование: методология исследования»

Трофимов В.В.	Доклад	193
Выступления:		
	Цыбулевская О.И.	200
	Милушева Т.В.	201

Ветютнев Ю.Ю.	203
Хижняк В.С.	204
Горшунов Д.Н.	206
Касаева Т.В.	207
Ушанова Н.В.	208
Перепеченов А.А.	210
Хидирнабиев Р.Я.	211
Барзилов Д.С.	213
Радаева С.В.	214
Сулейманов Б.Б.	217
Коржиков О.Н.	218
Матузов Н.И. <i>Заключительное слово</i>	220

ПЕРСОНАЛИИ

Памяти Михаила Иосифовича Байтина (1921–2009)	223
---	-----

CONTENTS

LEGAL POLICY OF MODERN RUSSIA

<i>Kostenko M.A. (Taganrog)</i>	
Legal policy of Russian state as a factor of stability in a society	10
<i>Voplenko N.N., Rudkovsky V.A. (Volgograd)</i>	
Problems of institutionalization of the legal policy in the modern Russian state	15
<i>Ignatenkova K.E. (Saratov), Potapova O.B. (Moscow)</i>	
To the question about efficiency of legal acts of President of Russian Federation	23
<i>Arzamasov Y.G. (Moscow)</i>	
Departmental normative deeds as mean of lawful policy of State	28

FIELD ASPECTS OF LEGAL POLICY

<i>Sokolov A.F. (Saratov)</i>	
Investigation Committee at the Prosecutor's Office of the Russian Federation in legal life of Russia	34
<i>Trubin V.Y. (Astrakhan)</i>	
The problems of the budget responsibility in the cases of disparity with the list of expenditures affirmed by the budget, of financing the expenditures not included into the budget list and in excess of the affirmed limits	39

<i>Vyatchin V.A. (Astrakhan)</i>	
The fulfillment of money obligation	43
<i>Magomedov B.M. (Makhachkala)</i>	
Particular order of hearing as one of the forms of the summary jurisdiction	50
<i>Koroleva V.V. (Astrakhan)</i>	
Land reform accomplishment in Russian Federation and state regulation	56

POLITICAL AND LEGAL LIFE OF SOCIETY

<i>Trofimov V.V. (Tambov)</i>	
Legal life concept: its theoretical and methodological significance	61
<i>Magomedov A.K., Nikerov R.N., Kulikova M.A. (Ulyanovsk)</i>	
The energy policy of Big Caspian and international law	68
<i>Romanova C.A. (Saratov)</i>	
To the question about legal text as information facility to legal communication	78
<i>Chekmarev E.V. (Saratov)</i>	
Modernization and globalization: commons and peculiarities	82
<i>Martinov M.Y., Dorogonyko E.V., Ganeeva L.D. (Surgut)</i>	
Social resources of youth in social production system	87
<i>Osipov M.Y. (Tula)</i>	
The major factors influencing on realization and application of right	93

HISTORICAL-LEGAL SOCIETY'S PHENOMENONS

<i>Ponihidin J.M., Surkov O.S. (Saratov)</i>	
Empire as the history-legal phenomenon	97
<i>Klepikov M.S. (Surgut)</i>	
The specification of the semantic maintenance of three values of word «Russian»	103
<i>Suleimanov B.B. (Makhachkala)</i>	
Legal basis of legal procedure and judicial system of Dagestan in the second part of 19 century	106
<i>Levin V.F., Chukanov I.A., Fedina T.V. (Ulyanovsk)</i>	
Development of the institute of criminal responsibility for the belonging to totalitarian and cruel religious studies in Russia XIX—early in XX	114
<i>Nikiforova I.M. (Surgut)</i>	
Influence of politogenesis features to formation of institutes of the power of Obsko-Ugrians	124

**PRESENTATION OF LEGAL HIGHER EDUCATIONAL
ESTABLISHMENTS OF RUSSIAN FEDERATION —
TYUMEN STATE ACADEMY OF WORLD ECONOMY,
MANAGEMENT AND LAW**

<i>Agafonov V.V.</i>	The freedom of speeches and debates» of the member of the Russian parliament and its legislative guarantee	129
<i>Mikshis D.V.</i>	The genesis of self-defense and the phenomenon of extra judicial remedies	136
<i>Torkin D.A.</i>	The peculiarities of Russian civil-legal mentality	144
<i>Krasnova T.V.</i>	The termination of the lawful mode of property, got during the marriage	148
<i>Devyatov S.A.</i>	Ways of perfection of financial maintenance of local government in the light of realization of national law «About general principals of organization of local government in the Russian Federation»	154
<i>Alekseyeva E.V.</i>	Application of public legal norms by courts and arbitration boards in case of invalidating international commercial transactions	160
<i>Ivanova L.V.</i>	Regulation of the perpetrator's excess in the countries of the Muslim law	167

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

<i>Birjulin I.V. (Saratov)</i>	The ideological maintenance of ecological positions of the Russian Federation	173
<i>Arzumanyan A.E. (Saratov)</i>	Techniko-legal rules and receptions of fastening a competition of norms in the Russian right	176
<i>Barzilov D.S. (Saratov)</i>	Legal aspects regulation of the tax relations	181
<i>Kurdubanova M.U. (Saratov)</i>	Stable incapacity state of health to realize belonging by President in Russian Federation authority as degree of constitutional and legal responsibility	185
<i>Andronov O.V. (e. Samara)</i>	Political and legal aspects of the relations between the State and non-governmental organizations in modern Russia	190

METODOLOGY OF JURISPRUDENCE

Round table discussion:
«Law-forming: methodology of research»

<i>Trofimov V.V.</i>	
Report	193
<i>Speeches:</i>	
Tsibulevskaya O.I.	200
Milusheva T.V.	201
Vetutnev Y.Y.	203
Hizhyak V.S.	204
Gorshunov D.N.	206
Kasaeva T.V.	207
Suleimanov B.B.	208
Ushanova N.V.	210
Perepechenov A.A.	211
Hidirnabiev R.Y.	213
Barzilov D.S.	214
Radaeva S.V.	217
Korzhikov O.N.	218
Matuzov N.I.	220

PERSONNELS

To the memory of M.I. Baytin (1921–2009)	223
--	-----

М.А. Костенко,
*кандидат юридических наук, доцент
Таганрогского технологического института
Южного федерального университета*

Правовая политика Российского государства как фактор стабильности общества

Создание совершенной юридической базы в современных условиях невозможно без четко продуманной правовой политики государства, под которой необходимо понимать систему научно обоснованных приоритетов развития государства в правовой сфере. Определение таких приоритетов — сложная и вместе с тем важнейшая задача, в процессе решения которой необходимо учитывать многие факторы: социальные, экономические, политические, международные, а также состояние современной юридической науки, которая должна предоставлять необходимый научный инструментарий для этого.

Любопытно, что потребность в совершенной системе права осознавалась крупными российскими правоведами еще задолго до революции 1917 г. Б.А. Кистяковский, например, неустанно пропагандировал мысль, что «всякая общественная организация нуждается в правовых нормах, т. е. в правилах, регулирующих не внутреннее поведение людей, что составляет задачу этики, а их поведение внешнее. Определяя внешнее поведение, правовые нормы, однако, сами не являются чем-то внешним, так как живут прежде всего в нашем сознании. Только будучи выраженными в статьях законов или примененными к жизни, они приобретают и внешнее существование»¹.

Все составляющие правовой политики тесно взаимосвязаны, и ослабление какой-либо из них приводит к снижению эффективности правовой политики государства в целом. Например, без тактического и стратегического анализа международных факторов (развития правовых систем наших соседей, влияния процесса глобализации на правовое пространство России, особые режимы сотрудничества с разными странами и т. д.) нельзя разработать полноценную, сбалансированную правовую политику государства, отвечающую реалиям сегодняшнего дня и работающую на перспективу. Отсутствие четко выверенной правотворческой политики влияет, безусловно, и на эффективность правотворческой деятельности в государстве. В частности, отсутствие единой концепции развития правовой системы на практике приводит к тому, что правовая система формируется спонтанно, хаотично и, как следствие, нарушается системность правового регулирования, что влечет за собой серьезные последствия не только правового, но и политического, экономического и социального характера.

---

¹ Кистяковский Б.А. В защиту права. Вехи. М., 1991. С. 139.

«Из всех формальных ценностей право, — подчеркивал Б.А. Кистяковский, — как наиболее совершенно развитая и почти конкретно осязаемая форма, играет самую важную роль. Право в гораздо большей степени дисциплинирует человека, чем логика и методология или чем систематическое упражнение воли. Главное же, в противоположность индивидуальному характеру этих последних дисциплинирующих систем, право — по преимуществу социальная система, и притом единственная социально дисциплинирующая система. Социальная дисциплина создается только правом: дисциплинированное общество и общество с развитым правовым порядком — тождественные понятия»¹. А поскольку общественная дисциплина лежит в основе правопорядка, то можно сделать вывод, что законопочитание и законопослушание граждан являются фундаментом социальной стабильности, которая в этом плане выступает как единомыслие граждан, что не противоречит принципу плюрализма. Плюрализм означает всего лишь свободу мнений, их разногласицу. Но мнений много, а истина одна, и в праве она устанавливается теоретической наукой и никаким другим способом.

Практика в праве носит своеобразный характер и не может самостоятельно выступать критерием истины (несмотря на попытки наделить практику подобным свойством). Истиной становится та правовая теория, которая утверждает социальную справедливость в форме максимального равенства и направлена на стабилизацию общественных отношений, устанавливаемых на общепризнанных принципах права, способствующих росту правосознания граждан, смыкающемуся с моральными ценностями. При этом право фиксирует минимум требований к общественному порядку и не должно бороться за иные, например религиозные, цели. Максимум, на что способно право, — это стабильность правопорядка, открытого моральному прогрессу. Максимализм в самом праве не возможен.

Следует отметить, что за годы реформ и перестройки государство недостаточное внимание уделяло правовой политик. Более того, «правовая политика в принципе по-настоящему и не могла быть выстроена, ибо отсутствовали четкие цели у государства в эпоху правления М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина (по крайней мере у нашего государства)», — указывает А.В. Малько². Нельзя с достаточной долей уверенности утверждать, что сегодня уже имеются все предпосылки для создания полноценной правовой политики, но тем не менее определенные подвижки в этом направлении делаются, хотя и носят скорее политический, а не правовой характер. Для построения прогностической модели будущей правовой системы этого явно недостаточно, более того, требуется теоретическая основа осуществления правового планирования и прогнозирования, которая является составной частью юридической стратегии. Главным препятствием на этом пути является чрезвычайная подвижность и изменчивость российского законодательства. Если сравнивать законы в момент их принятия с их последней редакцией, то напрашивается вывод, что это разные нормативные правовые акты. Например, первоначальный текст закона «О прокуратуре

¹ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 122.

² Малько А.В. Правовая политика и российское законодательство XXI в. // Законодательство России в XXI веке: по материалам научно-практической конференции. М., 2002. С. 30.

РФ» обновлен более чем наполовину. Впрочем, при взгляде на преамбулы поправок в федеральные законы видно, что они нередко занимают места больше, чем сами поправки.

Федеральные законы часто выступают как законы по случаю, на один день, как средство оперативного управления. Многие вопросы, решаемые подзаконными актами, годами ждут своего законодательного урегулирования, что позволяет субъектам права постоянно оправдывать свои не всегда корректные действия пробелами в правовом регулировании или противоречивостью законов. Эта тенденция грозит перерасти в неуважение к закону, так как принимает нередко характер злоупотребления правом. В то же время судебная практика свидетельствует об обратном, о том, что для разрешения дел по существу всегда имеется законодательная база. Ищущие пробелы в законодательстве часто не находят в нем оправдания своим действиям, удовлетворению своих интересов, а это не всегда связано с пробельностью в праве. Но нестабильность нормативно-правовой базы не может стать основой стабильного правопорядка, о чем свидетельствует юридическая статистика.

Все это подтверждает, что проблемам юридической стратегии, которая включает в себя вопросы перспективного планирования и прогнозирования, концептуальные и долгосрочные подходы развития юридической практики¹, уделяется недостаточно внимания. В российской юридической науке акцент в большей степени сделан на вопросы планирования развития и совершенствования текущего законодательства, тогда как проблемы концепции развития будущей правовой системы российского общества, критерии, влияющие на ее развитие, механизм определения периода «жизнеспособности» отдельных отраслей и институтов без снижения уровня эффективности правового регулирования в достаточной степени не исследованы, хотя и являются залогом стабильности правопорядка. Теория должна опережать практику и в правовой науке.

Анализ факторов, влияющих на развитие правовой системы, позволяет говорить об их многообразии, когда каждый из них обладает самостоятельностью по отношению к другим группам, находится в исторической динамике и в зависимости от направленности правовой политики государства может занимать преимущественные позиции в процессе формирования правовой системы. Именно поэтому для формирования эффективной правовой системы так важно определить приоритеты ее развития, своего рода правовые ориентиры в обеспечении стабильного правопорядка.

Одним из существенных факторов является правовая идеология, которая, выражаясь в виде основополагающих идей, проникает в само содержание права². В целях более глубокого проникновения в сущность процессов развития правовой системы государства необходимо философское осмысление права и его роли в общественной жизни в данный период, а также в перспективе. В

---

¹ См.: *Карташов В.Н.* Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 16–23.

² См.: *Алексеев С.С.* Философия права. М., 1998. С. 50.

этой связи весьма интересен дальнейший анализ работ русских ученых: философов, правоведов и социологов, внесших весомый вклад в развитие правовой мысли, который в силу ряда причин так и не использован в полной мере, но представляется весьма интересным в аспекте исследования концепции развития будущей правовой системы с учетом ее роли в формировании и регулировании общественных потребностей и интересов.

Так, известный философ права Б.А. Кистяковский отмечал, что право не может быть поставлено рядом с такими духовными ценностями, как научная истина, нравственное совершенство, религиозная святость, так как его содержание отчасти определяется изменчивыми экономическими и социальными условиями; в этой связи некоторые склонны определять его ценность очень низко¹. Поэтому правовая система — это динамичная система, которая должна оперативно реагировать на процессы, протекающие в обществе, и адекватно отражать данные изменения в виде определенных правоустановлений. Но вместе с тем правовая система должна иметь и определенную степень устойчивости для обеспечения стабильности правового регулирования, и даже степень защиты от внешнего воздействия, так как не любые изменения в правовом регулировании являются позитивными. Это может приводить к ряду отрицательных последствий и деформировать развитие как правовой системы в целом, так и отдельных ее отраслей и институтов, что проявляется в форме правового нигилизма, который парализует право, превращая стабильность в застой. Правовой нигилизм, как показал в ряде работ Н.И. Матузов, является «родимым пятном» российского общества, а это значит, что он прочно сросся с правосознанием, и избавление от него требует упорной, но продуманной идеологической борьбы. Разумный и стабильный правопорядок лишает его почвы, так как предполагает закрепление потребностей и интересов граждан правовыми средствами.

Последствия правового нигилизма оказались такими, какими их предсказывал русский философ С.Л. Франк. «Под нигилизмом, — писал он, — я разумею отрицание или непризнание абсолютных (объективных) ценностей»². Строго говоря, право, как абсолютная ценность, не нашло достойного признания русской школы правоведов. «У нас при всех университетах созданы юридические факультеты; некоторые из них существуют более ста лет; есть у нас и полдесяток специальных юридических высших учебных заведений. Все это составит на всю Россию около полутора десятка юридических кафедр. Но ни один из представителей этих кафедр не дал не только книги, но даже правового этюда, который имел бы широкое общественное значение и повлиял бы на правосознание нашей интеллигенции. В нашей юридической литературе нельзя даже указать ни одной статейки, которая выдвинула бы впервые хотя бы такую по существу не глубокую, но все таки верную и боевую правовую идею... Ни Чичерин, ни Соловьев не создали чего-либо значительного в области правовых идей»³.

---

¹ См.: Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 122.

² Франк С.Л. Этика нигилизма. Вехи. М., 1991. С. 173.

³ Там же.

По нашему мнению, препятствием для создания концепции развития правовой системы России в дореволюционное время послужили обстоятельства, выраженные в консервативной формуле «самодержавие, православие, народ». Примеры Европы и Нового света показывали, что юридические акценты сместились в сторону признания прав и свобод человека, включая свободу совести. Русская школа правоведов не смогла перенести этот опыт построения новой демократии на русскую почву и принять участие в стабилизации общественных отношений посредством реформирования консервативной системы права России в либеральную модель европейского типа.

Разрабатывая концепцию развития правовой системы, необходимо учитывать, что право не должно существовать безотносительно в среде, его идеями должно быть «пропитано» общество, эти идеи должны быть общественным достоянием. На сегодняшний день можно говорить о том, что идеи конституционного государства, правового порядка, прав и свобод личности, первоначально развитые и воплощенные в других государствах, при их заимствовании плохо «приживаются» на новой почве по ряду объективных и субъективных причин. Во-первых, как уже отмечалось выше, этими идеями общество должно быть охвачено, ведь «как бы ни была сама по себе стара та или другая идея, она для переживающего ее впервые всегда нова»¹, а во-вторых, нет и не может быть идей свободы личности, правового порядка и правового государства, одинаковых для всех времен и народов.

В целом создание концепции развития правовой системы России должно базироваться на разносторонних фундаментальных исследованиях в области теории права, философии права и социологии права. Общие контуры ее могли бы стать не только объектом научных дискуссий, но и предметом общественных экспертиз, осуществляемых различными институтами гражданского общества. В их основе должен лежать поиск общественного консенсуса, ибо времена декретов прошли, и в наше время они часто служат источником «мертвых» правил и норм. Слабая проработанность доктрины развития Российского государства и права уже сейчас сказывается на эффективности правовых реформ, неудовлетворительные результаты которых, в том числе, связаны с неверно избранной стратегией правового развития². Важность подобного исследования определяется потребностью ухода от хаотичного развития стратегии права к развитию, которое строится на основе учета общественных интересов, современных тенденций общества и уровня правосознания. Только такой подход может обеспечить построение правовой системы России XXI в., чутко реагирующей на вызовы современности, обладающей ресурсом устойчивости и доверия российского общества и составляющей основу стабильного правопорядка.

¹ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 126.

² См.: Синюков В.Н. Россия в XXI веке: пути правового развития // Ежегодник российского права. М., 2001. С. 21.

Н.Н. Вопленко,
доктор юридических наук, профессор
Волгоградского государственного университета
В.А. Рудковский,
кандидат юридических наук, доцент
Волгоградской академии МВД России

Проблемы институционализации правовой политики современного Российского государства

Одной из заметных тенденций, характеризующих развитие отечественной правовой науки на рубеже XX–XXI вв., является «всеобщее» стремление к обновлению ее методологического арсенала, поиску новых и модернизации уже известных и апробированных научных подходов. Далеко не всегда указанные стремления приводят к действительно серьезным прорывам в науке. Имеют место и возвраты к прошлому, и «методологические тупики»¹. Но в целом указанное движение отражает закономерный процесс обновления науки, выход на новые рубежи познания социальных закономерностей.

В числе научных подходов, обладающих значительным познавательным потенциалом, особого внимания заслуживает институциональный подход. Для юридической науки указанный подход является достаточно традиционным, однако его применение, как правило, ограничивается лишь рамками исследования структуры сложившейся системы права. Отсюда и сам термин «институт» обычно ассоциируется в юридической науке с правовым институтом как совокупностью правовых норм, регулирующих с помощью специфических приемов и способов однородный вид или сторону общественных отношений².

Не отрицая значимость институционального подхода в изучении структурных особенностей права, отечественные авторы в последние годы тем не менее вполне обоснованно обращают внимание на его ограниченность. «Современная юридическая наука, — указывает, в частности, Г. В. Мальцев, — подошла к рубежу, когда она не может обойтись без развитой теории институтов, пригодной не только для объяснения структуры права как системы, но для глубокого понимания динамики и механизма воздействия права на общество и социальные отношения»³.

В социологической науке социальные институты трактуются довольно широко⁴. В их состав включаются не только нормы, но и множество других явлений: организационные структуры, социальные статусы и роли, ценности и идеалы, типы мышления, реальные и идеальные модели поведения, формаль-

---

¹ См.: Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2007.

² См.: Керимова Е.А. Правовой институт: понятие и виды. Саратов, 2000. С. 15.

³ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 434.

⁴ См., напр.: Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы, 2000. С. 343.

ные и неформальные установки, регулирующие деятельность людей, и пр. Во всех случаях институты воспринимаются в качестве устойчивых социальных образований (структур), осуществляющих регулятивно-коммуникативные и интегративные функции в социальной сфере в целях рационализации, усиления надежности и предсказуемости социальных процессов. Институционализация в таком контексте противостоит различным формам дезорганизации общественных отношений и означает переход от неорганизованных общественных связей к организованным связям, от хаотических состояний к упорядоченным системам¹.

Любая сфера социальных отношений (экономических, политических, пр.) характеризуется наличием и функционированием соответствующих институтов, обеспечивающих ее устойчивое развитие и обновление. Что же касается государственно-правовой сферы, то она имеет институциональный характер по преимуществу, сама же институционализация выглядит как специфическая общая закономерность возникновения, развития и функционирования всех явлений государственно-правовой жизни².

Особым социальным институтом является правовая политика, интегрирующая в себе наиболее значимые с точки зрения реализации исторических задач общества и государства вопросы совершенствования и развития правовой сферы.

В науке пока не сложилось какого-то единого мнения относительно природы и содержания указанного института. Некоторые авторы рассматривают правовую политику в качестве «внешнего» неюридического фактора, определяющего стратегические направления формирования правовой системы³. Другие, напротив, трактуют указанную политику в качестве специфичного правового явления. В частности, В.К. Бабаев, выделяя в правовой системе явления духовного, мировоззренческого характера, право и выражающее его законодательство, правовые отношения, юридическую практику, юридическую технику, относит правовую политику к первому блоку явлений и располагает в одном ряду с юридической наукой, правовыми понятиями, правовыми принципами и правовой культурой⁴.

В виде комплексного правового института определяет правовую политику Н.В. Баландина. Данный институт, по мнению Н.В. Баландиной, призван «аккумулировать и законодательно закрепить положения о задачах, программах, установках, целях, мерах, основных правовых средствах, субъектах политики и их полномочиях в сфере права и посредством права»⁵.

На наш взгляд, правовая политика занимает особое место в системе функционирования политических и правовых институтов современного общества. Она призвана налаживать конструктивное взаимодействие политической и

¹ См.: Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 405–406.

² См.: Вопленко Н.Н., Ветютнев Ю.Ю. Институционализация как закономерность государственно-правовой жизни // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. №3. С. 21.

³ См.: Давыдова М.Л. Юридическая техника и право: проблема становления научной категории // Проблемы правопонимания и правоприменения: теория и практика. Волгоград, 2007. С. 33.

⁴ См.: Бабаев В.К. Правовая система общества // Общая теория права: курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 86.

⁵ Баландина Н.В. Правовая политика Российского государства по декриминализации общественных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 10–11.

правовой систем на основе общности их основных задач и ценностных ориентиров. Поэтому попытки представить указанную политику в качестве сугубо политического или, наоборот, правового явления выглядят односторонними. Речь идет о межсистемном институте. «В некоторых случаях, — обоснованно отмечали В. Н. Кудрявцев, А. М. Васильев и В. П. Казимирчук, — складываются межсистемные образования. Так, на стыке политической и правовой систем формируется институт *юридической политики*, конкретизирующий общие цели и задачи социалистического строительства в сфере правотворчества и правореализации»¹.

Межсистемный комплексный характер правовой политики проявляется, во-первых, в том, что в ней находят свое выражение наиболее значимые социально-экономические, политические, культурные и иные интересы, ценности и т.д., осуществление которых требует официально-властного признания и обеспечения соответствующими государственно-правовыми средствами и механизмами. Речь, следовательно, идет о высокой степени социальной комплексности рассматриваемого феномена. Во-вторых, правовая политика опосредует и организует процессы формирования различных отраслей и институтов права и законодательства, правотворческую, правоприменительную и иные виды юридической деятельности. В-третьих, рассматриваемая политика характеризуется сложной структурной организацией, известным комплексом взаимосвязанных элементов, обеспечивающих ее целостность и функциональность.

С учетом высказываемых в современной литературе соображений², структура правовой политики может быть представлена четырьмя взаимосвязанными элементами или достаточно сложными блоками: идейно-целевым (концептуальным), нормативным, организационно-управленческим и деятельно-практическим (поведенческим).

Идейно-целевой блок правовой политики выражен совокупностью концептуально осмысленных идей (целей, идеалов, задач, принципов и пр.), воплощающих основные ценностные доминанты и стратегические ориентиры государства (и стоящих за ним субъектов политико-правовой системы) в правовой сфере. Речь идет о наиболее стабильном и вместе с тем идеологизированном компоненте правовой политики, который представляет собой известную комбинацию идей-ценностей нравственно-правового, политического, экономического и т.п. содержания. Основное назначение общей концепции правовой политики состоит в идеологическом обосновании соответствующего политического курса и ориентации субъектов политики на его неуклонное проведение в жизнь³. Существенные трансформации данный блок претерпевает лишь в условиях кардинальных изменений в общественной и государственной жизни, сопровождающихся качественными изменениями в сфере государственно-правовой идеологии. В периоды же стабильного социально-экономического и политико-правового развития основополагающие идеалы остаются незыблемыми и известной корректировке подвергаются лишь те цели-задания, которые имеют тактическое значение и отражают специфику встающих перед государством проблем на том или ином участке правового

¹ Правовая система социализма: понятие, структура, социальные связи. Кн. 1 / под ред. А.М. Васильева. М., 1986. С. 50.

² См., напр.: Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 448.

³ См.: Санистебан Л. Политика и идеология // Диалог. 1993. № 8–9. С. 40–43.

регулирующего. Такая корректировка осуществляется методами программно-директивного характера. В частности, при общей принципиальной ориентации современного Российского государства на такие идеалы, как благополучие и процветание России, обеспечение прав и свобод личности и т. д., задачи в области судебной, административной и иных реформ постоянно корректируются. Учитывая изложенное, идейно-целевой компонент правовой политики целесообразно разделять на две части: собственно концептуальную (стратегическую), фиксирующую наиболее значимые стратегические ориентиры, и программно-директивную (тактическую), представляющую известное развитие и конкретизацию стратегических идей с учетом тех проблем, которые возникают на том или ином этапе или участке их реализации.

Нормативный компонент правовой политики выражен соответствующими положениями законодательства и иных источников права, закрепляющих основополагающие цели, принципы, методы и т. д. правового регулирования. Речь идет в первую очередь о тех нормативных предписаниях, которые определяют общую направленность правового регулирования, его базовые ориентиры и принципы. Такие предписания в юридической науке принято именовать исходными (установочными, отправными, учредительными и т. п.) юридическими нормами. Это нормы-принципы, нормы-цели, нормы-декларации¹ и пр. Закрепление в нормативном акте указанных предписаний выполняет и идеологическую функцию, так как субъекты права «получают подобным образом информацию о том, что представляет собой политика государства в области права, какие цели ставит перед собой законодатель, какие направления являются приоритетными»².

Нормативная институционализация правовой политики не сводится только к законодательному закреплению указанных основополагающих начал правового регулирования. В зависимости от общей направленности правовой политики в нормативной системе происходят изменения более масштабного характера, выражающиеся в трансформации действующих правовых институтов, возникновении новых, отмене ранее действовавших и т. д. Так, конституционное признание в нашей стране института частной собственности наравне с государственной, муниципальной и иными формами (ст. 8 Конституции РФ) оказало колоссальное влияние на развитие всей правовой системы России, в особенности таких отраслей, как гражданское, земельное, трудовое право и некоторых других. Изложенное говорит о том, что правовая политика является одним из мощнейших факторов институциональных изменений в правовой сфере, определяет общую стратегию подобных изменений.

Благодаря нормативной институционализации правовая политика приобретает черты нормативности, официальности, формальной определенности, го-

¹ В данном случае мы не вдаемся в полемику по поводу того, являются ли указанные предписания собственно нормами права или же их необходимо рассматривать в качестве особой разновидности нормативных правовых предписаний наряду с нормами права (см., напр.: *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 201–267; *Вопленко Н.Н.* Нормы права. Волгоград, 1997. С. 3–12).

² *Давыдова М.Л.* Общие нормативные предписания как средство выражения правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 2. С. 25.

сударственной обязательности и т. д. Образно выражаясь, происходит своеобразная «юридизация» правовой политики, ее становление в качестве законодательно установленной, легальной государственно-правовой стратегии. Эффективность указанного процесса во многом определяется тем, насколько грамотно используются правила и приемы юридической техники.

Организационно-управленческий блок правовой политики представлен системой государственных и негосударственных организаций, осуществляющих функции выработки и реализации государственно-правовой стратегии. Речь идет, прежде всего, о таких политико-правовых учреждениях, как парламент, суд, президент, правительство, адвокатура, прокуратура и т. д. Представить правовую политику вне деятельности соответствующих организаций невозможно. Это «как бы узлы, соединяющие воедино сеть, которую составляет правовой строй. Через эти институты протекает поток правовой деятельности, правовых актов. Правильность этих потоков зависит от надлежащего функционирования этих институтов»¹.

С точки зрения обеспечения научности, а также идеолого-информационного сопровождения правовой политики чрезвычайно важную роль играют различные научно-исследовательские, учебно-педагогические, просветительские и т.п. организации (научные институты, учебные заведения, консультативные советы, экспертные сообщества, средства массовой информации и пр.).

Наконец, деятельно-практический (поведенческий) элемент в институциональной структуре правовой политики представлен основными тенденциями правотворческой, интерпретационной, правоприменительной, правовоспитательной, правозащитной и иной политико-юридической деятельности соответствующих субъектов, выражающими ее общую предрасположенность² к реализации тех или иных идейно-целевых и нормативных компонентов, сложившиеся стандарты поведения при разрешении определенных категорий дел, устоявшиеся и широко распространенные формы, методы деятельности, оценки и т. д. Таковы, например, тенденции к ужесточению или, напротив, смягчению уголовной ответственности в рамках уголовно-правовой политики, приоритетного обеспечения интересов личности или государства в конституционной политике и т. д.

Как целостное институциональное образование правовая политика проявляет себя в известном единстве всех перечисленных элементов. Они взаимосвязаны друг с другом, предполагают и логически вытекают один из другого. Концепция правовой политики, не подкрепленная соответствующими нормативными и организационными институтами, не имеет шансов воплотиться в действительность и сформировать устойчивый тип юридической деятельности. Она превращается в пустую декларацию. Неэффективным окажется и нормативный институт, если не ясны цели его создания и не определены учреждения, отвечающие за реализацию норм данного института. Аналогичным образом обстоит дело с организационным и деятельностным

¹ Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., 1974. С. 321.

² В.М. Сырых трактует тенденции в виде «предрасположенности определенных событий, явлений, процессов к определенному результату» (см.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. 2-е изд. М., 2004. С. 53).

компонентами правовой политики. Однако это не означает, что перечисленные элементы возникают синхронно и что они всегда имеются в наличии в структуре правовой политики.

Процесс формирования правовой политики предполагает определенную стадийность возникновения составляющих ее элементов, при которой неизбежны определенные разрывы, нестыковки и т. д. Зачастую указанный процесс так и остается незавершенным, и правовая политика, возникнув в виде определенной идеи, не получает дальнейшей институционализации. «В истории было немало хороших доктрин, — отмечает Н.И. Матузов, — которые оказались недостижимыми на практике»¹. Да и сегодня многие политико-правовые идеи находятся в своеобразном «замороженном» состоянии и вопрос об их нормативной, организационной и иной институционализации остается открытым. Речь идет, например, о концепции Закона «О нормативных правовых актах РФ», об идее формирования в России ювенальной юстиции и многих других. Целый ряд направлений правовой политики современной России находится, по существу, в начальной стадии своей институционализации, представляет собой формирующиеся политико-правовые институты (например, антикоррупционная политика).

Все это ставит на повестку дня проблему исследования процесса становления правовой политики как институционального образования и факторов, на него влияющих. В литературе данный процесс обозначается как институционализация или институтогенез (последний термин, видимо, несколько шире по содержанию).

В самом общем виде институционализация правовой политики представляет собой процесс формирования ее институциональной структуры и, следовательно, становления правовой политики в качестве целостного институционального образования.

Г.В. Мальцев указывает на два способа образования социальных институтов — должный и реальный. Он отмечает: «Создавая реальные институты в экономике и политике, люди чаще всего поступают как им удобно, стараются использовать только полезные для себя возможности и, конечно, не придерживаются какой-либо последовательности действий. В стремлении найти самый короткий путь к цели, перескочить через этапы развития, ускорить и упростить решения социальных проблем лежат истоки наиболее распространенных причин неудачного институционального строительства. В итоге появляются скороспелые, непродуманные институты, непрочные структуры, плохо приспособленные друг к другу и общественной среде»². Такому, по существу, спонтанному, нерациональному способу формирования институтов Г.В. Мальцев противопоставляет «должный порядок образования институтов», который не описывает реальности институционального строительства, а указывает правильный (должный) порядок такого строительства. «Любой порядок, который идет *от должного*, имеет неопределимое свойство осуждать и отвергать порочную практику

---

¹ Правовая политика: от концепции к реальности / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2004. С. 9.

² Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 464–465.

независимо от того, как глубоко укоренилась она в жизни»¹. Нормальным, согласно изложенному подходу, признается такой порядок образования института, при котором вначале формулируется его идея и основная цель, затем на основе этой идеи создается соответствующая нормативная база, далее формируются оптимальные организационные структуры и, наконец, наступает время приобретения практического опыта в виде определенных форм и моделей поведения, профессиональных знаний и умений и т. п.² Иными словами, должный порядок образования институтов предстает как последовательное движение от институциональной идеи к ее практическому воплощению.

На наш взгляд, предложенный порядок страдает тем недостатком, что не отражает в полной мере роль социальных потребностей и интересов в процессе образования социальных институтов. Между тем, по образному выражению классиков марксизма, «идея» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса»³. Формулирование идей, следовательно, важный, но все же не начальный этап формирования социальных институтов, в особенности политико-правовых. Ему предшествует сложная и продолжительная работа по осознанию происходящих в обществе процессов и их оценке в контексте определенных социальных интересов и ценностей. Именно на данном этапе закладываются такие базовые характеристики правовой политики, как реалистичность, социальная востребованность, поддержка общественным мнением и т. д., которые в решающей степени определяют социальную эффективность рассматриваемой политики, ее способность позитивно влиять на развитие общества и его правовую систему. «Только своевременное отражение в правовой системе и системе субъективных прав назревших объективных потребностей и социальных интересов (объективной нуждаемости в экономических, политических и культурных благах) в состоянии поддерживать действенное правовое регулирование общественных отношений, правопорядок и законность»⁴. Многие неудачи, постигшие правовую политику современной России, были обусловлены как раз тем, что ее формирование начиналось не с анализа реальной ситуации, а с выдвигания разнообразных правовых идей, порой весьма далеких от насущных потребностей переживаемого обществом и государством периода.

Интерес занимает своеобразное промежуточное место между социальными потребностями субъекта и его социальным поведением, деятельностью. Непосредственной предпосылкой и объективной основой интереса является потребность, означающая недостаток чего-либо, нужду в чем-либо⁵ для нормального существования человеческой личности, социальной группы, общества в целом. Возникая на почве таких потребностей, интерес характеризует направление мыслей и чувств человека на предметы, способные их удовлетворить. «Объективно существующая ориентация на создание и усвоение предмета потребности и представляет собой интерес»⁶.

¹ Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 464.

² См.: Там же. С. 465.

³ См.: Марк К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 89.

⁴ Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С. 190.

⁵ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1983. С. 507.

⁶ Экимов А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л., 1984. С. 6.

Содержание социальных интересов в своей основе задано системой объективных потребностей человека и тех общественных условий, в которых он существует и действует как социальное существо. В этом смысле интерес субъекта имеет объективное основание и «не так уж зависит от того, что данная личность думает о своем интересе»¹. В отдельных случаях субъект может не только не осознавать свои подлинные социальные интересы, но и действовать вопреки им. Преступность, наркомания, войны, национальные конфликты и т.п. социальные проявления являются яркими примерами подобных ложно понятых интересов. Отсюда проблема осознания социальных интересов и их адекватной реализации в политике, законодательстве, деятельности органов государственной власти и т. д.

С этих позиций формирование правовой политики предстает как процесс осознания, согласования и последующей институционализации наиболее значимых социальных интересов в качестве юридически признанных или законных интересов. Правовая политика призвана создавать соответствующие условия для реализации таких интересов².

В содержании правовой политики интерес представлен как бы в снятом, идеологизированном виде и существует здесь как всеобщая идея, принцип, цель, государственная задача и т. д. Отсюда создается впечатление, что политика «начинается с идеи и состоит в ее формулировании и последовательном осуществлении»³. В действительности же политика начинается с интереса, «сосредоточена на балансировании, регуляции, оптимизации, канализации интересов, фундирующих известные виды человеческой активности ... овеществляется в упорядочении (координации и субординации) социальных взаимодействий посредством взаимочета интересов»⁴.

Следовательно, «должный» порядок институционализации правовой политики представляет собой последовательное движение от социального интереса через деятельность соответствующих субъектов к институциональной идее, от нее — к формированию соответствующих нормативных и организационных структур и далее к практической деятельности и ее результатам. Правовая политика движется от интереса и к нему же в конечном счете возвращается. Весь этот процесс опосредуется системой господствующих в том или ином обществе нравственно-правовых, политических и иных ценностей.

¹ Явич Л.С. Указ. соч. С. 187.

² См.: Субочев В.В. Законные интересы. М., 2008. С. 466.

³ Коробова А.П. Понятие и структура правовой политики // Правовая политика России: теория и практика / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2006. С. 108.

⁴ Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994. С. 11.

К.Е. Игнатенкова,

*кандидат юридических наук, ученый секретарь
Саратовского филиала
Института государства и права РАН*

О.Б. Потапова,

*соискатель кафедры государственно-правовых
дисциплин Пятигорского государственного
технологического университета*

К вопросу о повышении эффективности правовых актов Президента РФ*

Президент РФ как субъект правовой политики формирует систему наиболее приоритетных задач в области правового регулирования, а также необходимых форм их решения¹. В связи с масштабностью, глобальностью и в то же время некой аморфностью целей президентской правовой политики главе государства необходим особый, соответствующий им (целям) инструмент, который будет удовлетворять требованиям, закрепленным в Конституции РФ. Между прочим, сам Основной Закон и называет такой инструмент — обращение Президента к Федеральному Собранию с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики (п. «е» ст. 84 Конституции РФ).

Данный правовой акт Президента РФ по праву называют «национальной стратегией», «государственной доктриной», «программой развития России»². Соответствуя столь высокому статусу, послание должно охватывать (и охватывает) все сферы жизни общества. Традиционно в центре внимания оказываются проблемы экономического развития страны, освещаются актуальные политические (внутренние и международные) вопросы, пристальное внимание, особенно в новом тысячелетии, уделяется социальной политике, демографическим проблемам. И, разумеется, рассматриваемый документ, помимо прочего, становится программой правового развития страны, своеобразной концепцией правовой политики государства. В связи с этим рассмотрение вопроса повышения эффективности правовых актов Президента РФ логичнее всего начать именно с ежегодных посланий Федеральному Собранию.

Проанализировав послания Президента Российской Федерации, можно констатировать, что единой матрицы у них нет. Они различаются прежде всего по форме. Отсутствие у посланий четкой структуры как формальной стороны документа не способствует выстраиванию обоснованной, последовательной концепции развития России, необходимость в чем весьма существенна.

В содержательной стороне посланий также не наблюдается единообразия, — в них рассматриваются совершенно разные вопросы, подчас сиюминутные,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 09-03-00445а).

¹ См. подробнее: Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. / под ред. А.В. Малько. М., 2008. С. 23.

² См.: Омельченко И. С доктриной вас! // Российская газета. 2006. 12 мая.

«уводящие» от решения более глобальных проблем. Впрочем, следует отметить, что если послания Б.Н. Ельцина не были четко структурированы, то в посланиях В.В. Путина прослеживается единая линия государственно-правовой стратегии в постановке и достижении целей по укреплению и развитию Российского государства, а также решению задач, намеченных в предыдущих документах. Будем надеяться, что послания Д.А. Медведева также будут базироваться на принципе системности и преемственности целей и приоритетов государственной правовой политики.

Президентские послания, на наш взгляд, должны отражать три момента. Первый обязательный элемент — это постановка длительных стратегических задач, направленных на достижение целей, установленных в Конституции РФ. Следующая важная составляющая ежегодного послания — промежуточное подведение итогов, оценка результативности шагов по решению тех или иных задач. И, наконец, послание должно непременно отражать ближайшие цели, действия по достижению которых должны быть предприняты в течение следующего года. В принципе многие послания включают в себя в том или ином виде все три элемента. Однако критический анализ конкретных документов показывает, что четкий порядок построения посланий не выдерживается, отсутствует системный характер.

Весьма актуальным в этой связи является закрепление перечня вопросов, подлежащих обязательному рассмотрению в ежегодном обращении к Федеральному Собранию, так как именно в этом акте анализируется положение дел в государстве и определяются основные направления внутренней и внешней политики. Средством, позволяющим оптимизировать составление и реализацию посланий главы государства, может стать издание специального президентского указа, в котором как раз и будет закреплена матрица документа. В таком случае сам Президент установит для себя рамки, в которых будет развиваться его правовая политика в последующие годы. Определив, на каких вопросах должно быть сконцентрировано внимание в самом начале послания, после чего уже может идти рассмотрение второстепенных проблем, он тем самым исключит ситуацию, когда какой-либо «наболевший» вопрос не будет рассмотрен в угоду сиюминутных потребностей.

На протяжении всей истории существования практики президентских посланий практически всегда присутствовало недовольство тем, как и с какой скоростью ведомства реализуют постулаты «главной речи года». При этом КПД исполнения послания тем выше, чем больше конкретных поручений содержит документ, особенно если эти поручения дает Президент РФ своей Администрации¹.

Обычно для целей реализации посланий Президента не принимаются специальные акты. Единственным случаем, который мог бы положить начало (но не положил) такой практике, стал Указ Президента РФ от 3 апреля 1997 г. № 278 «О первоочередных мерах по реализации Послания Президента РФ Федеральному Собранию “Порядок во власти — порядок в стране (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)”»².

¹ См.: Волкова М. Послание в действии // Российская газета. 2009. 29 янв.

² См.: СЗ РФ. 1997. № 14, ст. 1608.

Данный указ состоит из основной части и трех приложений. В основной части Президент РФ определяет перечень законопроектов, которые необходимо принять в первоочередном порядке исходя из приоритетов во внутренней и внешней политике государства, обозначенных в Послании 1997 г. (в частности, это Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, законы о порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов, о судебных приставах, о мировых судьях, об исполнительном производстве, о борьбе с коррупцией, об ответственности за легализацию преступных доходов, о государственном финансовом контроле, об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации). Дублируется высказанное главой государства в Послании 1997 г. «пожелание» Правительству активнее участвовать в законодательной деятельности, использовать свое конституционное право на законодательную инициативу — представлять на рассмотрение Федеральному Собранию необходимые законопроекты.

Приложения представляют собой системный набор конкретных поручений различным государственным органам. В первом приложении Б.Н. Ельцин дает поручения Правительству РФ для реализации своего Послания 1997 г., во втором — правоохранительным органам, а в третьем — Администрации Президента. Значительное место в Указе занимает первое приложение, и это вполне закономерно. Послание 1997 г. называется «Порядок во власти — порядок в стране», что само по себе говорит об особом внимании, которое уделяется в документе наведению порядка в сфере управления, т. е. в сфере исполнительной власти.

Систематическое издание аналогичных указов вслед за президентскими посланиями могло бы сыграть немаловажную роль в повышении эффективности президентских посланий. Президент РФ, выпуская подобный акт, не просто намечает путь, по которому должно, по его мнению, идти развитие (в том числе и правовое) России, что он, собственно, и делает в ежегодном обращении к Федеральному Собранию, но и предлагает необходимые меры для этого, распределяя конкретные задания (с установлением четких сроков) между различными органами, осуществляющими государственную власть.

Если перейти к рассмотрению нормативных актов главы государства, то основные трудности, стоящие на пути их реализации, возникают по причине некоторой двойственности их характера — они воспринимаются и как законы, и как подзаконные акты. Если подходить, формально, — они относятся к последним, но на деле получается, что они занимают некую промежуточную позицию.

Конституция РФ не употребляет прилагательного «подзаконные» в сочетании со словами «нормативные правовые акты», тем не менее анализ ее статей показывает, что понятие «подзаконные» по-прежнему применимо для обозначения всех остальных ступеней иерархической структуры законодательства, кроме собственно законов. В Основном Законе говорится, что «Конституция РФ и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации» (ч. 2 ст. 4). Не должны составлять в этом смысле исключения и указы Президента РФ, несмотря на все попытки Конституционного Суда РФ расширительного толкования его протворческой компетенции.

Существует реальное решение данного вопроса, являющегося неременным условием упрочения системности законодательства, эффективности реализации правовой политики страны в целом, — это принятие «долгожданного» закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», теоретические разработки которого ведутся уже более десяти лет. В специальных журналах не один раз публиковались авторские инициативные проекты такого закона¹, но его как не было, так и нет.

Такое положение дел объясняется достаточно просто. Не наука виновата в этом существенном пробеле в российском законодательстве, — главные тормозящие элементы скрыты в тех структурах государственной власти, которые активно проводят негативную с точки зрения интересов общества и государства правовую политику, преследующую цель убрать любые ограничения на пути волюнтаристского нормотворчества Президента и Правительства страны. Не случайно самую ожесточенную критику с их стороны вызывает статья законопроекта, устанавливающая круг вопросов и общественных отношений, которые должны регламентироваться только законами, а не указами Президента РФ и не правительственными постановлениями, как это нередко имеет место на настоящий момент². И это при том, что на необходимость принятия закона «О нормативных правовых актах» обращалось внимание и со стороны представителей органов государственной власти³.

Серьезной проблемой на пути эффективной реализации правовых актов Президента РФ можно считать состояние исполнительной дисциплины⁴. В настоящее время основными причинами невыполнения или несвоевременного выполнения нормативных актов главы государства выступают следующие: отсутствие финансов на запланированные мероприятия, недостаточная организационная работа, необеспечение постоянного эффективного ведомственного контроля, отсутствие обратной связи.

Контроль за исполнением правовых актов главы государства осуществляет Администрация Президента РФ. Основная нагрузка в этой сфере возложена на

¹ См.: Казьмин И.Ф., Поленина С.В. «Закон о законах»: проблемы издания и содержания // Советское государство и право. 1989. №2. С. 3–9; Пиголкин А.С., Казьмин И.Ф., Рахманина Т.Н. Инициативный проект закона «О нормативно-правовых актах РФ» // Там же. 1992. № 7. С.76–86; Поленина С.В. и др. Инициативный проект «О законах и иных нормативных актах РФ» // Там же. 1995. № 3. С. 57–68.

² В литературе предлагается регулировать только законами следующие вопросы: 1) установление всех компонентов правового статуса граждан, включая основные права и свободы, способы их охраны, юридическую ответственность и применение мер принуждения по отношению к гражданам; 2) условия создания и деятельности общественных объединений; 3) определение порядка формирования и работы органов представительной, исполнительной и судебной власти; 4) вопросы конституционного порядка; 5) установление, отмену и изменение всех видов налогов; 6) уголовное, уголовно-процессуальное, административно-процессуальное законодательство, законодательство о судостроительстве, прокуратуре, адвокатуре, других правоохранительных органах, т. е. юрисдикционное законодательство; 7) семейное законодательство; 8) правовой статус средств массовой информации (см.: Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996. С. 56–68).

³ См.: Бурбулис Г. Власть консолидируется // Парламентская газета. 2005. 18 ноября.

⁴ См.: Верстов В.В. Нормативные правовые акты Президента Российской Федерации (теоретический и историко-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 26.

Главное государственное-правовое управление и Главное контрольное управление, которые контролируют и проверяют исполнение указов и распоряжений главы государства федеральными органами исполнительной власти субъектов РФ, их должностными лицами и организациями. Предполагается также подготовка Администрацией соответствующих докладов главе государства по результатам контроля. Однако, как верно подмечено, данный контроль не может обеспечить должного охвата и носит выборочный характер¹.

Одним из неперенных условий повышения эффективности президентской правовой политики выступает учет общественного мнения при принятии того или иного стратегического решения, составлении заданий различным властным органам, в том числе и направленных на реализацию положений, высказанных в послании Президента РФ Федеральному Собранию. Об этом еще говорил более десяти лет назад первый российский Президент Б.Н. Ельцин: «Значительный эффект в повышении качества законов даст обсуждение законопроектов общественностью. Надо поднять «завесу молчания» прежде всего над базовыми законопроектами»². Проблема, однако, не теряет своей актуальности и по сей день.

Тем не менее можно наблюдать некоторые положительные «сдвиги» в этой сфере. Так, Д.А. Медведев дал своей Администрации поручение дополнительно проработать вопрос о внесении поправок в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы в части, касающейся государственной тайны, государственной измены и шпионажа. Глава государства внимательно отнесся к общественному мнению по этому вопросу, в том числе и к позициям, которые были высказаны в средствах массовой информации. Возможно, существует риск расширительного толкования понятий «государственная тайна», «государственная измена», «шпионаж». Заместитель Главы Администрации Президента РФ В. Сурков подчеркнул: глава государства особо обратил внимание на то, что права граждан в связи с этими поправками не могут быть ущемлены и что необходимо исключить малейшую возможность необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности³.

На наш взгляд, практика учета мнения общественности (наряду с позицией ученых-теоретиков и практических работников) перед принятием решений главой государства будет способствовать тому, что правовая политика Президента РФ станет рассматриваться россиянами как обоснованная, справедливая, соответствующая интересам большинства.

Демократическая форма правления и статус Президента РФ предполагает открытость его действий, непрерывный и плодотворный «диалог» с народом. Оценка обществом государственной власти в целом всегда начинается именно с главы государства, поэтому эффективность правовых актов Президента РФ — это один из наиболее ярких показателей существования или же отсутствия в России правового государства.

¹ См.: Верстов В.В. Указ. соч. С. 26.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 06.03.1997 г. «Порядок во власти — порядок в стране (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. 1997. 7 марта.

³ См.: Волкова М. Послание в действии // Российская газета. 2009. 29 янв.

Ю.Г. Арзамасов,
доктор юридических наук, профессор
Государственного университета — Высшая
школа экономики

Ведомственные нормативные акты как средства правовой политики государства (часть 1)

В демократически ориентированных государствах одним из главных современных средств легитимной власти для осуществления своего волеизъявления выступает право. В этой связи профессор М.И. Байтин отмечает: «В том, что право — государственная воля общества на данном этапе его развития, обусловленная экономическими, политическими, духовными и другими условиями его существования, состоит *общечеловеческая и классовая сущность права*»¹.

С помощью позитивного, т. е. писаного, права, выраженного в форме нормативных договоров (международных и внутренних), законов и различных по предмету правового регулирования, органу принятия, а значит, по видам и по юридической силе подзаконных нормативных актов, государственная власть осуществляет свою внутреннюю и внешнюю политику. Это объясняется тем, что цели и задачи государственной власти нельзя реализовать только с помощью федеральных программ, проводимой политической деятельности и освящения ее результатов в средствах массовой информации, важную роль в претворении в жизнь приоритетных национальных проектов играет нормотворчество и непосредственно его результаты (нормативные документы), на основе которых в процессе применения права принимаются различные правовые акты (указы, приказы, решения и т.п.).

Таким образом, следует говорить о существовании двух взаимосвязанных видов правовой политики, т. е. нормотворческой и правоприменительной, которые с общетеоретических позиций следует отнести к структурным элементам механизма правового регулирования в виде средств-действий, выводящих из статичного состояния такие инструментальные средства правового регулирования общественных отношений, какими являются нормы права. В данном случае речь идет преимущественно не о процессуальных, а о материальных нормах, закрепляющих права и юридические обязанности субъектов правоотношений.

Однако какие органы власти в государстве формируют правовую политику?

На первый взгляд может показаться, что данная задача — это исключительная прерогатива, монополия федеральных законодателей, поскольку предметы их ведения и полномочия закреплены в 18 пунктах ст. 71 Конституции РФ. Концептуальное и эмпирическое значение данной статьи в настоящий период 15-летнего юбилея нашей Конституции трудно переоценить, так как в ней содержится норма о разграничении компетенции между Федерацией и ее

---

¹ Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М., 2005. С. 63.

субъектами. Анализ данной статьи приводит к выводу, что федеральный законодатель правомочен осуществлять следующие виды правовой политики: конституционную (это вытекает из пунктов «а», «б» и «в» данной статьи), финансовую, таможенную (это следует из содержания пунктов «ж» и «з» ст. 71), судебную, уголовную, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, гражданскую, гражданско-процессуальную (на это указывает пункт «о» анализируемой статьи). Однако Конституция Российской Федерации — основополагающий документ именно федеративного государства, поэтому в ней не оставлены без внимания и органы законодательной власти субъектов Федерации. На это указывает ст. 72 Конституции, в которой содержится перечень полномочий, находящихся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

Между тем справедливо задать вопрос: другие ветви государственной власти получают отстраненными от формирования правовой политики государства? В построении правового, социального государства иные органы власти не должны принимать участие?

С этим вряд ли можно согласиться, поскольку такие судебные органы власти, как Конституционный Суд, Верховный Суд и Высший Арбитражный Суд, согласно ст. 104 Конституции обладают правом законодательной инициативы. Указанные инстанции в случаях, определенных законодательством, сами непосредственно участвуют в формировании правовой политики. Между тем пределы их участия в данном процессе ограничены установленными конституционными нормами, «вопросами их ведения», т. е. вопросами осуществления правосудия.

Президент Российской Федерации, хотя формально и не является главой исполнительной власти в государстве, обладает большими полномочиями в этой области, например, имеет право председательствовать на заседаниях Правительства, что говорит о его руководящей роли по отношению к исполнительной власти. Что же касается его полномочий относительно формирования политики государства, то в части третьей ст. 80 Конституции РФ говорится, что Президент определяет только «основные направления внутренней и внешней политики государства». Из этого следует, что Конституция предоставляет возможность принимать участие в данном процессе и другим органам власти.

Исполнительные органы власти тоже не находятся в стороне от формирования правовой политики. Это обусловлено, прежде всего, спецификой системы данных органов и ее структурным построением, а также их полномочиями, закрепленными посредством конституционных и других законодательных предписаний. В силу своей компетенции органы исполнительной власти участвуют в реализации как нормотворческой, так и правоприменительной правовой политики государства в различных сферах правовой жизни. Что касается первой, то данное мнение основывается на том, что исполнительные органы власти принимают различные по юридической силе нормы права. Такое положение дел может навести на мысль о несоблюдении ими конституционного принципа разделения властей. Однако данный принцип не следует понимать буквально, и осуществление нормотворческих функций, направленных на развитие положений норм законов, в нынешних условиях усложнения социума вполне оправдано. Аналогичное мнение высказал профессор А.В. Васильев. В частности, он писал, что «в настоящее

время получает признание идея "симфонии" властей, согласно которой разделение властей не должно быть очень жестким. Ветви должны взаимодействовать, что способствует более эффективной деятельности государства»¹.

Нормативные акты органов исполнительной власти на современном этапе модернизации механизма государства являются такими же необходимыми правовыми средствами в работе механизма правового регулирования, как и федеральные законы, поскольку они выражают волю того или иного органа власти, осуществляя при этом различные нормотворческие функции. В связи с этим ведомственное нормотворчество и его результаты (ведомственные нормативные документы) в последнее время неоднократно были предметами диссертационных исследований (работы Ю.Г. Арзамасова, Л.А. Богачевой, Т.Н. Ворониной, В.О. Елеонского, Н.Н. Захаровой, С.А. Иванова, Е.Н. Каменевой, Н.Н. Карташова, Т.Е. Кучеровой, Н.Н. Червякова, Н.С. Шмаковой и др.).

На сегодняшний день функции нормативно-правового регулирования реализуют в основном федеральные министерства, поскольку в норме-дефиниции, содержащейся в Указе Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», говорится, что «федеральное министерство является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации сфере деятельности»². Но 20 мая 2004 г. был принят Указ Президента РФ «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти», который разрешил осуществлять данные функции иным федеральным органам исполнительной власти, руководство которыми осуществляет Правительство³.

Из данной нормы-дефиниции вытекает, что федеральные органы исполнительной власти правомочны не просто принимать ведомственные нормативные акты, но и определять правовую политику «в установленной сфере деятельности». Однако как можно увязать между собой эти две функции?

Здесь следует отметить, что данные функции не являются полностью самостоятельными направлениями деятельности федерального органа исполнительной власти, так как они взаимообусловлены и напрямую взаимосвязаны. Указанные функции в сегодняшних условиях выступают определенными составляющими политической системы современного социума, в которую, по нашему мнению, входят не только партии и их фракции, но и нормы, регулирующие их деятельность, и другие императивы, реализующие правовую политику, а также общественные отношения, которые возникают на основе этих норм. Следовательно, можно говорить о том, что функции федеральных органов исполнительной власти непосредственно связаны с реализацией в нашем социуме определенных идей, политических замыслов. Данное утверждение исходит из того, что они закреплены государством в лице Президента в ходе определения им структуры данных органов (это его конституционная

¹ Васильев А. В. Разделение властей: теоретические аспекты и современная практика // Право и государство: теория и практика. 2006. № 7. С. 5.

² Российская газета. 2004. 12 марта.

³ См.: Там же. 22 мая.

обязанность). Поэтому их необходимо относить к элементам осуществления государственной политики. В этой связи профессор Т.Я. Хабриева, анализируя Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314, отмечает, что «в каждой функции государственного управления резюмируются элементы политики, и именно поэтому эти виды функций отнесены к числу государственных»¹.

Ведомственные нормативные акты, как результаты осуществления функции правового регулирования, в силу своей специфики всегда выступают правовыми инструментами реализации политики Президента и Правительства РФ в различных сферах жизни общества.

Как свидетельствует история, вектор в осуществлении направлений того или иного вида правовой политики практически всегда зависел от целого ряда обстоятельств. Это и субъективный фактор, т. е. те силы, которые реально, а не декларировано находятся у власти в государстве, уровень правового сознания, правовой культуры лидеров государства; это и объективный фактор, определенный общественно-экономической формацией, приоритетом в осуществлении целей и задач государства, обусловленных существующим политическим режимом.

Поэтому, в силу своей специфики, ведомственное нормотворчество и его результаты — нормативные документы (акты и договоры), часто подвергались справедливой критике. В-первую очередь, это объясняется тем, что в советское время ведомственные нормативные акты часто подменяли собой законы, а не служили средством реализации законов. И хотя в Конституции СССР 1936 г. декларировались права и свободы советских граждан, в секретных ведомственных нормативных актах фактически содержались императивы, направленные на ущемление прав и свобод советских граждан. Такая «двойная» государственная правовая политика подрывала основу государственного строя и авторитет правящей партии.

Во-вторых, негативное отношение к ведомственным нормативным актам связано с их неимоверным количеством. По данным Минюста России на сегодняшний день действуют более 60 тыс. ведомственных нормативных актов. Помимо этого не отменены такие акты, в которые внесено более 50 различных изменений и дополнений. Естественно, что разобраться в них довольно сложно даже высоко квалифицированным юристам. Поэтому, в целях повышения эффективности системы ведомственных нормативных актов, следует провести ревизию данной группы документов посредством отмены устаревших актов, а также их систематизации (кодификации, консолидации).

В-третьих, ведомственные нормативные акты не всегда являются образцом законности, что в свою очередь затрудняет осуществление правовой политики государства в определенных сферах правовой жизни. Не во всех министерствах на должном уровне находится нормоконтроль, не везде осуществлена работа по приведению ведомственных нормативных актов в соответствие с международными стандартами в области прав и свобод человека и гражданина. Также встречаются действующие ведомственные акты, явно противоречащие нормам российского законодательства. Довольно часто в ведомственных актах отсутствует механизм

---

¹ Хабриева Т.Я. Административная реформа: решения и проблемы // Журнал российского права. 2006. № 2.

выполнения содержащихся в них норм. Остается значительным объем актов, противоречащих правилам юридической техники. В этой связи следует указать на необходимость осуществления постоянного наблюдения, так называемого правового мониторинга, за всеми без исключения элементами системы нормативных актов и их применением, что, несомненно, будет способствовать реализации различных видов правовой политики государства. Для этих целей во всех правовых службах органов власти целесообразно создать аналитические отделы, осуществляющие такой мониторинг.

Продолжая исследование средств осуществления правовой политики государства, необходимо поставить вопрос: зависит ли ее реализация от нормотворческой компетенции федеральных органов исполнительной власти? Отвечая на него, следует уточнить, что воплощение в жизнь правовой политики государства непосредственно связано не просто с нормотворческой компетенцией данных органов, а с ее объемом и параметрами.

Любой федеральный орган исполнительной власти реализует указанный вид компетенции не в полном объеме, поскольку он принимает нормативные акты либо в силу «прямого указания закона», либо по поручению Президента РФ. При этом различные политические указания Президента федеральным органам исполнительной власти по разрешению какой-либо проблемы могут быть выражены как в форме нормативного указа, так и акта применения права, а иногда и в форме смешанного акта, содержащего нормативные и индивидуальные предписания.

Политическое поручение данным органам власти может быть дано и Правительством. Примером служит Приказ Министерства экономического развития и торговли РФ от 6 октября 2005 г. № 251 «О мерах по выполнению постановления Правительства Российской Федерации от 9 июня 2005 г. № 364 «Об утверждении положений о лицензировании в сфере внешней торговли товарами и о формировании и ведении федерального банка выданных лицензий»¹. Данному органу власти разрешается как формирование, так и реализация практически всех видов внутренней политики государства и отдельных видов внешней политики. Следовательно, можно утверждать, что параметры осуществления политики Правительства довольно объемны.

Анализ нормативного материала показал, что существует общий алгоритм, определяющий нормотворческую компетенцию практически всех федеральных органов исполнительной власти, — это «Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации», утвержденные Постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009, в ст. 1 которых говорится, что нормативные правовые акты «издаются на основе и во исполнение федеральных законов, указов и распоряжений Президента, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, а также по инициативе федеральных органов исполнительной власти в пределах их компетенции». Таким образом, становится видно, что объем и параметры нормотворческой компетенции федеральных органов исполнительной власти всецело зависят как от законодательных актов, так и от подзаконных актов нормативного и ненормативного характера, принимаемых Президентом Российской Федерации

¹ См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 43.

и Правительством. Положительным моментом является то, что рассматриваемые Правила унифицировали формы ведомственных нормативных актов. В управомочивающей норме, содержащейся в п. 2, говорилось, что ведомственные нормативные акты «издаются в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений»¹. Определенные сомнения вызывают лишь распоряжения, поскольку они традиционно относятся к актам применения права.

Опираясь на статусные акты в форме положений, федеральные министерства посредством разработки и принятия ведомственных нормативных актов осуществляют формирование, а затем и реализацию на практике того или иного направления правовой политики государства. Например, согласно Положению о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденному Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. №1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации», Министерство юстиции Российской Федерации (Минюст России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере адвокатуры, нотариата, по обеспечению установленного порядка деятельности судов и исполнению судебных актов и актов других органов, регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, регистрации актов гражданского состояния, а также регистрации некоммерческих организаций, включая отделения международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций, общественные объединения, политические партии и религиозные организации².

При этом в каждом положении о федеральном органе исполнительной власти перечень предметов правового регулирования является открытым, в данных статусных актах обозначаются вопросы применительно к функциям конкретного органа власти. Так, Минфину предписано принимать нормативные акты по 28 вопросам, а Министерству здравоохранения и социального развития — по 100 вопросам.

К специальным актам, определяющим нормотворческую компетенцию данных органов власти, следует отнести такие новые виды ведомственных нормативных актов, как регламенты. К примеру, приказом Минэкономразвития РФ от 14 сентября 2005 г. № 220 был утвержден Регламент Министерства экономического развития и торговли РФ, в котором говорилось, что «Министр организует работу Министерства и несет персональную ответственность за выполнение возложенных на Министерство функций, а также за реализацию государственной политики в установленной сфере деятельности»³.

Отсюда следует, что федеральные органы исполнительной власти — это не просто субъекты нормативно-определенных прав и обязанностей, как граждане, поэтому здесь вести речь надо не о правосубъектности, а прежде всего об особом статусе федеральных органов исполнительной власти. Данным статусом обладают только федеральные органы власти в государстве, которые формируют, а также, в силу своей компетенции и возможностей, реализуют правовую политику государства на практике. *(Окончание следует.)*

¹ СЗ РФ. 1997. № 33, ст. 3895.

² См.: СЗ РФ. 2004. № 42, ст. 4108.

³ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 46.

А.Ф. Соколов,
кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой Саратовской
государственной академии права,
Почетный работник
прокуратуры РФ

Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации в правовой жизни России

Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»¹ положили начало создания Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации (далее — Следственный комитет), который внес существенные изменения в правовое регулирование организации предварительного следствия и прокурорского надзора за законностью его осуществления.

Основной целью создания Следственного комитета явилась необходимость разделения прокурорского надзора и руководства предварительным следствием. До вступления в силу Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ прокурор осуществлял процессуальное руководство следователями всех ведомств, а в отношении следователей прокуратуры — и организационное руководство. С разделением функций предварительного следствия и надзора полномочия прокурора утратили властно-распорядительный характер, а сам прокурор перестал быть руководителем предварительного следствия. Соответственно произошло расширение полномочий руководителей всех следственных органов. Однако, несмотря на сходство полномочий руководителей следственных органов, Следственный комитет является органом, аналога которому не было как в системе прокуратуры, так и в системе следственных органов России.

Следует отметить, что Следственный аппарат в прокуратуре России существовал не всегда. Он появился в середине XVIII в. и на протяжении всего исторического периода неоднократно упразднялся, передавался в другие органы и создавался вновь. Последняя передача следственного аппарата из судебной системы в органы прокуратуры была осуществлена в 1928–1929 гг.² В последующем система следственного аппарата прокуратуры оставалась практически постоянной. Менялись лишь организация расследования, подследствен-

¹ СЗ РФ. 2007. № 24, ст. 2830.

² См.: Кожевников О. Следственный комитет при прокуратуре — история и современность // Уголовное право. 2007. № 6. С. 121–125.

ность дел и численность следователей, которые, независимо от всего этого, находились в процессуальном и организационном подчинении прокурора.

Новый следственный орган совершенно независим от прокуратуры, хотя и называется Следственный комитет при прокуратуре РФ, входит в систему прокуратуры РФ (ч. 4 ст. 11), является ее органом (п. 1 ст. 20.1), а его работники — прокурорскими работниками (п. 8 ст. 20.1). К тому же председатель Следственного комитета является первым заместителем генерального прокурора РФ (п. 3 ст. 20.1)¹. Независимость Следственного комитета от прокуратуры проявляется в том, что все вопросы, касающиеся организации его работы, отнесены к компетенции председателя Следственного комитета. Исключительной прерогативой председателя Следственного комитета, а также руководителей следственных управлений и отделов, осуществляющих деятельность в пределах своей компетенции, является и организация уголовно-процессуальной деятельности. В качестве совещательного органа в системе Следственного комитета образуются коллегии, с помощью которых осуществляется руководство его управлениями и отделами.

Следователи Следственного комитета отличаются большей независимостью от прокурора, чем следователи других следственных подразделений органов исполнительной власти МВД, ФСБ и ФСКН. До образования Следственного комитета следователи прокуратуры организационно находились в подчинении прокурора, который и применял дисциплинарные взыскания. В настоящее время прокурор не может поставить вопрос о привлечении следователей и руководителей следственных подразделений Следственного комитета к дисциплинарной ответственности за допущенные в ходе расследования нарушения уголовно-процессуального законодательства, так как в УПК РФ и Законе «О прокуратуре РФ» такой механизм отсутствует. Что касается следователей органов исполнительной власти, допустивших нарушение уголовно-процессуального закона, то здесь прокурор реагирует представлением. Этот акт прокурорского реагирования в соответствии с п. 1 ст. 21, п. 1 ст. 26 и ст. 24 Закона «О прокуратуре РФ» вносится прокурором при выявлении нарушений закона в действиях органов исполнительной и законодательной власти, местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организаций. По аналогии представление применяется прокурором в отношении следователей органов исполнительной власти в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Следственный комитет является органом прокуратуры, которая согласно ст. 129 Конституции РФ не входит в систему органов исполнительной и законодательной власти, местного самоуправления. Поэтому представление как средство прокурорского реагирования на нарушения закона не имеет правовой основы для применения в отношении руководителей следственных подразделений и следователей Следственного комитета.

Создание Следственного комитета вызвало ряд проблем, имеющих как теоретическое, так и практическое значение, обсуждаемых в научной литературе. Так, О.А. Кожевников считает, что положения Федерального закона от 5

¹ См.: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» в ред. Федерального закона от 17 ноября 1995 г. № 168-ФЗ (с изм. от 5 июня 2007 г.) // Российская газета. 2007. 8 июня.

июня 2007 г. № 87-ФЗ противоречат принципам единства и централизации организации и деятельности прокуратуры, закрепленным в ч. 1 ст. 129 Конституции РФ. К таким противоречиям он относит особый порядок назначения и освобождения от должности председателя Следственного комитета, предоставление ему права утверждать структуру Следственного комитета и штатное расписание, лишение генерального прокурора РФ права дачи органам предварительного следствия обязательных указаний и некоторые другие¹.

Действительно, на первый взгляд может показаться, что создание Следственного комитета противоречит принципам единства и централизации. Это обусловлено тем, что создание данного органа произошло внутри прокуратуры путем видоизменения соотношения прокурорского надзора и следствия. На самом деле существовавшая ранее фактическая подчиненность следователей прокуратуры прокурору не отвечала требованиям ч. 1 ст. 129 Конституции РФ, где говорится о подчинении нижестоящих прокуроров вышестоящим и генеральному прокурору РФ. Уголовно-процессуальное законодательство разграничивало понятия «прокурор» (п. 31 ст. 5 УПК) и «следователь» (п. 41 ст. 5 УПК РФ). Полномочия следователя (ст. 38 УПК) и прокурора (ст. 37 УПК) всегда выделялись особо. На протяжении десятилетий проблема независимости следователя, в том числе от прокурора, являлась одной из актуальных в уголовно-процессуальной науке. Существовавший же порядок назначения следователей прокуратуры соответствующим прокурором, применение прокурором мер дисциплинарного воздействия к следователю, дача обязательных для следователя указаний по уголовному делу не отвечали ч. 1 ст. 129 Конституции РФ и независимости следователя в процессе осуществления расследования. Поэтому данное несоответствие и было устранено Федеральным законом от 5 июня 2007 г.

С созданием Следственного комитета возникла проблема его участия в координационной деятельности по борьбе с преступностью, которую осуществляет прокуратура в соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». На практике этот вопрос решается положительно по ряду причин. Во-первых, пока еще срабатывают старые стереотипы форм и методов деятельности прокуратуры в досудебном производстве, которые не всегда вписываются в общую концепцию разделения процессуальных функций. Во-вторых, Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью от 18 апреля 1996 г. № 567² изменений и дополнений не претерпело, а существующая конструкция закрепленных в нем предписаний дает возможность для расширительного толкования перечня субъектов координационной деятельности. Так, в п. 1 Положения формулировка «координация деятельности органов внутренних дел РФ, органов федеральной службы безопасности, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ,

¹ См.: *Кожевников О.А.* Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Екатеринбург, 2007. С. 37–39.

² См.: Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (с изм. от 25 ноября 2003 г.) // СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1958.

таможенных органов РФ и других правоохранительных органов осуществляется в целях...» свидетельствует о неопределенном круге правоохранительных органов, деятельность которых может координироваться. В-третьих, в качестве одного из направлений координационной деятельности является изучение практики выявления, расследования, раскрытия, предупреждения и пресечения преступлений (п. 5 Положения), а это в полной мере соответствует деятельности следственных органов.

Вместе с тем О.В. Воронин считает, что прокурор должен быть освобожден от всех функций, которые в той или иной мере делают его ответственным за состояние преступности и качество предварительного следствия, и предлагает снять с прокуратуры обязанность по координации деятельности иных правоохранительных органов по борьбе с преступностью¹. К сожалению, данное предложение практически не обосновывается и непонятно, что автор подразумевает под иными правоохранительными органами. Нас же интересует другой закономерный вопрос, как должны строиться отношения в координационной деятельности по борьбе с преступностью Следственного комитета и прокурора?

В соответствии с п. 7 Положения о координации в состав координационного совещания входят прокурор (председатель совещания) и руководители соответствующих правоохранительных органов или исполняющие их обязанности (члены совещания). Следователи органов исполнительной власти представлены в координационном совещании руководителями органов Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в структуру которых входят следственные аппараты.

Ранее, до вступления в силу Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ, следователи прокуратуры были представлены в координационном совещании соответствующим прокурором. В настоящее время координационное совещание от Следственного комитета представляет соответствующий руководитель (член совещания). Он наделен всеми правами и обязанностями по вопросам координационной деятельности, в том числе правом обеспечивать выполнение принятых решений в части, относящейся к ведению и компетенции возглавляемых им органов, и нести персональную ответственность за их выполнение. Это обусловлено исключительной прерогативой председателя Следственного комитета и руководителей следственных управлений и отделов по организации уголовно-процессуальной деятельности. За генеральным прокурором сохранилось только право по организации дознания, где указания прокурора в соответствии с ч. 2 ст. 30 Закона «О прокуратуре РФ» являются обязательными для исполнения.

Поэтому Следственный комитет должен быть организационно самостоятельным при осуществлении прокуратурой координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Следственный комитет, так же как и суд, не может относиться к субъектам координации, исходя

---

¹ См.: Воронин О.В. Перспективы совершенствования существующих форм контроля за предварительным следствием // Законы России. 2008. № 11. С. 20.

из процессуальной независимости и самостоятельности следователя, а должен строить отношения с участниками координации на основе взаимодействия.

Кроме того, сравнительный анализ¹ задач Следственного комитета², следственных органов исполнительной власти, например органов внутренних дел³ и самих органов, в структуре которых состоят следственные подразделения, свидетельствует, что разработчиками концепции разделения функций предварительного следствия и надзора за ним заранее планировалось не ограничиваться просто созданием нового следственного органа. Следственный комитет должен стать своего рода организатором формирования государственной политики в сфере исполнения законодательства РФ об уголовном судопроизводстве и координатором всех следственных органов в расследовании преступлений.

Создание Следственного комитета послужило импульсом для широкого обсуждения учеными и практиками пути дальнейшего развития реформы предварительного следствия⁴. При этом обосновывается необходимость реформы предварительного следствия, а также высказываются сомнения в ее продолжении⁵.

Предлагаются различные варианты дальнейшей реорганизации предварительного следствия, в том числе путем создания Федеральной службы расследований (ФСР), которая должна объединить все следственные органы, имеющиеся в стране⁶. Однако руководство Следственным комитетом очень сдержанно относится к созданию единого следственного органа, учитывая объективные сложности такого объединения⁷.

Другим вариантом продолжения реформы предварительного следствия остается возврат к институту судебных следователей (судебных судей) в том виде, в каком он существовал по Учреждению судебных установлений и Уставу уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. Статус судебных следователей был высок и фактически приравнивался к правовому положению судей. Руководителей и начальников над судебными следователями не было. «При производстве следственных действий судебные следователи состояли под наблюдением прокуратуры и в иерархической подчиненности окружному суду и судебной палате»⁸.

С возможным присоединением следователей к судебному ведомству также возникает целый ряд вопросов. Если прокуроров обвиняли в злоупотреблении своими правами по возбуждению и прекращению уголовных дел⁹, в беспре-

¹ Подробнее см.: *Соколов А.Ф.* Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации — феномен или шаг к дальнейшей реформе предварительного следствия в России // Вестник национальной академии прокуратуры Украины. 2008. № 3. С. 98–103.

² См.: Указ Президента РФ от 1 августа 2007 г. № 1004 «Вопросы Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 32, ст. 4122.

³ См.: Положение об органах предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел РФ (утв. Указом Президента РФ от 23 ноября 1998 г. № 1422) (с изм. на 29 декабря 2005 г.) // СЗ РФ. 1998. № 48, ст. 5923.

⁴ См., напр.: *Королев Г.* Реорганизация досудебного производства: проблемы и перспективы // Законность. 2008. № 1. С. 6–10; *Панферов С., Чикалов А.* К вопросу о реорганизации досудебного производства // Там же. № 5. С. 39–41.

⁵ См.: Уголовное судопроизводство. 2007. № 4. С. 16–18.

⁶ См.: <http://www.rosbaltmsk.ru/2008/08/28/518211.html>

⁷ См.: Российская газета. 2008. 9 сент.

⁸ *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. С. 449.

⁹ См., напр.: Юрий Чайка остается вне политики // Российская газета. 2007. 3 февр.

дельной власти при осуществлении надзора, где с одинаковым успехом можно было «как надзирать за исполнением законов, так и нарушать их»¹, то не получится ли так и с судом? Судей и сейчас критикуют за излишне предоставленную им законом власть и независимость.

Таким образом, Следственный комитет — новый следственный орган, с созданием которого реформа предварительного следствия не завершена, а сделан шаг для возможной модернизации предварительного следствия как путем передачи следственных органов в судебную систему, так и путем создания единого следственного аппарата. Но как бы не продолжилось реформирование организации расследования преступлений, ясно одно — следователь не должен находиться под давлением ведомств, пребывающих, как отмечает Н.А. Колоколов, «под гнетом лозунга “Каждое преступление должно быть раскрыто”»².

¹ Петрухин И.Л. Прокурорский надзор и судебная власть. М., 2001. С.17.

² Колоколов Н.А. Не ограничится ли реформа предварительного следствия очередной сменой руководства? // Уголовное судопроизводство. 2007. № 4. С. 9.

В.Ю. Трубин,

*старший преподаватель Саратовской
государственной академии права
(филиал в г. Астрахани)*

**Проблемы бюджетной ответственности
в случаях несоответствия бюджетной росписи
расходам, утвержденным бюджетом,
при финансировании расходов,
не включенных в бюджетную роспись
и сверх утвержденных лимитов**

Исполнение бюджета по расходам начинается на федеральном уровне в соответствии с Порядком исполнения федерального бюджета, утвержденным Министерством финансов Российской Федерации, и в последующем, исходя из распределения межбюджетных трансфертов, отражается на бюджетах нижестоящих уровней. Бюджетные полномочия Минфина России по порядку составления и ведения сводной бюджетной росписи федерального бюджета установлены в ст. 165 Бюджетного кодекса РФ (далее — БК РФ), а также содержатся в п. 5.2.2 Положения о Минфине России¹.

Организация исполнения бюджета осуществляется на основе сводной бюджетной росписи и кассового плана и возлагается на соответствующие финансовые органы или органы управления государственными внебюджетными фондами.

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 г. № 329 (ред. от 29.12.2008 г.) «О Министерстве финансов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3258.

Сводная бюджетная роспись формируется и утверждается в разрезе ведомственной структуры расходов и, по сути, является расшифровкой к утвержденному бюджету¹.

Одновременно с утверждением сводной бюджетной росписи для получателей бюджетных средств утверждаются показатели лимитов бюджетных обязательств и объемы бюджетных ассигнований. При этом в соответствии со ст. 217 БК РФ утвержденные показатели сводной бюджетной росписи, а также изменения в сводную бюджетную роспись по расходам должны соответствовать закону или решению о бюджете соответствующего уровня.

Порядок составления и ведения сводной бюджетной росписи устанавливается соответствующими финансовыми органами. На федеральном уровне порядок организации исполнения федерального бюджета по расходам и источникам финансирования дефицита федерального бюджета определяется Приказом Минфина России от 22 ноября 2007 г. № 114н².

На региональном и местном уровнях порядок ведения и составления бюджетных росписей также принимается соответствующими финансовыми органами. Например, в Астраханской области данный порядок определен Постановлением министерства финансов Астраханской области от 25 декабря 2007 г.³ После утверждения бюджетной росписи финансовые органы доводят показатели сводной бюджетной росписи и лимиты бюджетных обязательств до главных распорядителей и передают их в органы казначейства. Доведение лимитов бюджетных обязательств и бюджетных ассигнований до конкретных получателей бюджетных средств осуществляется через главных распорядителей и распорядителей бюджетных средств в соответствии с ведомственной структурой расходов, до начала очередного финансового года. При этом лимиты бюджетных обязательств на финансовый год и объемы финансирования расходов не должны превышать лимиты бюджетных обязательств и объемы финансирования расходов, доведенные казначейскими уведомлениями по соответствующим кодам бюджетной классификации.

Изменение лимитов бюджетных обязательств и (или) изменение объемов финансирования расходов главными распорядителями оформляются и контролируются казначейством, которое доводит указанные показатели до всех главных распорядителей (главных администраторов источников доходов бюджета) в виде очередного казначейского уведомления.

---

¹ См.: Постатейный комментарий к Бюджетному Кодексу РФ (под ред. А.Н. Козырина). Подготовлен для системы Консультант Плюс. 2002.

² См.: Приказ Минфина РФ от 22.11.2007 г. № 114н (ред. от 18.03.2008 г.) «Об утверждении порядка составления и ведения сводной бюджетной росписи федерального бюджета и бюджетных росписей главных распорядителей средств федерального бюджета (главных администраторов источников финансирования дефицита федерального бюджета)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 2. Ст. 1228.

³ См.: Постановление министерства финансов Астраханской области от 25 декабря 2007 г. № 12-п «Об утверждении Порядка составления и ведения сводной бюджетной росписи областного бюджета и бюджетных росписей главных распорядителей (распорядителей) средств областного бюджета (главных администраторов источников финансирования дефицита областного бюджета)» // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области. 2008. № 1.

Устанавливая обязательную согласованность показателей сводной бюджетной росписи закону или решению о бюджете, законодатель вместе с тем определил и случаи внесения изменений в сводную бюджетную роспись в процессе исполнения бюджета. В соответствии со ст. 217 БК РФ полномочиями по внесению указанных изменений наделен руководитель финансового органа или руководитель органа управления государственным внебюджетным фондом. При этом в одних случаях они вправе принимать указанные решения без внесения изменений в соответствующий закон или решение о бюджете, а в других случаях, касающихся исполнения публичных нормативных обязательств и обслуживания государственного (муниципального) долга, руководители не вправе принимать единоличные решения без соответствующих внесений изменений в закон (решение) о бюджете. Однако в целях избежания произвольного изменения бюджетных показателей и соблюдения принятых публичных обязательств в Порядок составления и ведения сводной бюджетной росписи должны быть включены предельные сроки внесения изменений в сводную бюджетную роспись, поскольку по общему правилу только закон (решение) о бюджете может выступать основой для осуществления бюджетных расходов¹.

По смыслу ст. 295 БК РФ несоответствие сводной бюджетной росписи и бюджетной росписи главных распорядителей бюджетных средств расходам, утвержденным бюджетом, во всех случаях является правонарушением, которое влечет за собой меры административного и бюджетно-правового характера в виде административного штрафа и предупреждения о ненадлежащем выполнении бюджетного процесса.

Как следует из анализа ст. 217 БК РФ, несоответствие показателей, содержащихся в сводной бюджетной росписи, утвержденному бюджету может возникнуть в результате их изменений в процессе исполнения бюджета в двух случаях. В первом случае внесение подобных изменений не сопровождается внесением изменений в закон (решение) о бюджете, утвержденный представительным органом власти, и в этом случае имеется несоответствие ст. 295 БК РФ порядку исполнения бюджета, установленному Бюджетным кодексом, а поэтому «данную статью можно квалифицировать как коллизионную»². Во втором случае изменения, как следствие этого, несоответствие между показателями, содержащимися в сводной бюджетной росписи и в утвержденном бюджете, носят законный и временный характер, а поэтому в данном случае состав правонарушения, предусмотренный ст. 295 БК РФ, также не образуется.

Субъектами правонарушений в указанных отношениях могут выступать руководители финансовых органов или органов казначейства, осуществляющие исполнение бюджетов. Главные распорядители бюджетных средств непосредственными полномочиями по изменению показателей сводной бюджетной росписи не обладают, а поэтому субъектами указанного правонарушения в силу п. 7 ст. 158 БК РФ быть не могут.

¹ См: Пауль А.Г. Бюджет — ось бюджетно-правового регулирования // Финансовое право. 2007. № 11. С. 5.

² Постатейный комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации (под ред. А.Н. Козырина).

В части применения мер административного характера обращают на себя внимание два обстоятельства: первое — ст. 295 БК РФ до настоящего времени содержит ссылку на недействующий нормативный акт КоАП РСФСР, который утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 30 декабря 2001 г. № 196-ФЗ; и второе — ни КоАП РСФСР, ни ныне действующий Кодекс РФ об административных правонарушениях ответственность за подобные правонарушения не предусматривал и не предусматривает, а поэтому административная санкция также является недействующей и скорее носит декларативный характер.

Не предусмотрены в качестве самостоятельных составов преступлений аналогичные деяния и в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Кроме того, действующий процесс доведения показателей сводной бюджетной росписи до главных распорядителей бюджетных средств, а также его строгая регламентация при совершении органами казначейства распорядительных операций с бюджетными средствами исключают условия, способствующие совершению правонарушения, предусмотренного ст. 295 БК РФ, и делают их маловероятными, а саму норму — фактически недействующей.

К правоотношениям, связанным с порядком распределения расходов бюджетных средств, также следует отнести отношения, регулируемые ст. 296 и 297 БК РФ, устанавливающими ответственность в случаях финансирования расходов, не включенных в бюджетную роспись и сверх утвержденных лимитов. В качестве мер воздействия указанные правовые нормы содержат виды санкций, аналогичные санкциям, указанным в ст. 295 БК РФ.

Объективная сторона указанных правонарушений состоит в нарушении процедуры финансирования расходов бюджетов, которая наряду с процедурой санкционирования расходов определяла обязательные этапы по исполнению бюджета и регулировалась ст. 219, 227 и 252 БК РФ.

В соответствии с изменениями, внесенными в Бюджетный кодекс РФ Федеральным законом от 26 апреля 2007 г. № 63-ФЗ, ст. 219 настоящего Кодекса была изложена в новой редакции, исключающей процедуру финансирования расходов бюджета, а ст. 227 и 252 БК РФ, определяющие особенности процедуры финансирования, с 1 января 2008 г. утратили силу¹.

Поскольку правовые нормы, определяющие объективную сторону правонарушений, утратили юридическую силу, следовательно, утратил юридическую силу и один из обязательных признаков, необходимый для установления полного состава правонарушения, и соответственно отпадает законное основание для возбуждения дела и привлечения лица к ответственности.

Участниками данных отношений являются получатели бюджетных средств, органы казначейства или иные финансовые органы, исполняющие бюджет. Формально субъектами правонарушения могут являться органы казначейства или финансовые органы, а также должностные лица, ответственные за исполне-

¹ См.: Федеральный закон от 26.04.2007 г. № 63-ФЗ (в ред. от 30.12.2008 г.) «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. 2007. 28 апр.

ние бюджета, поскольку именно на эти органы возложена обязанность по осуществлению исполнения бюджетов всех уровней. Однако действующим законодательством правовая ответственность указанных субъектов также фактически не установлена.

Вместе с тем порядок казначейского исполнения бюджета, устанавливающий строгую взаимосвязанность показателей лимитов бюджетных обязательств с показателями сводной бюджетной росписи и бюджетных ассигнований и показателями, указанными в законе или решении о бюджете, не позволяет ответственным лицам произвольно их устанавливать и изменять. С учетом всех указанных обстоятельств ст. 296 и 297 БК РФ также можно отнести к категории недействующих.

Анализ действующего бюджетного законодательства позволяет прийти к выводу, что ст. 295, 296 и 297, а также ряд других охранительных норм, содержащихся в гл. 28 Бюджетного кодекса РФ, по своему содержанию не соответствуют бюджетным нормам, регулирующим аналогичные правоотношения, возникающие при исполнении бюджетов и содержащиеся в гл. 24 настоящего Кодекса в более поздней редакции. А поэтому охранительные нормы, содержащиеся в части четвертой Бюджетного кодекса РФ, нуждаются в законодательном урегулировании.

В.А. Вятчин,

*кандидат юридических наук, доцент
Астраханского филиала Саратовской
государственной академии права*

Исполнение денежных обязательств

Возникновение обязательств обусловлено наличием определенного результата, к достижению которого стремятся или наступление которого допускают его участники. Объектом обязательства является действие, в то же время составляющее и его содержание. Воздержание от действий не является автономной обязанностью должника, оно только их дополняет.

Несмотря на многообразие действий по исполнению, они все подчиняются общим правилам (принципам) о надлежащем и реальном исполнении обязательств, обеспечении стабильности (ст. 309, 396, 310 ГК РФ).

Сущность принципа надлежащего исполнения состоит в том, что стороны должны исполнять обязательство, руководствуясь условиями, определенными в его содержании, и требованиями, предусмотренными законом, а при отсутствии таких условий и требований — в соответствии с обычаями делового оборота или обычно предъявляемыми требованиями. В обязательствах, основанием возникновения которых служит договор, стороны, определяя права и обязанности, своим соглашением могут установить и порядок их реализации. Поэтому большинство норм, регламентирующих порядок исполнения таких обязательств, диспозитивны. Так, оплата работ по договору подряда может предшествовать передаче их окончательного результата, но возможна и оплата каждого этапа

выполнения работ. Если договором способ исполнения обязанности по расчетам не определен, то заказчик обязан уплатить подрядчику обусловленную цену после окончательной сдачи результатов работы.

Регламентация исполнения отдельных обязательств установлена законом. В частности, независимо от соглашения сторон за нарушение обязательств по договору перевозки предусмотрена уплата законной неустойки. Исполнение деликтных и кондикционных обязательств также целиком определяется установленными в законе требованиями¹.

В тех случаях, когда содержание обязательства не дает возможность установить способ его исполнения, а соответствующие нормы в законодательстве отсутствуют, исполнение предпринимательских обязательств должно подчиняться обычаям делового оборота, а всех иных обязательств — обычно предъявляемым требованиям, сложившимся в повседневной практике отношений между субъектами. Например, если в договоре купли-продажи отсутствует условие о цене товара и она не может быть определена из условий договора, исполнение договора должно быть произведено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары (п. 1 ст. 485; п. 3 ст. 474 ГК РФ).

Требование исполнять обязательство надлежащим образом адресовано не только должнику, но и кредитору. Он несет так называемые кредиторские обязанности, состоящие в совершении им определенных действий по подготовке и принятию предоставляемого должником исполнения. Кредиторские обязанности не имеют самостоятельного значения. Их наличие не делает кредитора одновременно и должником (как в двусторонних обязательствах), поскольку они устанавливаются не в пользу должника, а для обеспечения реализации права требования, принадлежащего кредитору. Вместе с тем ненадлежащее исполнение обязанностей, препятствующее должнику исполнить обязательство, влечет применение к кредитору санкций.

Реальное исполнение означает обязанность должника совершить именно те действия, которые предусмотрены содержанием обязательства. В денежных обязательствах — это всегда уплата определенной суммы денег. Действие принципа реального исполнения законодателем ограничено. Так, если уплата неустойки и возмещение убытков в случае ненадлежащего исполнения денежного обязательства не освобождают должника от его исполнения, то при неисполнении обязательства возмещение убытков и уплата неустойки освобождают должника от исполнения обязательства в натуре (ст. 396 ГК РФ). Это правило опять же носит диспозитивный характер.

Законом предусмотрены отдельные случаи принудительного исполнения обязательства в натуре (например, требование передать индивидуально-определенную вещь кредитору) (ст. 398 ГК РФ). Однако неисполнение обязанности выполнить определенную работу предполагает уже не требование об исполнении в натуре, а уплату денежной компенсации за исполнение работы либо самим кредитором, либо, по его поручению, третьим лицом (ст. 397 ГК РФ). Различный подход законодателя к принудительному исполнению обязательства в натуре обусловлен

¹ См.: Смирнов В.Т., Собчак А.А. *Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве*. Л., 1983. С. 26–27; Тархов В.А. *Ответственность по советскому гражданскому праву*. Саратов, 1973. С. 108–136.

самой природой обязательственных отношений. Невозможно обязать должника принудительно совершить действие, если он не желает этого делать. Единственное, что может его понудить к совершению требуемого действия, — это угроза имущественной санкции, т. е. фактическая замена исполнения обязательства в натуре уплатой денежной компенсации. Замена предмета исполнения требованием об уплате санкций, как отмечал Ю.Х. Калмыков, зависит от усмотрения кредитора; и он прибегает к такой замене, если исполнение первоначального обязательства утратило для него интерес¹.

Нарушение обязательства, влекущее за собой применение санкции, как указывал М.М. Агарков, порождает новые права и обязанности².

Считается, что надлежащее исполнение является реальным³. Однако реальное исполнение возможно и при ненадлежащем исполнении, когда, например, заемщик возвращает сумму долга с просрочкой или заказчик несвоевременно оплачивает выполненную для него работу и т.п.

Следовательно, соотношение принципов надлежащего и реального исполнения обязательств не может быть определено как субординационное. Оба принципа имеют самостоятельное значение, и ни один не является доминирующим по отношению к другому. В литературе аргументированно высказано мнение о взаимообусловленности этих принципов исполнения⁴.

Принцип стабильности обязательств заключается в том, что закон признает недопустимым как односторонний отказ от исполнения обязательства, так и его одностороннее изменение. Указанный принцип в равной мере связывает и должника, и кредитора, так как они не вправе отказаться от исполнения лежащих на них обязанностей. Если нарушение обязательства допущено, то к виновному в нарушении применяются установленные законом санкции.

Право на односторонний отказ от исполнения обязательства или одностороннее изменение его условия (кроме обязательств, связанных с предпринимательством) может предоставляться одному из его участников только законом, но не соглашением сторон. Например, односторонний отказ от исполнения возможен вследствие допущенного другой стороной существенного нарушения своих обязанностей (п. 2. ст. 450 ГК РФ).

Значительно уже круг оснований, по которым закон допускает изменение по воле одной из сторон содержания обязательства. Это возможно, например, когда одна из сторон исполнила свои обязанности ненадлежащим образом. Так, право на уменьшение покупной цены предоставлено покупателю в случае продажи ему вещи ненадлежащего качества. Аналогичное право предоставлено заказчику в договоре подряда при некачественном выполнении работ (п. 1 ст. 475; п. 1 ст. 518 ГК РФ) и т.п.

В предпринимательских обязательствах, напротив, законодатель предоставляет сторонам право самим устанавливать соглашением случаи и условия одностороннего отказа от исполнения или изменения обязательств.

---

¹ См.: Калмыков Ю.Х. Вопросы применения гражданско-правовых норм. Саратов, 1976. С. 127.

² См.: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 44.

³ См.: Краснов Н.И. Реальное исполнение договорных обязательств между социалистическими организациями. М., 1959. С.16; Толстой В.С. Исполнение обязательств. М., 1973. С. 57.

⁴ См.: Гражданское право. Ч.1 / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. СПб., 1995. С. 462.

Способ или порядок исполнения должен соответствовать установленному соглашением, а при отсутствии такового — установленному законом или вытекающему из содержания обязательства, из сущности действия, составляющего его объект.

Исполнение обязательств есть ни что иное, как односторонняя сделка¹, но оно порой не сводится к совершению какого-либо одного действия. Ряд обязательств связан с передачей родовых вещей, в частности денег, и здесь исполнение осуществляется несколькими последовательно совершаемыми действиями, например платежами по возврату суммы кредита и процентов.

Если делимость исполнения не была предусмотрена законом или соглашением, то, хотя бы предмет обязательства и допускал деление, кредитор не обязан принимать исполнение по частям, потому что совершение исполнения по частям не есть еще совершение самого действия в целом. Такое исполнение признается ненадлежащим и влечет применение ответственности, не снижающейся соразмерно той части исполненного, от принятия которой кредитор обоснованно отказался. Только в виде исключения закон допускает исполнение обязательства по частям, считая его надлежащим и обязательным к принятию для кредитора (ст. 311 ГК РФ).

Подчас исполнение денежного обязательства обусловлено действием по встречному исполнению (ст. 328 ГК). Например, передача имущества по договору купли-продажи обусловлена уплатой покупной цены, и наоборот. Сторона, совершающая встречное исполнение, вправе его приостановить либо отказаться от исполнения и потребовать возмещения убытков, если обусловленное исполнение другой стороной не предоставлено и имеются данные о том, что такое исполнение не будет в срок произведено. Если же встречное исполнение было произведено без обусловленного предоставления, сторона, надлежащим образом исполнившая свои обязанности, имеет право требовать от контрагента исполнения и его обязанностей. Должник обязан исполнить именно то действие, которое имелось в виду при установлении обязательства. Как отмечал Г.Д. Шершеневич, «без согласия верителя должник не имеет права предлагать исполнение другого, хотя бы оно представляло и большую имущественную ценность»². Так, взамен денег нельзя передавать кредитору ни вещи, ни денежные суррогаты (вексель, чек, облигацию), ни иное имущество.

По общему правилу исполнением денежного обязательства является платеж, т. е. непосредственное вручение должником кредитору наличных денег в сумме, составляющей предмет денежного обязательства³. Однако денежные обязательства могут быть исполнены и иначе, например путем уплаты денег через третьих лиц или путем отправки их кредитору по почте, перечислением через банк или иную кредитную организацию и т. д. Неплатеж или, иначе, неосновательное уклонение от оплаты товаров, работ, услуг влечет за собой применение к должнику мер гражданско-правовой ответственности.

Средством исполнения денежного обязательства являются денежные знаки, снабженные законной платежной силой, если платеж не обусловлен иным

¹ Иного мнения придерживался О.А. Красавчиков, не считавший исполнение обязательства сделкой (см.: Советское гражданское право: в 2 т. / под ред. О.А. Красавчикова. М., 1985. Т. 1. С. 471).

² Шершеневич Г.Д. Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 367.

³ См.: Белов В.А. Денежные обязательства М., 2001. С. 38.

способом. Как указывал К.Маркс, деньги в гражданском обороте — это не только вещи, по поводу которых возникают общественные отношения, но и, прежде всего, сама форма общественных отношений¹. Деньги выступают в качестве предмета при погашении денежных обязательств независимо от согласия кредитора принять их в платеж. Отказ кредитора в принятии денег, надлежащим образом ему предложенных, влечет за собой невыгодные для него последствия, в частности просрочку. При необоснованном отказе кредитора принять платеж депонирование денег в порядке и с соблюдением условий, указанных в законе, влечет за собой погашение обязательства. Сказанное относится ко всем видам денежных обязательств независимо от оснований их возникновения и, в частности, к тем случаям, когда реальное исполнение заменяется уплатой денежного эквивалента или санкций.

Предмет денежного обязательства, как правило, должен быть выражен в валюте Российской Федерации — рублях. Допускается и определение суммы денежного обязательства не в рублях, а в иностранной валюте или условных денежных единицах, но при условии, что расчеты по обязательству будут произведены в рублях по официальному курсу Центрального банка России на день платежа либо иному курсу или дате, установленным законом или соглашением сторон (ст. 317 ГК РФ). Непосредственное использование в России иностранной валюты, а также платежных документов в иностранной валюте допускается только в случаях, предусмотренных специальным законом.

Исполнение денежных обязательств в условиях инфляции требует постоянной корректировки сумм, выплачиваемых на протяжении определенного периода времени. В предпринимательских договорах возможность учета инфляции закладывается в их условиях. Для граждан, получающих денежные суммы на свое содержание, например при причинении вреда жизни и здоровью или по договору пожизненного содержания, а также в иных случаях, законом установлено специальное правило: подлежащая уплате сумма пропорционально увеличивается с увеличением установленного законом минимального размера оплаты труда. Индексация сумм, взысканных в пользу граждан, производится уполномоченными лицами, исполняющими судебные решения (ст. 318 ГК РФ).

Денежные обязательства, как правило, включают в себя условия об уплате неустоек или банковских процентов. Также если обязательство не исполняется надлежаще, у кредитора возникают издержки по получению исполнения. Это влечет увеличение суммы, причитающейся к взысканию с должника. При недостаточности средств у должника закон устанавливает очередность погашения требований. В первую очередь погашаются издержки по получению исполнения, во вторую — проценты, а затем уже сумма основного долга (ст. 319 ГК РФ). Указанный порядок диспозитивен.

Обязательство должно быть исполнено в определенном законом или соглашением сторон месте. Денежное обязательство подлежит исполнению по месту жительства кредитора-гражданина или по месту нахождения юридического лица на момент возникновения обязательства. Если к моменту исполнения обязательства место жительства (нахождения) кредитора изменилось и кредитор

---

¹ См.: *Маркс К.* Капитал: В 3 т. М., 1982. Т. 1. С. 56.

известил об этом должника, то местом исполнения будет новое место жительства (нахождение) кредитора. Кредитор компенсирует должнику необходимые расходы, связанные с изменением места исполнения обязательства (ст. 316 ГК РФ).

В случае отсутствия кредитора или его уполномоченного представителя в месте, где обязательство должно быть исполнено, недееспособности кредитора и отсутствия у него представителя, очевидного отсутствия определенности по поводу того, кто является кредитором по обязательству, в частности в связи со спором по этому вопросу между кредитором и другими лицами, при уклонении кредитора от принятия исполнения или иной просрочки с его стороны, должник вправе произвести исполнение в депозит нотариуса или суда. Нотариус или суд, принявший исполнение, уведомляет об этом кредитора и осуществляет вручение ему денег (ст. 327 ГК РФ).

Стороны в обязательстве могут быть представлены как одним лицом, так и несколькими. Когда они представлены двумя или более лицами, имеет место множественность лиц в обязательстве. Множественность может быть как на одной стороне, так и на каждой из сторон обязательства. Поэтому принято различать множественность активную, пассивную и смешанную. Множественность предполагает право другой стороны в обязательстве обращаться с требованием или производить исполнение нескольким лицам одновременно, вследствие чего права и обязанности лиц, участвующих в таком обязательстве, подразделяются по объему и характеру на долевые, солидарные, субсидиарные, а порой и регрессные (ст. 321, 322, 326 ГК РФ).

В большинстве случаев личные качества должника не имеют для кредитора существенного значения, а поэтому удовлетворение кредиторского интереса достигается возвратом суммы долга или передачей имущества как самим должником, так и иным лицом. Если обязанность не носит личного характера, должник вправе возложить исполнение на третье лицо, а кредитор не может отказаться от его принятия (п.1 ст. 313 ГК РФ). Исключения из этого правила устанавливаются только законом (ст. 383 ГК РФ).

Возложение исполнения (перепоручение) может основываться на договоре должника с третьим лицом или предусматриваться законом. Однако что бы ни являлось его основанием, третье лицо не заменяет должника в обязательстве, должник остается в полной мере ответственным перед кредитором за действия избранного заместителя, если законом не установлено, что ответственность несет непосредственный исполнитель.

Исполнение чужого обязательства возможно и при отсутствии соответствующей договоренности между сторонами или указания закона, если третье лицо подвергается опасности утратить свое право на имущество должника вследствие возможного обращения кредитором взыскания на это имущество (п. 2 ст. 313 ГК РФ). При этом указанное право может осуществляться не только без согласия должника, но даже и при его запрете. Так, поднаиматель вправе внести плату за нанимателя жилого помещения, поскольку просрочка может повлечь за собой прекращение договора жилищного найма, а следовательно, и договора поднайма.

По общему правилу должник передает исполнение самому кредитору или его представителю. Однако кредитор может потребовать произвести исполнение другому лицу, обозначив его уже в момент заключения договора либо

непосредственно перед исполнением. В подобных случаях имеет место переадресовка исполнения, уклониться от которой должник не может, если только иное не предусмотрено законом, соглашением сторон или не следует из существа обязательства. При этом субъект, принимающий исполнение, каких-либо прав по отношению к должнику не приобретает. Это отличает переадресование от обязательств в пользу третьего лица, имеющего право требовать от должника исполнения в свою пользу (п. 1 ст. 430 ГК РФ).

Вручая исполнение кредитору или указанному им лицу, должник вправе потребовать доказательства того, что субъект, принимающий исполнение, уполномочен на это договором или законом (ст. 312 ГК РФ). Такими доказательствами могут быть удостоверяющие личность документы, доверенности, а также долговые документы. Нахождение долговых документов у должника свидетельствует, пока не доказано противное, о надлежащем исполнении им своего обязательства (п. 2 ст. 408 ГК РФ).

В отличие от участия третьих лиц в исполнении обязательства, где кредитор и должник из него не выбывают, возможны случаи, когда происходит замена кредитора или должника, т. е. перемена лиц в обязательстве. Замена кредитора (цессия) в порядке сингулярного правопреемства происходит по соглашению кредитора с третьим лицом об уступке права требования или на основании закона, либо по решению суда.

Кредитор, уступающий право требования, не может нести обязанность перед новым кредитором за неисполнение обязательства должником. Однако он несет ответственность за действительность передаваемого требования. Цедент не будет отвечать, если передал действительное право требования, но в силу неисполнения обязательства должником новый кредитор не может получить положенного по сделке. Исключением является принятие на себя цедентом поручительства за должника перед новым кредитором (ст. 390 ГК РФ).

Согласия должника на уступку права требования не требуется, за исключением тех обязательств, в которых личность кредитора имеет существенное значение для должника (п. 2 ст. 388 ГК РФ). В то же время должника следует ставить в известность о состоявшейся уступке права требования по обязательству, иначе исполнение, произведенное им первоначальному кредитору, считается надлежащим и освобождающим его от исполнения этого обязательства новому кредитору (ст. 382 ГК РФ).

Права, неразрывно связанные с личностью кредитора, в частности требования об алиментах и о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, закон прямо запрещает передавать третьим лицам (ст. 383 ГК).

Перевод долга — это замена должника в обязательстве, осуществляемая с согласия кредитора. Если согласие не испрашивалось либо был получен отрицательный ответ, то перевод долга невозможен, а состоявшийся признается ничтожным. Новый должник вправе выдвигать против кредитора возражения, которые имел к кредитору первоначальный должник (ст. 39 ГК).

Первоначальный должник, выбывая из обязательства, не несет ответственности за неисполнение обязательства новым должником.

Денежные обязательства должны исполняться в сроки, предусмотренные законом и договором или установленные судом (ст. 314 ГК). Досрочное исполнение

обязательства по общему правилу является правом должника. В предпринимательских договорах, напротив, должник не вправе досрочно исполнить обязательство, кроме случаев, предусмотренных законом, договором, обычаями делового оборота или существом обязательства.

При неисполнении обязательств в установленный срок возникает правонарушение, именуемое просрочкой. Просрочку может допустить как должник, так и кредитор. Как отмечал Н.С. Малеин, просрочка исполнения не есть основание для расторжения договора односторонним заявлением, она есть только основание для возникновения соответствующих санкций¹.

В период просрочки возможно наступление обстоятельств, вызывающих невозможность исполнения, за что отвечает просрочившее лицо. Если исполнение вследствие просрочки утратило для кредитора интерес, он может отказаться от договора и потребовать возмещения убытков (ст. 405 ГК РФ).

Если обязательство не может быть исполнено вследствие просрочки кредитора, то должник не считается просрочившим. Просрочка кредитора возникает, если он отказался принять предложенное должником надлежащее исполнение либо не исполнил лежащей на нем встречной обязанности, вследствие чего должник не мог исполнить обязательство (ст. 406 ГК РФ). Кредитор считается просрочившим и в случае отказа возвратить долговой документ либо выдать расписку в подтверждение исполнения обязательства должником. Просрочивший кредитор обязан возместить убытки должника. Нередко встречаются обстоятельства, вследствие наступления которых невозможно исполнить действие, составляющее содержание обязательства. К таким обстоятельствам относятся стихийные бедствия, аварии, эпидемии, и др. В денежных обстоятельствах невозможность исполнения исключается, так как предмет обязательства (деньги) является родового, делимой и заменимой вещью. Как отмечал Л.А. Лунц, фактическая невозможность исполнения денежного обязательства могла бы наступить лишь в случае исчезновения денег без замены их, т.е. в случае прекращения товарно-денежного хозяйства, что с точки зрения права никогда не может наступить².

¹ См.: Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1968. С. 12.

² См.: Лунц Л.А. Денежные обязательства в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран. М., 2004. С. 310.

Б.М. Магомедов,

*кандидат юридических наук, профессор,
директор Северо-Кавказского филиала
Российской правовой академии
Минюста России*

Особый порядок судебного разбирательства как одна из форм упрощенного судопроизводства

Многолетняя судебная практика по отдельным категориям уголовных дел показала, что суд без особого ущерба для требований законности и справедливости, обоснованности и объективности мог бы с согласия сторон

принять по ним окончательное решение и без соблюдения отдельных процессуальных требований, носящих формальный характер. Речь идет, в частности, об уголовных делах, по которым обвиняемые не оспаривают предъявленное обвинение, а совершенные ими преступления являются очевидными и не относятся к категории особо тяжких. Потому в Постановлении Совета судей РФ от 2 июля 1999 г. № 10 подчеркивалась, что судейское сообщество России считает разумным и целесообразным внесение изменений в действующее законодательство, направленных на ускорение судопроизводства и повышение его эффективности путем установления сокращенного порядка судебного следствия¹.

Аналогичное мнение высказывается и учеными-процессуалистами, которые обоснованно считают, что в современных условиях уголовно-процессуальное законодательство должно быть ориентировано на ускоренную и упрощенную процедуру уголовного судопроизводства². За то, чтобы институт упрощенного производства подвели под понятие «сокращенное судебное следствие», или «сокращенное судебное разбирательство», ратует целая группа ученых³. Указанные процессуалисты в особом порядке не видят ничего иного, чем одну из форм рационализации, упрощения судопроизводства⁴. Данная позиция имеет под собой, так сказать «почвенническую» идеологию. Сутью ее является установка на российскую национальную самобытность, приверженность тем юридическим стереотипам мышления, которые свойственны континентальной правовой системе⁵.

Так как особый порядок не вписывается в каноны классического советского уголовного процесса, это дало основание известному ученому-процессуалисту А.Д. Бойкову подвергнуть критике данную перспективную модель правосудия⁶.

Однако было бы несправедливо отрицать новаторский характер УПК РФ в спектре дифференциации, дальнейшего регулирования различных форм уголовного судопроизводства, а именно отказ от института народных заседателей; расширение судебных полномочий и досудебное производство; введение суда присяжных заседателей, апелляционного производства; производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (судей, прокуроров, адвокатов и др.); особый порядок судебного разбирательства. Заслуживает внимания предложение Т.К. Рябининой о предоставлении обвиняемому права заявлять

¹ Подробнее об этом см.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

² См.: *Аликперов Х.Д.* Проект нового УПК РФ и проблемы сокращенной процедуры судебного следствия. Актуальные проблемы прокурорского надзора // Российская газета. 2001. 1 нояб.

³ См.: *Безлепкин Б.Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2002. С. 367–368; *Рыбалов К.А.* Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации. М., 2004. С. 22–28; *Победкин А.В., Ямин В.Н.* Уголовный процесс: учебник / под ред. В.Н. Григорьева. М., 2004. С. 472–473.

⁴ См.: *Смолин А.Г.* Особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ: проблемы нормативного регулирования и дальнейшего развития: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 14–15.

⁵ См.: Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2004. С. 502–504; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ: учебник / под ред. Н.А. Петухова, Г.И. Загорского. М. 2002. С. 498; *Новиков С.А.* Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России. СПб., 2004. С. 176–189.

⁶ См.: *Бойков А.Д.* Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью // Уголовное право. 2002. № 3.

ходатайство о проведении особого порядка в стадии назначения судебного заседания наряду с другими ходатайствами, которые судья в соответствии с п. 4 ст. 228 УПК РФ обязан проверить и разрешить¹.

При исследовании данной проблемы пришлось столкнуться с точкой зрения некоторых авторов, полагающих, что обвиняемому следует предоставить такое право и в ходе судебного разбирательства, если ему не разъяснялось это право в процессе ознакомления с материалами уголовного дела². На наш взгляд, внедрение данной новеллы в уголовно-процессуальное законодательство придаст этой форме больше мобильности и гибкости.

Появлению в УПК гл. 40, предусматривающей особый порядок принятия решений при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, предшествовала оживленная дискуссия о целесообразности введения подобного института в российское уголовно-процессуальное право. Многочисленные сторонники этой позиции чаще всего обосновывали свою точку зрения прагматическими соображениями: об ускорении и упрощении судопроизводства, экономии материальных затрат, повышении эффективности борьбы с преступностью и пр.³

И. Морозова, А. Анненков и С. Дадонов высказываются за данный процессуальный институт как за оптимальное средство достижения задач уголовного процесса⁴. А. Халиков пишет, что особый порядок вызвал в целом положительную реакцию со стороны практических работников⁵. В. Демидов также полагает, что включение в УПК РФ гл. 40 совершенно правильно⁶.

Другая группа ученых считает такую форму судопроизводства неприемлемой, ссылаясь на идеологическую подоплеку данного института и на то, что эти процедуры чужды российскому менталитету⁷.

Несмотря на продолжающуюся оживленную полемику, законодатель все-таки решился на введение в УПК особого порядка судопроизводства. Некоторые процессуалисты поспешили назвать этот порядок производства «русским аналогом

¹ См.: *Рябинина Т.К.* Особый порядок судебного разбирательства как одна из сокращенных форм уголовного судопроизводства // *Российский судья*. 2004. № 9. С. 20–21.

² См.: *Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации* / под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2002. С. 550.

³ См.: *Александров А.С., Кучин А.Ф., Смолин А.Г.* Правовая природа института, регламентированного главой 40 УПК РФ // *Российский судья*. 2007. № 7. С. 16–17; Совет судей голосует за сделки о признании вины // *Российская юстиция*. 1998. № 6. С. 4; *Лазарева В.* Теория и практика защиты в уголовном процессе. Самара, 2000. С. 184–202; *Ее же.* Легализация сделок о признании вины // *Российская юстиция*. 1999. № 5. С. 40–41; *Пономаренко С.С.* Сделки о признании вины в российском уголовном процессе // *Правоведение*. 2001. № 5. С. 131–135; *Александров А.С.* Основания и условия для особого порядка принятия решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // *Государство и право*. 2003. № 12. С. 43–52.

⁴ См.: *Морозова И., Анненков А., Дадонов С.* Сделки о признании вины как вариант мирового соглашения // *Российская юстиция*. 2000. № 10. С. 37.

⁵ См.: *Халиков А.* Вопросы, возникающие при особом порядке судебного разбирательства // *Российская юстиция*. 2003. № 1. С. 63.

⁶ См.: *Демидов В.* Некоторые вопросы применения особого порядка судебного разбирательства // *Российская юстиция*. 2003. № 4. С. 25.

⁷ См.: *Тайман С.* Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // *Российская юстиция*. 1998. № 10. С. 36; № 11. С. 37; *Махов В., Пашков М.* Сделка о признании вины // Там же. № 7. С. 17–19.

сделки о признании вины»¹. Одним из их весомых аргументов является то, что обвинительный приговор не может быть пересмотрен в апелляционном и кассационном порядке согласно п. 1 ч. 1 ст. 379 УПК РФ (из-за несоответствия выводов суда с фактическими обстоятельствами дела), так как в этой части между стороной обвинения и стороной защиты достигнуто соглашение. Как известно, констатация судом в решении фактуры обвинения, без исследования доказательств, вызвана обоюдным согласием сторон. По мнению сторонников этой позиции, для успешной борьбы с преступностью нужны новые формы реализации обвинительной деятельности государства². Главным предназначением гл. 40 УПК РФ является то, что правоприменители могут широко использовать сокращенную или упрощенную форму разбирательства несложных уголовных дел с доказанной виной обвиняемого, тем самым экономя процессуальные средства, финансовые ресурсы, время разбирательства дела. Гораздо больше в этой главе привлекает то, что законодатель пошел по пути расширения диспозитивных начал уголовного судопроизводства, предоставляя суду возможность учитывать интересы сторон.

Производство по принятию судебного решения без проведения судебного разбирательства при наличии признания обвиняемым своей вины в совершении преступления — новая модель упрощенного вида российского судопроизводства. Введение такого порядка судебного разбирательства оправдано, однако вызывает множество проблем. Спорно, например, положение о том, что особый порядок судебного разбирательства применяется и при совершении тяжких преступлений. Ходатайство о применении особого порядка по данной категории дел будет говорить не о раскаянии лица, а, скорее, о возможности получить минимальный срок.

Вряд ли можно согласиться с теми авторами, которые полагают, что данный процессуальный институт является лишь небольшой модернизацией сокращенного судебного следствия, существовавшего в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Представляется, что особый порядок принятия решения и существовавшая ранее процедура сокращенного судебного следствия разительно различаются между собой как два самостоятельных упрощенных судебных производства. Как следует из Устава уголовного судопроизводства «подсудимому, признавшему свою вину, предлагались дальнейшие вопросы, относящиеся к обстоятельствам преступления, в котором он обвинялся, и если признание подсудимого не вызывало сомнений, то суд, не производя дальнейшего исследования доказательств, мог перейти к заключительным прениям». Данные положения были восприняты УПК РФ 1923 г., который при согласии подсудимого с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, при признании правильным предъявленного ему обвинения и даче показаний предусматривал возможность отказа от дальнейшего судебного следствия и перехода к выслушиванию прений сторон; в случае требований судей или сторон суд обязан был произвести судебное следствие, несмотря на наличие признания подсудимого. В отличие от этой формы, при особом порядке доказательства

¹ Уголовный процесс России: учебник / Александров А.С. и др. М., 2003. С. 516–530; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под ред. Н.А. Петухова, Г.И. Загорского. М., 2002.

² См.: Сердюков С.В. Ускоренное судебное разбирательство: необходимость, реальность, перспективы. М., 2006; Рыбалов К.А. Указ. соч. С. 22–28.

вообще не исследуются, подсудимый по обстоятельствам дела не допрашивается, доказательства в приговоре не фиксируются, обвиняемый соглашается с предъявленным обвинением, а государство обязуется не назначать ему наказания выше предусмотренного в законе предела.

Подводя итог изложенному, следует иметь в виду, что в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством для реализации института особого порядка судебного разбирательства достаточно, чтобы обвиняемый (подсудимый) совершил определенные в законе положительные посткриминальные поступки и были соблюдены все те условия, перечень которых дан в нормах гл. 40 УПК РФ. Эта краткая характеристика социально-правовой сущности рассматриваемого института, по мнению Б.Т. Безлепкина, М.В. Боровского, Л.Н. Башкитова и др., позволяет сделать вывод, что под особым порядком судебного разбирательства следует подразумевать обвинительный приговор с фиксированным снижением наказания как минимум на одну треть, постановленный судьей по уголовному делу о небольшой тяжести, средней тяжести и тяжких преступлениях без проведения с согласия сторон судебного следствия и прений сторон в полном объеме на основании ходатайства обвиняемого, не оспаривающего свою вину в предъявленном ему обвинении¹. Вряд ли можно согласиться с такой трактовкой понятия «особый порядок судопроизводства», так как данное определение имеет ряд недостатков с точки зрения права и юридической техники.

1. Нельзя под особым порядком судопроизводства подразумевать обвинительный приговор с фиксированным снижением наказания как минимум на одну треть. Во-первых, особый порядок производства — это не только постановление обвинительного приговора. Когда мы говорим о данном варианте правосудия, то подразумеваем специфическую форму уголовного процесса с присущими ей процедурами. Нельзя забывать о том, что судебное заседание по особому порядку проводится в порядке, установленном гл. 35–39 УПК РФ.

2. В соответствии с ч. 7 ст. 316 УПК РФ наказание, назначенное подсудимому по особому порядку, не должно превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строго вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. В этой связи формулировка «фиксированное снижение наказания как минимум на одну треть» нам представляется неудачной, потому что если следовать логике указанной трактовки, то применимо и словосочетание «как максимум на одну треть».

3. Формулировка «...по уголовному делу о небольшой тяжести, средней тяжести и тяжких преступлений...» несколько не стыкуется с юридической техникой. Следовало бы указать «... по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы...».

4. Судя по данному определению формулировка «...без проведения прений сторон в полном объеме...» предполагает проведение в соответствии с гл. 40 УПК РФ усеченных прений сторон, что противоречит уголовно-процессуальному законодательству. Неиспользование сторонами в ходе прений доказательств,

¹ См.: Комментарий к уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации. М., 2002. С. 382.

содержащихся в материалах уголовного дела, не дает основания полагать, что при особом порядке разбирательства дела прения являются ограниченными. Очевидно, аргументационная часть участников прений при особом порядке не так насыщена, как при обычном судопроизводстве, но это вовсе не означает, что прения сторон при особом порядке являются неполноценными.

5. В ч. 1 ст. 314 УПК РФ законодатель считает, что наличие согласия обвиняемого с предъявленным обвинением является одним из главных условий постановления приговора без проведения судебного разбирательства. Указанные выше авторы утверждают, что одним из условий особого порядка судебного разбирательства является «ходатайство обвиняемого, не оспаривающего свою вину в предъявленном ему обвинении». Нет надобности доказывать, что понятия «согласие с предъявленным обвинением» и «не оспаривающий свою вину в предъявленном обвинении» разные по смысловой нагрузке.

6. Указание названных выше ученых-процессуалистов на то, что особый порядок — форма уголовного судопроизводства, которая осуществляется с согласия сторон, является не совсем юридически точным. Согласно п. 45–47 ст. 5 УПК РФ стороны — это участники уголовного судопроизводства: обвиняемый, прокурор, частный обвинитель, защитник, потерпевший, его законный представитель и представитель, гражданский истец и ответчик, осуществляющие свои полномочия на основе состязательности.

Как видно, законодатель в указанных нормах дал исчерпывающее определение понятию «стороны». При рассмотрении уголовного дела особым порядком не требуется согласия сторон в таком широком контексте, а необходимы лишь согласия обвиняемого, государственного или частного обвинителя и потерпевшего. Законодатель, к удивлению многих правоприменителей, право выражать согласие на рассмотрение уголовного дела особым порядком не предоставил такому ключевому участнику уголовного судопроизводства, как защитник.

В теории и в правоприменительной практике среди ученых мужей не сложилась единая линия в понимании понятия, сущности и перспектив совершенствования института, предусмотренного гл. 40 УПК РФ.

Необходимо продолжить научный и прикладной поиск новых аргументов в пользу особого правосудия в усеченной форме. Заслуживают пристального внимания мнения некоторых ученых о неудачном подборе законодателем названия раздела 10 и гл. 40 УПК РФ. Если критически проанализировать часть третью, раздел 10, гл. 40, ст. 314–317 УПК РФ, то невольно возникает немало вопросов. Почему законодатель раздел 10 УПК РФ именовал «Особый порядок судебного разбирательства»? Чем объяснить, что часть четвертая УПК называется «Особый порядок уголовного судопроизводства», раздел 16 — «Особенности производства по отдельным категориям уголовных дел», раздел 17 — «Особенности производства по отдельным делам в отношении отдельных категорий лиц»? Как видно из указанного, законодатель довольно разбросанно, без всякой систематизации использует термины «особый» и «особенности» в разных разделах УПК. Нетрудно заметить, что законодатель понятия «особый» и «особенный» при-

---

меняет тогда, когда речь идет о сложных формах судопроизводства с усиленными процессуальными гарантиями. При анализе внутренней структуры УПК РФ невольно возникает предложение к законодателю о введении новой главы «Упрощенное судопроизводство». Такой позиции придерживается целая группа ученых-процессуалистов. В данную главу следует ввести все усеченные и экономные формы правосудия: особый порядок, заочное правосудие, порядок частного обвинения и пр.

В.В. Королева,

*кандидат юридических наук, доцент
Астраханского филиала Волгоградской
академии государственной службы*

Земельная реформа в Российской Федерации и проблемы государственного регулирования

Проведение земельной реформы было частью программы по переходу России к рыночной экономике. В этих условиях вместе с изменениями общественных отношений менялось и право, регулирующее их. Огромный шаг был сделан и в правовом регулировании данной сферы общественных отношений. Существенно изменилась система государственных органов, в полномочия которых входило проведение земельной реформы.

По данным Федерального агентства кадастра объектов недвижимости (Роснедвижимости) на 1 января 2008 г. в Российской Федерации сосредоточены богатейшие земельные ресурсы — 17098,2 млн га (51% — леса, 13% — сельскохозяйственные угодья, 13% — поверхностные воды, включая болота, 23% — другие земли)¹. От того, как они используются и охраняются, во многом зависит благосостояние общества и отдельных людей.

Россия очень богатая страна, основной земельный клин занят землями лесного фонда, но несмотря на то, что земли сельскохозяйственного назначения вторые по занимаемым площадям, они представляют наибольшую ценность, так как являются основой сельскохозяйственного производства.

В Южном федеральном округе ситуация с распределением земель по категориям несколько иная. В границах округа находится 59131,5 тыс. га, из них к землям сельскохозяйственного назначения относится 45878,8 тыс. га, к землям поселений — 2189,7 тыс. га, к землям промышленности и иного специального назначения — 1745,9 тыс. га, к землям особо охраняемых природных территорий и объектов — 966,7 тыс. га, к землям лесного фонда — 4277,3 тыс. га, к землям водного фонда — 1389,8 тыс. га, остальные — земли запаса². Преобладание в нашем регионе земель сельскохозяйственного назначения придает проведению земельной реформы особое содержание.

¹ См.: Охрана окружающей среды в России: стат. сб. М., 2008. С.14.

² URL: http://www.kadastr.ru/upload/www/files/sbornik_2003.pdf

---

Развитие свободного рынка земли и недвижимости — условие эффективности рыночной экономики, но при этом не следует забывать о стратегическом значении земельных ресурсов. За годы осуществления земельной реформы достигнуты определенные результаты и решены многие задачи.

Но, к сожалению, как раньше, так и теперь земельный вопрос продолжает оставаться в России одним из самых острых. Однако вмешательство государственных органов в эту область общественных отношений нельзя понимать в том смысле, как было ранее, в советскую эпоху, когда за государственными органами признавалось, по существу, неограниченное право вмешательства в хозяйственную деятельность землепользователей. Напротив, роль государства выражается в устранении подобных и многих других недостатков прошлого, создании благоприятных экономических и правовых условий для успешного завершения земельной реформы.

Сегодня проводится много исследований по вопросам концепции проведения земельной реформы. И вот в одном из них, проводимом по заказу Мирового банка, по результатам опросов экспертов были получены очень интересные результаты³. Главный вывод, который напрашивается после ознакомления с этими материалами, подтверждает мысль о том, что в России, как в начале, так и в ходе осуществления земельной реформы, не было выработано единого понимания ее цели, задач и способов осуществления. Отсюда и разные подходы к решению возникающих задач, а также разность в понимании и толковании одних и тех же норм и положений. Но все, кто так или иначе причастен к проведению земельной реформы, единодушно демонстрируют неудовлетворенность ее результатами.

Действующим российским законодательством и прежде всего Земельным кодексом РФ определено значение земельных ресурсов как основы жизни и деятельности человека. Регулирование отношений по использованию и охране земли осуществляется исходя из представлений о земле как о природном объекте, охраняемом в качестве важнейшей составной части природы, как о природном ресурсе, используемом в качестве средства производства в сельском и лесном хозяйствах, как основе осуществления хозяйственной и иной деятельности на территории Российской Федерации и одновременно как о недвижимом имуществе, об объекте права собственности и иных прав на землю (ст. 1 ЗК РФ).

Но, несмотря на столь прогрессивный и широкий подход к значению земельных ресурсов, осуществление земельных реформ в России сводилось лишь к продовольственной проблеме и мало затрагивало правовое решение земельных вопросов и укрепление статуса собственника — носителя, свидетеля и хранителя управленческой практики регулирования отношений в социальных и экономических системах. В юридическом аспекте эволюция и генезис земельных преобразований, формирование общероссийского законодательства практически не исследовались с точки зрения их значимости

---

³ См.: Серова Е.В. Российская аграрная реформа в общественном мнении // Мир России. 2000. № 3. С. 96–115.

для современного состояния государственного управления и правовых основ реформирования земельных отношений.

Определенные изменения земельного строя России в ходе социально-экономических преобразований, конечно же, достигнуты. Использование земель стало платным, появилась частная и муниципальная земельная собственность, принимаются меры к включению земельных участков в гражданский оборот и т. д. Однако если мы обратимся к содержанию федеральных законов и указов Президента РФ, на основе которых осуществляется земельная реформа и которыми закрепляются ее результаты, то увидим непоследовательность и явное юридическое несовершенство этих актов.

Гражданский кодекс РФ признает земельный участок недвижимым имуществом, но право собственности и иные вещные права на землю определяются в отдельной главе и связаны с нормами Земельного кодекса РФ. Таким образом, с одной стороны, земельный участок выводится из-под действия общих положений гражданского законодательства о собственности, а с другой — не допускается применение специальных гражданско-правовых норм о земле, если это не соответствует земельному законодательству. С учетом того, что федеральные законы о земле претендуют на установление иного, чем в гражданском законодательстве, порядка решения земельно-имущественных вопросов, применение Гражданского кодекса РФ в этой части весьма проблематично.

Отказ признать земельные участки недвижимостью не формально, а по существу влечет за собой установление вместо налога на недвижимость земельного налога и применение многих других не очень удачных юридических конструкций. Что касается указов Президента РФ, то они носят не столько регулирующий, сколько программный характер и, естественно, не могут заменить собой законы, хотя, спору нет, значение их для становления рыночной экономики трудно переоценить.

Административное участие государства в земельной реформе обусловлено необходимостью формирования в Российской Федерации гражданского общества и правового демократического государства.

Реалии новой России требуют разрешения многовековой несправедливости отношения к крестьянской земле, полномасштабного исследования роли права и государства в процессе проведения земельных реформ с целью выработки эффективного механизма регулирования земельных отношений и отражения их в правовой системе.

Государственное регулирование земельных отношений всегда существует, хотя оно проявляется по-разному в зависимости от характера земельных реформ, проводимых субъектами Российской Федерации. Поэтому нельзя согласиться с часто встречающимися в литературе утверждениями, что государство в ходе земельной реформы не должно вмешиваться в хозяйственную деятельность пользователей земли. Оно не только вправе, но и обязано в необходимых случаях вмешаться (защита публичные интересы, окружающую природную среду и т. п.), т. е. в какой-то степени ограничить «хозяйственную свободу» пользователей земли, как это определено, например, в ст. 36 Конституции РФ, а также в соответствующих статьях конституций и уставов субъектов Российской Федерации.

Государственное регулирование земельных отношений проводится по многим направлениям: планирование использования земель (генеральная и региональные схемы, комплексные программы природопользования, схемы районной планировки и застройки, генпланы городов, поселков и т. д.); установление порядка предоставления и изъятия земель, регулирование рынка земли; зонирование земель и землеустройство; создание фонда земель для проведения земельной реформы; ведение государственного земельного кадастра и мониторинга земель; различные меры охраны и улучшения природных качеств земель (мелиорация, рекультивация, консервация деградированных земель и др.); государственный контроль; установление административного порядка разрешения земельных споров, если законодательство субъектов Российской Федерации помимо судебного порядка допускает и административное регулирование при рассмотрении возникающих споров и конфликтов. Перечень функций и форм государственного регулирования может быть продолжен: государственная регистрация прав на землю, лицензирование и т. п.

Не секрет, что в условиях финансового кризиса инвесторы будут стремиться вложить свои капиталы таким образом, чтобы обезопасить их от инфляции. А что может быть более надежным вложением, чем земля сельскохозяйственного назначения? Тот ресурс, который всегда обеспечивал самое главное для любого общества — его продовольственную безопасность.

Отсутствие надлежащего правового регулирования в земельных вопросах ставит под угрозу геополитические интересы России. Если мы допускаем ситуацию, когда миллионы гектаров сельхозугодий и других земель заброшены в условиях мирового дефицита жизненного пространства и продовольствия, то должны отдавать себе отчет в том, что рано или поздно найдутся те, кто будет готов освоить эти земли. И, скорее всего, это будет не российский, а какой-нибудь другой землепользователь, что мы уже, к сожалению, наблюдаем в отдельных регионах. Практически уже сейчас идет мирное по форме, но агрессивное по содержанию внедрение иностранцев на российские земли. В качестве примера можно привести ситуацию на территориях, которые являются сопредельными с Китаем. Долгосрочная аренда земель этническими китайцами, имеющими гражданство Российской Федерации, в конечном итоге может привести к такому явлению, как аннексия приграничной территории определенной этнической группой. С появлением капиталов, вводимых из рискованных или недостаточно защищенных сфер инвестирования, интерес к земле многократно увеличится.

Нерациональное, а в действительности бесхозяйственное использование сельскохозяйственной земли, которое допускается существующими пробелами в земельном законодательстве и при попустительстве функциональных органов, может стать причиной еще одной угрозы — угрозы продовольственной безопасности.

Научно выверенное знание о динамике земельно-правовых отношений между крестьянством и государством может быть получено в результате укрепления правовой основы агрореформирования. Однако фрагментарные политические акты в этой сфере не систематизированы, государственное

регулирование земельных реформ «размыто» по различным отраслям общественности. В то же время земельно-управленческая практика требует достаточного отражения в общих и частных моделях построения теории правового обеспечения земельных реформ, функции которых должны быть точно определены государством с участием производителя, независимо от его принадлежности к той или иной форме собственности. Недооценка правосубъектности производителя в земельно-управленческой практике реформ нередко приводила к обратному действию реформирования или вовсе к отчуждению их от земли.

Интерес к земельному праву как к отрасли права обусловлен его важностью на современном этапе развития российской экономики и сельского хозяйства. Также велика роль земельного права в отношениях между собственниками земельных и садовых участков, фермерских хозяйств и др. Таким образом, земля — объект собственности, доля которой в современной России стремительно возрастает.

В решении земельной проблемы главное, с чего надо начинать, — ревизия и совершенствование действующего законодательства. В этой работе следует учитывать не только федеральный уровень, но и законодательство субъектов. В частности, следует законодательно уполномочить Правительство РФ определять общие правила для ставок земельного налога, а также утвердить четкую методику определения арендной платы за землю, которая находится в государственной или муниципальной собственности. Решение земельного вопроса напрямую связано с совершенствованием законодательства об оценочной деятельности. Нам необходим институт оценки, адекватный потребностям страны, способный повысить экономическую эффективность использования земельных ресурсов. Что касается налога на недвижимость, то необходимо обеспечить более справедливое распределение налогового бремени и поставить его в прямую зависимость от имущественного положения наших граждан.

В настоящее время в Российской Федерации отсутствуют начальные стадии земельной ипотеки, т. е. одна из основных идей земельной реформы не реализуется. Основными причинами такой ситуации можно назвать отсутствие политической воли, отсутствие принятой концепции развития земельной ипотеки, неразвитость земельного рынка, низкую рыночную стоимость земель сельхозназначения, отсутствие структур по разработке концепции развития земельной ипотеки. На наш взгляд, не требуется специального закона о земельной ипотеке, однако нужно внести изменения в действующее законодательство, а также необходимы подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие земельную ипотеку. Ситуация, сложившаяся с земельно-ипотечным кредитованием в Российской Федерации, не безнадежна, так как никто не отрицает необходимость развития процесса ипотеки.

Земельное законодательство должно гармонизировать свободную экономическую деятельность и государственное управление. В настоящее время во многом они несовместимы друг с другом.

В.В. Трофимов,
*кандидат юридических наук, доцент
Тамбовского государственного университета
им. Г.Р. Державина*

**Концепция «правовой жизни»:
теоретико-методологическое значение***

Современная правовая наука, выполняя свою главную миссию по содействию процессу развития права, последовательно встает на путь целостного познания правовых явлений в их взаимосвязи и взаимозависимости, комплексного изучения не только статики, но и динамики права. В структуре правовой теории стали возрождаться в своем истинном предназначении элементы философского и социолого-правового осмысления права; от «юриспруденции предметов» наука стала осуществлять постепенный переход к «юриспруденции отношений», которая, по справедливому замечанию русского правоведа Е.В. Спекторского, представляет собой двойной интерес, методологический и социальный. Смысл методологического интереса, по его мнению, заключается в рассмотрении правовых явлений как предметов правовой теории в отношениях между ними, в системе¹.

Такому пониманию общего объекта правовой науки, к сожалению, не соответствовала практически ни одна из имевших место юридических категорий. Категории «правовая форма» и «правовая система» оставляют за своими рамками негативные правовые явления, «правовая действительность» исключает из сферы изучения правовую историю (преемственность в праве), «правовая культура» ограничивает себя статическими аспектами (описанием уже существующих или существовавших ранее политико-правовых «учреждений»). Категории «правовая материя» и «правовая идея» — из разряда крайних точек (полюсов) осмысления правовых явлений. Первая соответствует «догме» права (анализу и характеристике юридических конструкций), вторая — доктрине права (метафизике права).

По отношению к юриспруденции можно констатировать проблему «дефицита» целостных и в некоторой степени претендующих на «универсальность» описательно-объясняющих моделей познания мира правовых явлений. Причем этот «дефицит» имеет парадоксальный характер, поскольку требуемый массив понятий и категорий, выражающих собой свойственную им методологическую функцию, не отсутствует как таковой, но его использование либо не приводит к желаемому эффекту, либо «заглушается»

---

* Работа выполнена при поддержке Гранта Президента РФ МК-5485.2008.6.

¹ См.: Спекторский Е.В. Христианство и правовая культура // Русская философия права: антология. СПб., 1999. С. 372.

теми критериями рациональности, «научности» традиционной методологии, которые сформировались в рамках общей теории права.

В определенной мере невысокий «коэффициент полезного действия» познавательных конструкций, заключенных в правовых категориях методологических приемов, обуславливается недостаточной их разработанностью и не очень устойчивой связью с соответствующими данным правовым категориям философскими моделями (основаниями). Поэтому обратной стороной «дефицита» «понимающих» практик является «инфляция» и нередко хаотичное «нагромождение» терминов, понятий, категорий, которые, может быть, и могли бы выполнять предназначавшуюся им роль и функцию в полной мере, но не осуществляют этого или в силу неправильной их интерпретации, или в силу неадекватного контекста.

Общая оценка методологического и категориального аппарата, как представляется, именно такова. Не секрет, что практически любое из понятий, претендующих на статус так называемых «всеобщих правовых абстракций» либо «предельных правовых категорий»¹, получает очень часто неоднозначную интерпретацию и истолкование. Это обуславливает определенный научный скептицизм и делает многие исследовательские попытки бесперспективными.

Определенным образом это объясняется самим характером любой гуманитарной науки, имеющей дело не с материально-осязаемыми объектами, а с их духовным «отражением» в виде мнений, суждений, взглядов, теорий, идей и т. д. По этой причине имеющая место «полярность», «неоднозначность», «плюралистичность» теоретического и методологического компонентов общей теории права может быть оценена как некая объективная данность. Несомненно, что главное ядро «сомнений» во всем организме правовой теории в виде отсутствия единого «общего понятия права» есть следствие того же рода причин.

Тем не менее всегда возможен научный консенсус, который станет итогом развития, диалектики правовой науки. Интенсивность, качество роста во многом будут зависеть от открытости системы правовой науки, от ее предрасположенности к модернизации, новым идеям и концепциям.

С научной точки зрения такой новизной и соответствующим эвристическим потенциалом обладает концепция «правовой жизни». Этому понятию придается категориальный статус², что является принципиально значимым для построения соответствующей системы знаний, имеет методологическое значение для изучения всей проблемы, детерминирует логику ее теоретического осмысления, выбор средств и способов познания, место в категориальном строе общей теории права.

Очень важным в этом плане является следование соответствующим философским и методологическим ориентирам, которые обеспечивают творческое развитие частнонаучных теорий, в том числе юриспруденции. Сегодня уже нет необходимости опровергать попытки «отрицания» значения для правовой науки общих понятий и категорий, философских и методологических построе-

¹ См.: Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 58.

² См.: Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5. С. 5–13.

ний по причине их «очевидной ненаучности»¹. Этот этап юридическая наука уже преодолела. Однако в настоящий момент мы сталкиваемся с иной проблемной ситуацией, которая обуславливается кризисным состоянием современного науковедения в целом, что не может не сказываться на состоянии юридической науки и теории государства и права в частности. Правоведение эти проблемы не игнорирует, а целенаправленно решает².

В то же время очевидно, что из собственного внутреннего кризиса методологии общая теория права сможет выйти только при условии «чуткого» реагирования на все «импульсы», исходящие из системы философского знания, поскольку общая теория права в методологическом плане всегда предстает как «звено познания между философским уровнем обобщения и прикладными юридическими науками»³.

Сформулируем два основных вопроса, которые стоят перед современной наукой права и от решения которых зависит во многом ее внутренняя динамика. Первый вопрос: достаточно ли известных «чистых» логических абстракций для познания всего многообразия правовых явлений, всех деталей их «организованных» и «неорганизованных» совокупностей? И второй вопрос: какими должны быть исходные допущения правовой науки (гипотезы о мире права), и где границы познаваемого ею объекта? Каковы его параметры?

В поисках «внешних оснований» ответов на данные вопросы обращаемся к философскому знанию. «Объективно-истинные знания о праве не могут быть выше результатов, которые теоретически планируют получить специалисты с помощью соответствующих философских оснований и основанных на них методах исследования»⁴.

По мнению известного отечественного философа Л.А. Микешинной, современная философия познания нуждается в обогащении понятийного аппарата в связи с расширением представлений о рациональности и включением в когнитивную практику наряду с трансцендентальным субъектом эмпирического субъекта познания. При этом, как полагает ученый, необязательно изобретать новые термины, речь идет скорее о признании правомерности использования многих уже известных понятий, в числе которых называются понятия интересубъективности и коммуникации, жизненного мира и жизни в ее небиологическом значении.

Обращение к жизни как к феномену культуры и истории обусловлено, во-первых, необходимостью постижения изначального опыта восприятия реальности и выявления непосредственного, дорефлексивного знания, предшествующего разделению на субъект и объект, во-вторых, осознанием недостаточности,

¹ См.: Керимов Д.А. Философия и правоведение // Проблемы методологии и методики правоведения. М., 1974. С. 8.

² См.: Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000; Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. М., 2004; Честнов И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права. СПб., 2004; Демидов А.И. О методологической ситуации в правоведении // Правоведение. 2001. № 4. С.18; Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2007. С. 256–293.

³ Васильев А.М. Общая теория государства и права как фундаментальная наука правоведения // Правоведение. 1975. № 1. С. 8.

⁴ Сырых В.М. Указ. соч. С. 34.

неполноты абстракции чистого сознания — логической конструкции, в конечном счете лишаящей познающего человека тех связей, которые соединяют его с реальным миром. Обращение к феномену жизни предполагает расширение сферы рационального, введение новых его типов и соответственно понятий и средств концептуализации, а также принципов перехода иррационального в рациональное¹.

Подобные установки прослеживаются в утверждениях Н.Н. Алексеева: «Но тот, кто человеческое общество мыслит наподобие некоторого правового порядка, тот неизбежно... упускает из виду, что значительные и наиболее, пожалуй, первичные слои общественного бытия людей строятся не на отвлеченной идее справедливости и права, но на живом и жизненном чувстве... представляющем разветвления глубоких и общих порывов к жизни. С точки зрения идеи юридического упорядочения вся эта стихия общественной жизни представляется не важной, не нужной и мало понятной. Самое большее, если ей придают значение некоего иррационального икса, который существует постольку, поскольку может оформляться правом. Но между тем эта общественная стихия не только не представляет из себя бесформенной материи, получающей впервые жизнь от правового закона, но полна богатейшего и самостоятельного жизненного содержания»².

Б.А. Кистяковский также не соглашался с теми, кто мог указать на то, что изучение права, существующего в жизни, а не записанного в законах, только затруднит исследователя, но ничего не даст нового в смысле познания права. Нет, именно потому, что «жизнь так богата, многостороння и разнообразна ... она не может целиком подчиниться контролю закона и органов, наблюдающих за его исполнением... К тому же писаное право недвижимо, оно изменяется только спорадически, и для изменения его всякий раз требуется приводить в движение сложный механизм законодательной машины. Напротив, правовая жизнь состоит из непрерывного движения, в ней все постоянно изменяется, одни правовые отношения возникают, другие прекращаются и уничтожаются»³.

Важная роль правовой науки проявляется в том, чтобы давать ответы на «непосредственные вопросы жизни». Ее основная цель — удовлетворить стремление людей «... по возможности расширить свое знание, придать ему характер общности, так, чтобы всякий вопрос, выдвигаемый жизнью, находил себе надлежащее освещение и удовлетворяющее решение», поскольку «...для жизни — эту цель никогда не должна терять из виду живая наука — отрывочное знание непригодно»⁴.

Недооценка этого «жизненного» многообразия и есть, пожалуй, то главное познавательное «препятствие», которое выступает в качестве «тормоза» на пути развития правовой науки. В связи с этим так важно «вернуть онтологическую укорененность познания вообще и науки в частности», обеспе-

¹ См.: Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. Гл. V. Эмпирический субъект и категория жизни. М., 2002. С. 193–194.

² Цит. по: История философии права. СПб., 1998. С. 586.

³ Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 206–207.

⁴ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 19.

читать вхождение «науки в контекст жизни»¹. Начало этому процессу, по замечанию С.А. Аскольдова, положил Кант².

Таким образом, закладывая в фундамент познания мира правовых явлений категорию жизни или жизненного мира (феноменологическая традиция), можно будет осуществить попытку построения целостного видения этого мира, в основе которого находится жизнь (правовая жизнь). По мысли одного из главных критиков концепции «философии жизни» Г. Риккерта (его критика имела довольно «благоклонный» и «объективный» характер), философия жизни обладает всем необходимым, чтобы стать целостным учением, так как жизнь является «принципом мирового целого», что позволяет разрабатывать не только проблемы бытия, но также проблемы ценностей. Философия жизни главное свое преимущество видит в «антисистематическом устремлении». «Система ведь, во всяком случае, есть нечто неподвижное, затвердевшее, застывшее, а потому чужда и даже враждебна постоянно текущей и стремящейся жизни. Итак, философ не должен мыслить систематически в старом смысле. Понимая мир как Все — Жизнь, он должен вместе с тем видеть, что он не умещается ни в какую систему»³.

Конечно, нет необходимости быть столь категоричными и следовать за философией жизни в ее «антисистематических устремлениях». Однако в качестве одного из «исходных допущений» следует осуществить постановку проблемы жизни как онтологического основания духовной и социальной реальности в центр современной правовой науки. Правовая жизнь может быть рассмотрена как то всеобщее, что обуславливает и объединяет все прочие правовые феномены в единый комплекс (употребляя термин «комплекс», возможно также применение «стоящего» за ним комплексного подхода, используемого, как правило, в дополнение к системному подходу⁴).

Заслуживающие внимания обоснования «всеобщности» жизни приводит Л.В. Баева. В тезисном варианте они выглядят следующим образом: 1. Жизнь есть единство прошлого, настоящего и будущего; 2. Жизнь есть единство внутреннего и внешнего, а также индивидуального и коллективного; 3. Жизнь есть единство потенциального и реального, небытия и бытия, возможности и творчества; 4. Жизнь есть единство природного и духовного⁵.

При помощи категории «правовая жизнь» сам процесс познания права приобретет комплексный характер, позволяет охватить весь спектр первоначальных и производных, статических и динамических, нормативных и ненормативных, положительных и отрицательных, организованных и неорганизованных, материальных и духовных правовых явлений, объединить их в единый комплекс, показать их как «сумму» правовой жизни.

Будучи комплексной предельно обобщающей категорией, в методологическом плане она обеспечит в рамках правовой науки, на наш взгляд,

¹ Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб., 2003. С. 479.

² См.: Аскольдов С.А. Философия и жизнь // Проблемы идеализма: сб. ст. [1902]. М., 2002. С. 459.

³ Риккерт Г. Философия жизни. Киев, 1998. С. 284–285.

⁴ См.: Резник Ю.М. Введение к социальной теории: социальная системология. М., 2003. С. 330–331.

⁵ См.: Баева Л.В. Аксиологический анализ феномена жизни // Философия и общество. 2003. № 3. С. 146–149.

«конвенциональное»¹ раскрытие потенциала метасистемного подхода, который способен объединить различные виды знания: предметное или конкретно-эмпирическое, где за начало берется «непосредственное, внешнее, единичное» в праве²; системное, где происходит выведение анализа права на более широкую орбиту и предполагается рассмотрение права на различных уровнях (право в системе общества, правовая система как целостность социальных правовых явлений, система объективного права)³; комплексное, которое формируется на основе многоаспектного или многомерного представления и моделирования объектов познания, как системных, так и несистемных⁴. Правовую жизнь следует рассматривать как интегрированный объект общей теории права, как «правовую метасистему». За счет этой особой теоретико-методологической конструкции можно будет охватить совокупность всех внешних проявлений «юридического бытия общества»⁵.

Введение понятия «правовая жизнь» в терминологию правовой науки и придание ей научного статуса преобразует многие исследовательские параметры, позволяет учитывать не только «видимую часть», но и глубинную, которая ускользает от исследовательского взора. Полная картина правовой жизни не может быть представлена только через знание о формально установленных правовых актах, об имеющихся правовых взглядах, о результатах действия механизма реализации права. Это лишь вершина айсберга, та видимая часть, характеризующаяся признаками «положительного», «рационального», «контролируемого». Но есть и другая, глубинная часть правовой жизни, которая часто ускользает от взгляда исследователя — неформальное, иррациональное, неконтролируемое.

Понятие «правовая жизнь» в терминологической системе правовой науки будет, на наш взгляд, способствовать более полному и всеохватному изучению аспектов функционирования правовой организации общества в целом и ее отдельных элементов через призму их социальной обусловленности и социальной эффективности (ценности). «Правовая жизнь — это совокупность всех форм юридического бытия общества, выражающаяся в правовых актах и иных проявлениях права (в том числе и негативных), характеризующая специфику и уровень существующей юридической действительности, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов»⁶. Заключенный в ней методологический прием позволит объединить формальную и содержательную стороны права, показать процессы возникновения, развития и исчезновения правовых форм в параллели с самой правовой «жизнью — источником формообразования» (Г. Зиммель). Это даст возможность увидеть не только эффект мононаправленности права на достижение закрепленного в норме результата

¹ «Конвенциональность как главный на сегодняшний день критерий научности вытекает из онтологической и гносеологической конвенциональности...» (Честнов И.Л. Указ. соч. С. 19).

² См.: Тиунова Л.Б. Системные связи правовой действительности. СПб., 1991. С. 11.

³ См.: Там же. С. 19.

⁴ См.: Резник Ю.М. Указ. соч. С. 324.

⁵ См.: Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы. М., 2000. С. 35.

⁶ Малько А.В. Новые явления в политико-правовой жизни России: вопросы теории и практики. Тольятти, 1999. С. 22.

(правовой цели), но и процесс реагирования правовой формы на перманентно меняющиеся условия социальной среды. В развитии правовых форм «мы познаем параллель жизни и права. Право, в любом смысле этого слова, есть не что иное, как совместная воля... оно есть форма или попросту сам дух тех отношений, материей которых выступает совместная жизнь или, в наиболее универсальном выражении, переплетение волевых сфер...»¹.

Именно правовая жизнь, на наш взгляд, как феномен социальной реальности, самодостаточный в силу своей автономности от субъективных факторов, саморазвивающийся в силу внутренних причин, преобразующих позитивное право в эффективный инструмент правового воздействия, устанавливает необходимые коммуникационные связи между самими социальными субъектами, а также между социальными субъектами и правовой нормой. Правовая жизнь обеспечивает диалог естественного права и права как элемента ноосферы, которые, взаимопроникая друг в друга, и представляют собой условия существования социальной жизни на основах права.

Таким образом, «правовая жизнь» может быть рассмотрена как своеобразная «метасистема» или система более высокого уровня, в структурных связях с которой действующая структура права как элемента ноосферы в единстве его конкретных (правоотношение) и абстрактных (нормы права и правосознание) форм находит источник своего развития, модернизации, приспособления к новым условиям социальной жизни. Этот процесс имеет непрерывный характер, идущий в соответствии с постоянным процессом правообразования и перманентным процессом правового взаимодействия между субъектами правовой жизни как имеющими правовой статус, так и приобретающими его в результате социально активных правовых действий.

Комплексный характер процесса познания права присущ именно категории «правовая жизнь», предполагающей наряду с правом официальным право автономное и даже эвентуально соперничающее с официальными правовыми установками и соответствующим правовым воздействием. «Правовая жизнь» — категория, координирующая свободу и принуждение. Эта категория учитывает сложность всей социальной структуры в целом, тот объективный правовой критерий, который не является случайным порождением усмотрения, воли людей, если даже не произвола, меняющегося в зависимости от обстоятельств: «...три градуса выше к полюсу опрокидывают всю юриспруденцию. Забавная справедливость, которую ограничивает река! Истина по эту сторону Пиренеев, ложь по ту» (Паскаль)².

Именно в течение правовой жизни может реально проявиться аксиологическая сторона правовой материи; положительный и отрицательный типы правосознания есть не что иное, как проекции адаптационных возможностей позитивного права, уровней его проникновения в социальную жизнь. Правовая жизнь может быть рассмотрена и как объективная форма верификации права. На фоне правовой жизни можно будет реально сопоставить цели правовой политики (в области правотворчества, правообучения, правоприменения)

---

¹ Теннис Ф. *Общность и общество*. СПб., 2002. С. 295.

² Цит. по: Спекторский Е.В. *Указ. соч.* С. 368.

с потребностями и интересами индивида, социальной группы, общества; выявить действующие и недействующие правовые акты и соответственно определить причины существующего положения, наметить пути решения правовых проблем. «Если правовая политика — это деятельность государства по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств... то правовая жизнь — это одновременно истоки и сфера проявления такой политики»¹. Безусловно, это может также существенным образом сказаться на понимании государства — системного субъекта правовой жизни. Учитывая «сложную организацию правовой жизни (опыта ее предопределяющего) ... амплитуду и колебания субъектов политико-юридической жизни», «мы получим оценку государства в его правовом понимании, а также метод выработки адекватной правовой политики»².

Концепция «правовой жизни» — особая теоретическая конструкция, способная изучать различные грани права. Ее теоретико-методологическое, а также практическое значение следует оценить по достоинству. Ведь именно на основе более глубокого познания сущности правовой жизни и можно будет в конечном итоге преодолеть состояние кризиса правовой науки, констатация которого так часто приводится в научных изданиях.

¹ Малько А.В. Новые явления в политико-правовой жизни России: вопросы теории и практики. С. 28.

² Петров М.П. Государство как системный субъект правовой жизни // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект. Саратов, 2005. С. 314.

А.К. Магомедов,

*доктор политических наук, профессор,
зав. кафедрой Ульяновского государственного
университета*

Р.Н. Никеров,

*соискатель Ульяновского государственного
университета*

М.А. Куликова,

*ассистент кафедры Ульяновского
государственного педагогического
университета им. И.Н.Ульянова*

Энергетическая геополитика Большого Каспия и международное право

Изучение международно-правового статуса Каспийского моря имеет, пожалуй, самую прочную традицию в недолгой истории каспийских исследований. Особенно активно данная тема разрабатывалась в 1990-е гг. Тогда многим казалось, что раздел Каспия между прибрежными странами на основе принципов международного права поможет обеспечить плодотворное сотрудничество в этом ареале. Однако именно данный вопрос оказался самым запу-

---

таным и сложным для разрешения. По-прежнему нет никакого намека на консенсус по поводу раздела Каспия. Все участники этого процесса многократно меняли свои позиции.

В XXI столетии международно-правовой статус Каспийского моря подвергся особенно тяжелым испытаниям и провалам. Неудачей завершился саммит прикаспийских государств в Ашхабаде в апреле 2002 г., на котором не удалось решить вопрос о разделе Каспийского моря. Последующие встречи и обсуждения разного рода конвенций по правовому статусу Каспийского моря (например, в апреле 2004 г., в июне 2007 г.) также не дали положительных результатов. Без особых достижений закончился второй саммит глав прикаспийских государств в Тегеране 16 октября 2007 г. Последнее коллективное усилие такого рода было предпринято в Астане в конце декабря 2008 г., где состоялось заседание специальной рабочей группы (СРГ) по разработке конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Рабочая группа была сформирована в конце 1990-х гг. по решению глав государств каспийской пятерки (России, Ирана, Казахстана, Азербайджана, Туркмении) на уровне замминистров иностранных дел всех прикаспийских государств. Миссия данной группы — постатейное рассмотрение конвенции, а также выполнение ранее достигнутых договоренностей.

Несмотря на многократные обсуждения текста конвенции, документ получил одобрение всех участников лишь на 70% своего содержания. Согласованной позиции удалось достичь лишь по второстепенным и непринципиальным вопросам: природоохраны, судоходства и биоресурсов. Принципиальные вопросы (делимитация участков моря по национальным секторам и безопасности) находят решение на путях двух- и трехсторонних переговоров. Так, на основе двухсторонних соглашений Казахстан и Россия в 2001 и 2003 гг. поделили северную часть Каспия на национальные секторы по принципу серединной линии. В итоге России досталось 19%, Казахстану — 29%. Против такого принципа категорически возражает Иран, который настаивает на равнодолевом разделе, что даст каждой из прибрежных стран 20% Каспия. Дополнительной проблемой, которая тормозила правовое разрешение указанных споров, стали давние разногласия между Азербайджаном и Туркменией по поводу спорного нефтегазового месторождения «Кяпаз» (туркменское название «Сердар»). Стороны даже грозились использовать военную силу для решения данного конфликта. Но если стороны и договорятся о совместной разработке этого месторождения (такой вариант Баку стал предлагать Ашхабаду после смерти Туркменбаши), проблема статуса Каспия будет разрешена не скоро.

Неопределенный международно-правовой статус Каспия формально не дает возможности реализовать международные транспортно-энергетические проекты. В частности, это транскаспийские маршруты транспортировки, выводящие центрально-азиатские углеводороды на мировые рынки в обход России. Однако на практике и прикаспийские страны, и Запад стремятся приступить к реализации проектов по строительству транскаспийских нефте- и газопроводов на двух- и трехсторонней основе, не дожидаясь окончательного урегулирования правового статуса Каспия. Как часто бывает в истории, там, где отмобилизованы большие интересы, большие стимулы и большие Эгоизмы, подкрепленные большими

Деньгами, решающие события разворачиваются за пределами международно-правовых и статусных подходов.

О том, что Каспийский бассейн является энергетической кладовой XXI в., написано немало. Очень часто каспийской нефти придавался налет геополитической таинственности, что позволяло слишком сильно преувеличивать энергетическое значение Каспийского региона. Многочисленные описания каспийских энергоресурсов вольно или невольно вели даже к оценке Каспия как потенциальной альтернативы Ближнего Востока¹.

Актуальное значение Каспийского бассейна лежит не только в энергетической, но в транспортной и военно-политической плоскости, и имеет, естественно, экономическое измерение. Весьма поучительный урок использования данного региона заключается в том, что пограничная и транзитно-коммуникационная функции все же преобладали над всеми другими. Укажем лишь на ключевые исторические эпизоды, подчеркивающие исключительную ценность Каспия как военно-транспортного и геополитического ареала.

Во время столкновения двух растущих империй — Российской и Британской — в Средней Азии и Закавказье в течение XIX в. именно контроль над коммуникациями был основным аргументом геополитического доминирования в регионе. Как указывал В. Максименко, важнейшим элементом окончательного закрепления России в этом ареале стала Закаспийская железная дорога, строительство которой было закончено в 1888 г. Это не просто стеснило сферу английской торговли, но поставило преграду всей английской экспансии на континент².

Именно транзитный и геополитический факторы определили вхождение Красной Армии совместно с войсками Великобритании в Иран в августе—сентябре 1941 г. и ее пребывание там до весны 1946 г. Один из аспектов официальной оценки данных событий заключался в том, что вступление советских и английских войск в Иран обеспечивало железнодорожную и морскую связь СССР с Англией и США через Иран и Персидский залив³. Однако помимо встречных советско-британских союзнических усилий, эти акции содержали в себе серьезную геополитическую мотивацию обеих сторон. Красная Армия вошла в Иран из-за явного нежелания Сталина допустить установление одностороннего контроля Великобритании над Ираном. Это привело к тому, что Сталин не выводил окончательно советские войска из Ирана вплоть до окончания Второй мировой войны. Он даже отклонил предложение Черчилля подменить английскими войсками советский контингент в Иране в самые напряженные моменты борьбы на советско-германском фронте. Понимание Сталиным истинной ценности каспийско-иранских коммуникаций, так же как истинных мотивов Черчилля в отношении южных границ СССР в виде

¹ Эти оценки подробно описаны: *Гаджиев К.С.* Геополитика Кавказа. М., 2001; *Гусейнов В.* Каспийская нефть. Экономика и геополитика. М., 2002.

² См.: *Максименко В.* Центральная Азия и Кавказ: основание геополитического единства // Центральная Азия и Кавказ. 2000. №3. С. 73; *Гаджиев К.С.* Указ. соч. С.30.

³ По этому пути осуществлялась значительная часть англо-американских союзнических поставок в СССР по ленд-лизу (см.: *Голуб Ю.Г.* 1941: иранский поход Красной Армии. Взгляд сквозь годы // Отечественная история. 2004. № 3. С. 24, 26–27; *Тике В.* Марш на Кавказ. Битва за нефть. М., 2005).

вышеупомянутого определения «мягкого подбрюшья» Евразии, свидетельствовало о масштабе геополитического чутья советского генсека и серьезной геополитической выучке сталинской дипломатии.

Наконец, на рубеже XX–XXI вв. судьба данного ареала и перспективы стратегического доминирования на нем вновь оказались в зависимости от транспортных путей, на сей раз от трубопроводных маршрутов, которые выводят нефть и газ региона на внешние рынки.

В результате распада Советского Союза в одночасье изменился баланс сил в Евразии. Масштабный субъект действия — СССР — исчез с политической карты мира. Ельцинская «новая» Россия с ее оголенными окраинами стала напоминать безвольную природу, лишенную политического целеполагания. Подобный поворот обусловил неслыханную эскалацию американских геополитических мегапроектов с целью приблизиться к контролю над географией и ресурсами Прикаспия.

Возникшая недавно новая отрасль геополитики — каспийские исследования — не столько призвана изучать Каспий, сколько вырабатывать нарратив («метарассказы») подчинения Прикаспия, вписывая его в программу западного контроля.

Вслед за интеллектуальными интерпретациями США предложили свой мегапроект в отношении всего Прикаспийского региона как целого. Точкой отсчета можно считать 1994 г., когда американцы объявили Каспий зоной своих жизненно важных интересов. На фоне четко выстроенных и жестко мотивированных интерпретаций и амбиций США обезволенная «демократическая Россия» была не способна предлагать свои мегапроекты для всего Прикаспия как целого.

Каспийские энергоресурсы, благодаря стараниям руководителей прикаспийских стран и ведущих западных нефтекомпаний, стали превращаться в ходовой информационный и дипломатический товар на мировом политическом рынке. Чрезмерная политизация углеводородных запасов Каспия привела к «трубопроводному синдрому». Вопрос заключался в том, какие маршруты выведут каспийские углеводороды на мировые рынки и кто будет их контролировать. К моменту распада СССР существовал только один маршрут такого рода: нефтепровод Баку — Новороссийск. После открытия крупных месторождений нефти в азербайджанском секторе Каспия и по мере освоения богатейших месторождений казахстанского шельфа основная борьба за транспортировку каспийской нефти в 1990-е гг. развернулась между двумя направлениями. Первое направление олицетворял проект Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) по линии Тенгиз — Новороссийск (от казахстанского месторождения Тенгиз до российского порта на Черном море), второе направление — маршрут Баку—Джейхан (от каспийских нефтяных полей Азербайджана до турецкого порта в Средиземном море).

В конечном счете в 1990-е гг. победу одержала нефтяная трасса КТК, строительство которой началось в 1999 г. и закончилось в 2001 г. России удалось ценой огромных усилий направить казахстанскую нефть по своей территории к новороссийским терминалам. Тем самым она сохранила на какое-то время мощный инструмент влияния на прикаспийские страны. В результате на короткое время стабилизировалась общая геополитическая ситуация на Каспии.

Драматическое начало нового столетия коренным образом изменило характер каспийской политики. Рассмотрим ключевые пункты этого поворота.

1. Приход к власти в России нового Президента — Владимира Путина — и начало реализации его «стратегической каспийской инициативы». Каспийская политика России в начале XXI в. формировалась под воздействием описанного выше впечатляющего американского геополитического триумфа. В. Путин, медленно преодолевая наследие Б. Ельцина, начал заново утверждать первенство национальных интересов. Введение в 2000 г. поста спецпредставителя Президента по Каспию в ранге вице-преьера с назначением на этот пост Виктора Калюжного стало знаковым, хотя и безуспешным шагом России в данном направлении.

2. Следующим рубежом, который прервал размеренный ход прикаспийской интриги, задав ей новые темпы и остроту, явились события 11 сентября 2001 г. в США и ответные меры Америки и их союзников в рамках объявленной войны с «международным терроризмом». Несмотря на всю сомнительность этого термина и подозрительность данного лозунга, Россия продемонстрировала безоглядную поддержку США. Удручающая несамостоятельность России в данном процессе позволила США без проблем закрепиться в Центральной Азии. Такая «сателлитная» позиция Кремля ничего не дала России взамен, а лишь открыла новую страницу разочарований и потерь.

3. Событием, ставшим основным испытанием для России на каспийском направлении, стала реализация отложенного в свое время проекта Баку—Тбилиси—Джейхан (БТД). Этот нефтепровод являлся сердцевиной американской политики на Каспии начиная с 1994 г. В конце сентября 2002 г. международный консорциум во главе с British Petroleum (BP) объявил о символическом начале работ по строительству новой нефтяной трассы. В феврале—марте 2003 г. началась прокладка этого маршрута, которая закончилась весной 2005 г. Потенциал нового нефтепровода включает в себя транспортировку 50 млн тонн нефти в год на очень значительное расстояние (1760 км) по территориям Азербайджана, Грузии и Турции. Он связал азербайджанские нефтяные месторождения Азери, Чираг и Гюнешли с турецким нефтяным портом Джейхан на Средиземном море. По словам бывшего министра энергетики США Спенсера Абрахама, нефтепровод БТД является важной частью нефтяной стратегии Америки, разработанной под руководством вице-президента США Р. Чейни. Весьма примечательно, что участники проекта БТД не скрывают его антироссийской и антииранской направленности, заявляя, что он важен со стратегической точки зрения.

Реализация данного проекта (торжественное открытие нефтепровода состоялось 25 мая 2005 г.) ознаменовалась чувствительным ударом по российским позициям на Большом Каспии. Под угрозой оказались политические и экономические интересы России в Закавказье. Движение углеводородов в обход России создало угрозу резкого ослабления ее связей с Закавказьем и Средней Азией, куда со всех сил устремился Североатлантический альянс. Эта новая повестка дня для военно-политического блока дала возможность говорить об «азиатизации НАТО»¹.

¹ См.: Даалдер А., Голдгайдер Дж. Глобальный альянс. НАТО предстоит отказаться от регионального статуса // Коммерсантъ-Мнения. 2006. № 161. С. 9; Богатуров А.Д. Синдром косы и камня // ИГ-Дипкурьер. 2007. 10 дек.

Описанные результаты постсентябрьского российско-американского соперничества на Каспии позволяют зафиксировать важную тенденцию, позволяющую приблизиться к лучшему пониманию причин потери прежнего российского контроля над Каспием. Речь идет о состоянии умов российской элиты и части экспертного сообщества. Это состояние характеризовалось остаточным атлантизмом эпохи Ельцина-Козырева и господством геоэкономических представлений. Данные характеристики порождали пацифистские иллюзии в оценке перспектив каспийской политики.

Многие отечественные политики и эксперты в тот момент неоправданно и однобоко полагались на геоэкономiku: искали в трубопроводной политике лишь экономический смысл, слишком тесно увязывая фактор нефтепроводов с рентабельностью. Геоэкономическая аргументация породила даже такие саркастические оценки перспектив БТД, как «новый международный вид недуга», «дорогостоящее помешательство» и т.д.¹ Своих скептиков на этот счет хватало и на Западе. «Неизвестные объемы нефти должны были пойти на Запад в обмен на туманно сформулированные политические обещания», — таков был саркастический лейтмотив многих комментариев. Беглый экс-премьер-министр Казахстана Акежан Кажегельдин заявил: «Есть проект Баку—Тбилиси—Джейхан. Хороший проект с очень плохой математикой». Эти и другие наблюдатели называли данный проект «геополитической фантазией», «трубопроводом, ведущим в никуда»².

Геоэкономическая позиция, в которой доминировала бухгалтерия выгод и убытков, отражала формирование краткосрочных стимулов и перспектив в поведении российской элиты. Такой настрой не способствовал активизации национального геополитического сознания правящего класса и геополитической проективности в целом. Доминирующей оставалась точка зрения «атлантистов», которые навязывали геоэкономическую бухгалтерию во имя дискредитации геополитических энергий и амбиций. При этом безобидная с виду геоэкономическая позиция иногда доводилась до шокирующих умозаключений. Незамысловатая по своему содержанию, но нахрапистая по манере изложения антитеза геополитике сводилась к простой формуле: все зло от пространств и от имперских представлений. Так, известный российский «атлантист», один из территориальных «уменьшителей» России Д. Орешкин интерпретировал принцип территориальной онтологии (имеющий наиболее древнюю родословную в геополитике) как «постимперский комплекс неполноценности». Данной категории аналитиков было трудно согласиться с тем, что «территории котируются выше экономики», а «влияние — дороже денег»³. Призывы вернуть в отечественную политическую повестку дня геополитические интересы оценивались им и вовсе как «территориальная мания сталинизма», предрассудки «начала прошлого века».

¹ См.: Эдуардов С. Жажда в трубах. URL: <http://www.utro.ru/articles/2003/02/07/126422.shtml>; Александров Ю., Орлов Д. Баку—Тбилиси—Джейхан: где нефть? // Независимая газета. 2002. 4 окт. С.10; Орлов Д. Нефтяной рычаг русской политики // Известия. 2005. № 92.

² Washington Profile. URL: <http://www.washprofile.org/arch0403/interviews/Kazhegeldin>

³ Орешкин Д. «Золотой миллиард» или «Золотая Орда»? // Независимая газета. 2003. 10 июня. С. 11; Его же. Петушиное слово Кремля // Московские новости. 2004. 22–28 окт. С. 8; Богатуров А. Геоэкономика захватила власть в мире // Независимая газета. 2004. 25 мая. С. 8.

Упования «атлантистов» были связаны с перспективой для России найти и отстоять свое место в асимметричном мире, желательно в той его части, которая ближе к группе развитых стран. Российский правящий класс путинского призыва слишком долго оставался верен этой застарелой перестроечной иллюзии. Хотя у него перед глазами был пример того, как надежды ельцинской России приносились в жертву американскому триумфализму 1990-х гг. Тем не менее, не усвоив этот урок, раннепутинский Кремль хотел войти в «мировое сообщество» на американском «поезде свободы» в рамках «антитеррористического консенсуса». Только после серии «цветных революций» по всему пограничному периметру России, после яростной критики последней со стороны США и Евросоюза за «отступление от демократии», а затем и за газовый конфликт с Украиной, путинская Россия потеряла всякие иллюзии по поводу тесной кооперации с Западом. Однако и здесь «атлантистский» мираж долго пьянил сознание российской элиты. Тяжесть прощания с прозападными сателлитными иллюзиями лучше других в те годы выразил глава комитета Госдумы РФ по международным делам К. Косачев. Признавая, что России под видом демократии предлагают сохранить в неприкосновенности то, что разрушает страну, он, тем не менее, восклицал: «Мы часто задаем нашим западным партнерам вопрос: что еще нужно сделать России, чтобы ее, наконец, признали демократической страной?»¹.

Слабость и уязвимость российской аналитики и дипломатии состоит в недооценке старой истины, которую лучше других изложил В. Максименко: «География, которую имеет в виду геополитическая мысль — это не физическая география суши и моря; это география коммуникаций международной торговли и международной войны. На всемирных перекрестках, как свидетельствует история, торговые коммуникации при необходимости приобретают военно-стратегическое значение. Пути торговли становятся путями войны»². Если говорить о нефтяной трассе БТД, то она в полной мере подтверждает аксиому о том, что в силу неоспоримости стратегического значения нефте- и газопроводы представляют собой вид геополитического оружия.

Решения о строительстве транзитных коммуникаций принимают в первую очередь политики вместе с генералами. Военное строительство в Закавказье и Центральной Азии, а также силовое сопровождение нефтяной трассы БТД стали логическим дополнением к основным акциям американской внешней политики начала XXI в. — оккупации Ирака и контролю Афганистана. Эти акции, проведенные под предлогом борьбы с «международным терроризмом», нацелены также на то, чтобы окружить Иран со всех сторон и ограничить российское влияние на Каспии. На практике данная стратегия выражается в том, что вдоль строящихся и планируемых в Закавказье энергетических коммуникаций появляются американские опорные пункты. США включили безопасность экспортных трубопроводов на Южном Кавказе в ряд приоритетных направлений борьбы с «международным терроризмом». Много усилий было вложено в создание единого командования сил быстрого реагирования «Юж-

¹ Косачев К. Демократия как внешнеполитический фактор // Независимая газета. 2004. 3 дек.

² Максименко В. Указ. соч. С. 70–71.

нокавказский антитеррор», функция которого — обеспечение охраны трубопроводов. Появление в Грузии американских военных специалистов имело своей целью защиту нефтепроводного маршрута БТД, о чем с предельной откровенностью заявляют западные политики¹.

Очевидно, главное предназначение новых военно-политических новаций на Каспии — оперативно реагировать на события, происходящие вокруг трубопровода БТД².

Аналогичный силовой ответ последовал и со стороны России. Важной частью вышеупомянутой путинской «каспийской инициативы» стали организованные в августе 2002 г. масштабные военные учения и сбор-поход Каспийской флотилии. По силе и размаху эти маневры оказались беспрецедентны, поскольку даже во времена СССР не наблюдалось такой мобилизации всех силовых структур на Каспии. Тот факт, что объявление о мероприятии было сделано Президентом Путиным сразу после неудачного саммита в Ашхабаде в апреле 2002 г., возможно, свидетельствовал о желании российского руководства продемонстрировать фактор подавляющего военного превосходства России в регионе.

Таким образом, энергетические и транспортные проблемы Каспия переросли в военно-политическое противоборство. Это в точности подтверждает вышеприведенный тезис о том, что «пути торговли становятся путями войны».

Здесь необходимо вернуться к пункту, с которого началась эскалация соперничества за Каспий между Россией и Западом, — началу второго срока президентства Путина и Буша. Казалось, после ввода в строй Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) в 2001 г. и идущего параллельно с ним газопровода «Голубой поток» Запад уже не сможет нанести существенного поражения России. Пауза в реализации нефтепроводного проекта Баку—Тбилиси—Джейхан (БТД) позволила многим заговорить о провале последнего «американского шанса» на Каспии. Однако после событий 11 сентября 2001 г. ситуация кардинально меняется. С данного момента США и их союзники реализуют один энергетический проект за другим, сопровождая это ошеломляющим эффектом «цветных революций» на Украине, в Грузии, Киргизии. Аналогичные попытки в Узбекистане и Монголии провалились.

Последовавшие после пуска БТД события открыли новую страницу в истории борьбы за каспийские углеводороды. С этого момента самой впечатляющей характеристикой постсентябрьской энергетической геополитики на Каспии стала «гонка диверсификаций» (выражение западно-германского ученого Роланда Гетца). Стремление к поступательной диверсификации каспийских энергопоставок было вызвано общей атмосферой энергетических страхов, транспортных угроз и политических блефов, царящих в постсентябрьском мире. В рамках этой гонки на каждую победу России приходился ответный удар Запада.

Энерготранспортная гонка в зоне Большого Каспия проходила в рамках новообретенной конфронтации между Россией и Западом. Эта гонка развивалась в следующем режиме.

¹ См.: Усейнов А. Коммандос для трубы // Независимая газета. 2003. 11 февр. С. 5.

² См.: Мамедов С.В. Азербайджане заработали американские системы слежения // НГ-Дипкурьер. 2005. 10 окт. С. 10; Его же. Каспий под колпаком локаторов. Азербайджан завершил создание радарных систем для охраны своих морских границ // Независимая газета. 2008. 3 апр.

Весной 2007 г. наступила очередь России для решительных действий после триумфа БТД. Ее действия состояли в заключении майского договора 2007 г. о строительстве Прикаспийского газопровода, по которому туркменский и казахстанский газ пойдет по российской территории. Договор стал результатом беспрецедентной 6-дневной центрально-азиатской поездки В. Путина в Казахстан и Туркмению и встреч с лидерами этих государств. Как писал Наби Зиядуллаев, фактически речь шла о формировании энергетического союза через создание единой энергосистемы с Казахстаном и Туркменией¹. Это был серьезный ответ российского руководства на попытки США и Евросоюза вывести из орбиты Москвы страны Центральной Азии путем строительства трубопроводов в обход России.

Запад ответил на этот шаг дипломатическим десантом США в прикаспийские страны. Сотрудники американского Госдепа посетили нефтегазовые столицы региона (Стивен Манн — Ашхабад, Ричард Баучер — Астану, Мэтью Брайза — Баку) перед саммитом «Большой Восьмерки», на которой Россия была раскритикована за энергетическую монополию в Европе. Цель визитов — уговорить лидеров, в первую очередь Казахстана и Туркмени, в необходимости транспортировки углеводородов в обход России.

Россия пошла вперед саммитом глав ШОС (Шанхайской организации сотрудничества) 16 августа 2007 г. На саммите было принято решение о создании Энергетического клуба с целью координировать энергетические проекты в интересах членов организации — России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Создание клуба, как отмечает А. Ниязи, поставило крест на амбициозном американском проекте «Большой Центральной Азии»².

Спустя всего лишь несколько дней США приступили к новой фазе реализации транспортно-энергетических проектов на Каспии в обход России. В Баку было подписано соглашение, по которому Вашингтон выделяет Госнефтекомпании Азербайджана грант размером 1,7 млн долларов на разработку ТЭО 2-х маршрутов энергопоставок в обход России: Транскаспийского газопровода и нефтепровода по дну Каспия для подключения казахстанской нефти к БТД. По ним казахстанская нефть и туркменский газ должны пойти в Европу через азербайджанскую территорию.

Однако наиболее напряженное соперничество развернулось осенью 2007 г., когда Запад попытался перехватить инициативу и решить вопрос в свою пользу. В интервью газете «Dallas Morning News» в Техасе Кондолиза Райс отметила, что главный вызов России внешнему миру заключается в ее энергетической политике. Райс жестко дала понять, что единственное, с чем Вашингтон не готов смириться, так это с концентрацией власти в Кремле, усилением госконтроля над нефтегазовыми ресурсами страны и их использованием в политических целях³. На фоне этой проблемы все остальные сюжеты — забота о

¹ См.: Зиядуллаев Н. Центральная Азия: конкуренция и партнерство // НГ-Дипкурьер. 2007. 2 июля. С. 13.

² См.: Ниязи А. Богатое приданое Центральной Азии. Соперничество между Москвой и Вашингтоном за энергоресурсы региона усиливается // НГ-Дипкурьер. 2007. 24 сент.

³ См.: Терехов А. Самый большой вызов. Кондолиза Райс разъяснила, почему возможен конфликт с Россией // Независимая газета. 2007. 12 нояб.

демократии, борьба с «глобальным терроризмом», ситуация вокруг Ирана — выступают как производные от главной цели Запада: вытеснить Россию с ареала Большого Каспия¹.

Серьезность данного курса подтвердили государственные расходы США. В принятом на 2008 г. бюджете США существенная часть средств, выделенных на страны СНГ (около 402 млн долларов), должна была пойти на противодействие курсу Москвы в Евразии в плане создания маршрутов поставок энергоносителей в обход России².

Россия ответила на это тем, что в июле 2008 г. глава «Газпрома» А.Миллер подписал в Ашхабаде соглашение о закупке туркменского газа по 225–295 долларов США за 1 тыс. кубов. Затем схожие соглашения с Узбекистаном были достигнуты в ходе сентябрьского визита Путина. Путин убедил Ташкент дать согласие на строительство нового магистрального газопровода из Узбекистана в Россию, который увеличит пропускную способность трубопроводной системы Средняя Азия — Центр с 45 млрд до 80–90 млрд кубометров в год. Многие посчитали, что, повысив цену на газ, Москва нанесла упреждающий удар по конкурентам в Центральной Азии.

На такой напряженной ноте и началась война в Южной Осетии, которая закончилась российским блицкригом. Одним из важнейших факторов этой войны было усиленное вооружение Грузии со стороны США и Израиля. Таким образом, принуждение к милитаризации Каспия вылилось в конечном счете в «принуждение к миру» Грузии через пятидневную войну.

Августовская война в Южной Осетии привела к появлению двух точек зрения о предварительных результатах «гонки диверсификаций» и перспективах соперничества России и Запада в регионе Большого Каспия.

Первая позиция. В результате югоосетинской войны Россия фактически установила контроль над ключевыми транспортными линиями Грузии, получив возможность блокировать транзит, проходящий по грузинской территории. Это поставило под угрозу стратегию Запада, основанную на том, что в Европу через Грузию пойдут углеводороды из Азербайджана и потенциально Казахстана и Туркмении.

Вторая позиция. Она основана на набирающем силу требовании освободиться от влияния России путем поддержки обходящих ее трубопроводных маршрутов.

Таким образом, после августовской войны в Грузии по всему региону Большого Каспия геополитическая ситуация приобрела новую неопределенность. Нарастающая милитаризация Каспия и спешное создание военных флотов прикаспийскими странами привели к увеличению роли прибрежных городов не только как транзитных и коммуникационных пунктов, но и как военных форпостов.

¹ Это сегодня признают даже те аналитики-«атлантисты», которые надеялись (под впечатлением конъюнктурного и краткосрочного американо-российского альянса по борьбе с «международным терроризмом») на тесное российско-американское партнерство в деле формирования центрально- и южно-азиатских энергетических коридоров и создание вдоль них совместной военной инфраструктуры (см.: *Богатуров А.* Индо-сибирский коридор в стратегии контртерроризма // *НГ-Дипкурьер.* 2005. 24 окт. С. 14).

² См.: *Коммерсант.* 2007. 20 дек.

В контексте таких перемен необходимо, на наш взгляд, пересмотреть излишне успокоительные прогнозы некоторых аналитиков. В первую очередь утверждения сотрудника московского центра Карнеги Дмитрия Тренина о неизбежном снижении значения российских портов как военных форпостов России и о деактуализации военного измерения безопасности вообще¹. Навязчивое повторение этим автором данного тезиса в другом месте о том, что «никогда раньше так не снижалась значимость фактора военной безопасности»², противоречит очевидным фактам, так как милитаризация является одной из ключевых тенденций современного мира. У абсолютного большинства государств планеты растут военные расходы. С 2001 по 2007 г. эти затраты в реальном исчислении увеличились на 30%.

Однако самое печальное заключается в другом. Правовая система международной безопасности, базирующаяся на принципах Устава ООН, разрушается. В частности, ставка на доминирующую военную силу определена «Стратегией национальной безопасности США», утвержденной Конгрессом в 2005 г.: «Обеспечить безопасный доступ к ключевым районам мира, стратегическим коммуникациям и глобальным ресурсам»³. Главным объектом глобальной схватки являются углеводороды, в борьбе за обладание которыми Запад готов широко использовать все средства. Описанный выше ресурсный эгоизм и текущие политические стимулы ключевых игроков, борющихся за контроль над Большим Каспием, оставляют мало оптимизма по поводу выработки каспийского консенсуса на основе принципов международного права.

¹ См.: Российские регионы как международные акторы: аналитический доклад / под ред. А.С. Макарычева. Н. Новгород, 2000. С. 74.

² Барановский В. Рецензия: Dmitri V. Trenin. Getting Russia Right. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2007 // Pro et Contra. 2008. №1. С.101.

³ Ивашов Л.Г. Безопасность — главный нацпроект России. Холодная война обрела новое качество // Независимое военное обозрение. 2008. 6 июня.

Е.А. Романова,
*аспирант Саратовской государственной
академии права*

К вопросу о правовом тексте как информационном средстве правовой коммуникации

Правовая коммуникация представляет собой процесс передачи правовой информации между субъектами правоотношений, где ведущая роль принадлежит правовым текстам. Правовой текст обладает логическим, грамматическим и лексическим началами, определенным образом структурирован. Он подлежит исследованию с точки зрения его информационной природы, которую характеризуют такие категории, как информационный объем, информационная емкость и информативность.

В юридической литературе до сих пор нет единого подхода к раскрытию сущности и структуры правового текста. Среди основных разновидностей правовых текстов выделяют помимо нормативно-правовых актов, как информационных воплощений юридических предписаний, также и судебные речи, консультации юристов, правовую литературу и т.д., имеющие различное значение в праворегулирующем процессе. По-нашему мнению, необходимо разграничивать сами правовые тексты, к которым относятся все источники права, а также акты применения права, акты толкования права и тексты, содержащие сведения правового характера (юридические словари, справочники, статьи в периодических изданиях и т.п.).

Необходимо учитывать, что особенности правового текста обнаруживаются в его структуре, форме, содержании и используемых правовых средствах. При этом воплощаются они лишь в процессе правовой коммуникации. Структуру правового текста определяют, главным образом, цель и задачи его создания.

Для того чтобы рассмотреть текст как неотъемлемый элемент правовой коммуникации, понять его специфику, необходимо досконально изучить все факторы, способствующие его возникновению. Вполне логично, что говорить о качестве правового текста, совершенстве используемых средств и приемов юридической техники можно лишь при исследовании истинных замыслов субъектов правотворчества и правоприменения, их целей и мотивов.

Правовой текст представляет собой необходимую для передачи правовой информации неделимую единицу коммуникации, совокупность смысловых компонентов, связанных между собой совместными целями и задачами. Правовые тексты неоднородны. К так называемым первичным правовым текстам можно отнести источники права: нормативно-правовые акты, правовые обычаи, нормативные договоры, юридические прецеденты. Вторичные правовые тексты создаются, как правило, в процессе реализации права (акты применения права).

Качество правовых текстов во многом зависит от совершенства используемых приемов и средств юридической техники, позволяющей структурировать весь правовой материал, оформлять соответствующим образом определенную часть правовой материи, совершенствовать язык правовых текстов, делать его более понятным, грамотным и точным. Особое значение это приобретает в правотворчестве.

Однако большое разнообразие текстов порождает проблему их интерпретации. Донести до сознания субъектов правоотношений заложенную в правовом тексте информацию в силу причин объективного и субъективного характера в ряде случаев довольно тяжело. Это может быть связано и с проблемами использования юридической терминологии. Происходящая трансформация российской правовой системы повлекла возникновение новых дефиниций, изменения в понятийном аппарате российского законодательства, выдвинув на первый план проблему их единообразного применения.

В реальной жизни дефиниции представляют собой суждения, раскрывающие содержание понятий. Раскрывая главное в предмете, они позволяют выделить данный предмет, отличить его от других, предостерегают от смешения понятий, путаницы в рассуждениях¹. Дефиниции обладают высокой степенью

¹ См. подробнее: *Кириллов В.И., Старченко А.А.* Логика. М., 2001; *Власенко Н.А.* Язык права. Иркутск, 1997; *Керимов Д.А.* Культура и техника законотворчества. М., 1991.

информативности, используются в различных отраслях российского законодательства, позволяют придать ему целостность, органичность, способствуя тем самым совершенствованию праворегулирующего процесса в целом и правовой коммуникации в частности.

В процессе правовой коммуникации возникает проблема восприятия содержащейся в правовом тексте информации соответствующими субъектами. Вследствие крайне низкого уровня правовой культуры индивиды во многих случаях изначально не готовы к восприятию той информации, которую несут в себе правовые тексты. Складывается ситуация, в которой люди, не имеющие юридического образования, даже при желании изучить основы юриспруденции с целью повышения уровня своего правосознания, все равно не в состоянии полноценно уяснить суть многих неоднозначных терминов, содержащихся в текстах правовых актов. Проблемы правовой коммуникации связаны как с несовершенством самих правовых текстов, так и с низким уровнем правовой культуры субъектов.

Так, понятие «правовая система», закрепленное в Конституции РФ, до сих пор остается недостаточно изученным, о его сущности спорят виднейшие ученые-правоведы¹. Все это создает смутность, расплывчатость правовой коммуникации, делает несовершенным правовое воздействие. Только точность в изложении мысли в правовом тексте способствует результативности взаимодействия субъектов в правовой сфере.

Как верно отмечено, мысль законодателя точна, если она соответствует отражаемому эпизоду (фрагменту) внеязыковой действительности (существующим в реальности общественным отношениям), если она представляет собой именно то, что должно быть сказано в данной ситуации для ее адекватного отражения². Юридический текст является точным, если он адекватно отражает мысль законодателя или правоприменителя и верно воспринимается адресатом. Но суть в том, что доступность изложенной мысли не всегда эквивалентна ее точности. Немецкий (правовед Г. Киндерман, подчеркивая важность доступности законодательного текста, тем не менее утверждает, что это зачастую входит в противоречие с точностью закона. Снятие такого противоречия должно быть в пользу точности, а не его понятности³. Думается, что данное противопоставление носит более искусственный характер. Использование в законе точных специальных терминов и понятий вовсе не делает его непонятным, если в самом законе даются определения этим терминам и понятиям (например, ст. 8 Налогового кодекса РФ).

Процесс глобализации связан с известным размыванием правовых границ, созданием, заимствованием и употреблением новых терминов взамен уже существующих. Так, понятия лизинга, концессии, факторинга, агентирования, активно используемые в правовых актах, зачастую понятны лишь специалистам. Эта проблема имеет и обратную сторону, связанную с включением в нормативно-правовые акты общепотребительных слов, имеющих различную смысловую

¹ См., напр.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987; Синуков В.Н. Российская правовая система. Саратов, 1994; Баранов В.М., Поленина С.В. Система права, система законодательства и правовая система. Н. Новгород, 2000; Поляков А.В. Общая теория права. СПб., 2001.

² См.: Ващенко Ю.С. О коммуникативной точности законодательного текста в правотворчестве // Российская юстиция. 2006. № 4. С. 45.

³ См.: Ващенко Ю.С. Указ. соч. С. 45.

нагрузку. Поэтому субъект зачастую ошибочно предполагает, что он правильно понимает данные термины, имеющие по сути совершенно иное значение.

Так как правовая коммуникация осуществляется и на международном уровне, то международно-правовые отношения Российской Федерации с другими государствами обнаруживают ряд проблем, связанных с переводом правовых текстов. Например, в свое время возникла проблема в связи с переводом термина «national» (nationale) в Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного обращения или наказания. В переводе на русский язык этот термин звучит как «национальный». Однако нельзя игнорировать, что Россия — многонациональное государство, и международно-правовые нормы обращены в данном случае не к национальным (в узком смысле слова), а к общенациональным, государственным учреждениям и институтам. Очевидно, что термин «national» применительно к данной Конвенции более правильно было бы перевести как «государственный».

Правовые тексты представляют собой значимые элементы правовой коммуникации, несущие в себе замысел, который не всегда удается четко передать адресату. В ряде случаев при создании правового текста не учитываются требования, предъявляемые к правовым терминам, что затрудняет как право-реализационный процесс, так и процесс правовой коммуникации, сводит на нет все изначально плодотворные замыслы субъекта правотворчества. Необходимо учитывать тот факт, что юридический язык при обозначении широко распространенных явлений в общественной жизни все же отличается от языка, используемого в литературных и художественных произведениях. Для юридического языка характерны простота и надежность грамматических конструкций, которые исключают двусмысленность. Это связано с тем, что норма права представляет собой правило поведения субъектов соответствующих правоотношений, поэтому важно четко сформулировать их взаимные права и обязанности, чтобы избежать возможных противоречий. Юридический язык лишен эмоциональной окраски, ему свойственна высокая степень абстракции. Даже негативные с моральной и правовой точек зрения события описываются в правовых актах в нейтральных выражениях, не оказывая известного эмоционального давления.

Важно стимулировать освещение вопросов в обозначенной сфере в средствах массовой информации для повышения уровня правовой культуры и правосознания основной массы российского населения. Каждый правовой текст должен быть подвергнут тщательной правовой и филологической экспертизам, получить соответствующую оценку учеными-правоведами, практикующими юристами. Правовые тексты должны отличаться ясностью и четкостью, простотой грамматических конструкций, характеризоваться системностью.

Кроме того, чрезвычайно необходимо, чтобы наиболее важные термины, закрепляемые в законодательстве, могли быть качественно интерпретированы участниками правоотношений. Право как регулятор человеческого поведения тем эффективнее выполняет свою роль, чем более верно концептуально и лингвистически выражены его констатации, предписания, дозволения и запреты¹.

---

¹ См.: Колбасов О.С. Терминологические блуждания в экологии // Государство и право. 1999. № 10.

Причиной неэффективности правовой коммуникации, несовершенства правовых текстов является низкий уровень правовой культуры и правосознания субъектов правоотношений, выражающийся в их неумении грамотно построить процесс правовой коммуникации. Кроме того, огромный массив ведомственного правотворчества также порождает трудности в правовой коммуникации. Законодателю необходимо грамотно выражать свои мысли, правильно использовать соответствующие словосочетания.

Внедрение Интернета во все сферы жизнедеятельности российского общества связано с новой «эрой» в развитии правовой коммуникации. «Всемирная паутина» не имеет ни физических, ни административно-территориальных, ни правовых границ, что порождает ряд юридических проблем, законодательное решение которых связано с правильным использованием соответствующей терминологии.

Необходимо определиться и с самим понятием правовой коммуникации, которое активно используется и в нормативно-правовых актах, и в специальной юридической литературе, и в публицистике. Важно разработать единый концептуальный подход к данному явлению правовой жизни российского общества, что будет способствовать совершенствованию правореализационного процесса, механизма правового регулирования. С этой целью должны быть изучены теоретические разработки в рамках социологической, кибернетической, политологической, социобиологической, философской, культурологической и т. п. концепций. Происходящая в мире глобальная трансформация общества связана не только с внедрением коммуникации во все сферы жизнедеятельности, но и с глубоким процессом переосмысления коммуникативной природы социальной реальности. В этой связи важно более детально исследовать правовые тексты как информационные средства правовой коммуникации.

Э.В. Чекмарев,

*доцент Саратовского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского*

Модернизация и глобализация: общее и особенное

Проблемы модернизации и глобализации в современных условиях являются наиболее востребованными в научном мире обществоведов и в то же время наиболее дискуссионными. В этой связи, как нам представляется, есть необходимость проследить их взаимосвязь. Несмотря на расхождения ученых в осмыслении этих, безусловно, объективно обусловленных и противоречивых процессов, можно найти определяющие факторы, лежащие в основе данных понятий.

На первое место следует поставить многомерность названных явлений, — и модернизация, и глобализация охватывают широкий круг проблем правового, экономического, политического, технического, культурологического, демографического, информационного характера.

Во-вторых, поддержка этих процессов или противодействие им упираются в цивилизационные аспекты, что делает их судьбоносными для стран, народов и всего человечества.

В-третьих, и та и другая проблема требуют четкого определения и понимания политиками реформаторами конечных результатов проводимых преобразований.

В-четвертых, и модернизация, и глобализация диктуют формирование демократических основ общества, построение правового государства и гражданского общества.

В-пятых, экономической основой этих феноменов является наличие товарно-денежных отношений и многообразие форм собственности.

В-шестых, имеется наличие развернутых политико-правовых механизмов, делающих возможным создание баланса между различными электоральными группировками, гражданским обществом и правящей элитой общества.

В-седьмых, — это многообразие культур, умение сотрудничать, несмотря на разницу традиций, быта, духовности.

В-восьмых, оба процесса требуют активной деятельности средств массовой информации и телекоммуникаций, политических и иных технологий. Эта принципиально новая структура приобретает особую значимость в современных условиях, ведь многие проблемы, которые приходится решать современным государствам, требуют разработки эффективной правовой политики. При этом важнейшей задачей является создание дополнительных шансов для усиления демократических порядков в глобальном пространстве.

В-девятых, ни модернизационные, ни глобализационные процессы не могут обойтись без внешнего влияния как положительного, так и отрицательного свойства.

В-десятых, оба эти процесса невозможны без такого важнейшего компонента высокой социально-политической значимости, как молодежь. Именно на молодежь рассчитаны и реклама, и явления шоу-бизнеса, и яркая упаковка инкультурных ценностей, и, конечно, перспективы получения качественного образования, возможности карьерного роста.

Таковы лишь основные общие черты модернизации и глобализации в современном мире. Но у каждого из этих феноменов имеются особые черты, которые, подчас, разводят их в диаметрально противоположные стороны. Главная отличительная черта модернизации и глобализации состоит в том, что модернизация более конкретна, предметна, направлена на решение каких-либо внутренних задач, связанных с радикальными преобразованиями. Глобализация же в своей основе предполагает интеграцию, установление связей между государствами, народами, всевозможными ассоциациями, организациями, группами людей. В этом плане глобализация связана, прежде всего, с рассмотрением в 60–80 гг. XX в. проблем глобального характера: технических, экологических, демографических. По мере рассмотрения круга этих проблем (информационная система, финансовые проблемы, СПИД, наркомания, терроризм) возрастает и значимость интеграции стран для преодоления негативных явлений современности. В начале 90-х гг. XX в. складывается научная терминология процесса глобализации: глобализация, глобализм, глобалистика. Появляется новая наука «глобалистика». В конце

XX в. происходит лавинообразный рост публикаций, конференций, симпозиумов по проблемам глобализации¹. Тогда же утверждается мнение о том, что глобализация является достаточно широким общепланетарным явлением. Одновременно глобализация начинает рассматриваться как совместные действия людей с целью решения глобальных, общих для человечества проблем, связанных, прежде всего, с ее культурологической функцией, и приобретает термин «диалог культур»².

В современных условиях особую значимость приобретают инновационные методы управления этими процессами. Осмысление накопленного опыта на рубеже XX–XXI столетий позволяет выделить следующие уровни такого управления.

1. Привлечение широкого круга ученых для выработки научных концепций, оправдывающих политику влияния западно-европейских стран в управлении глобально-модернизационными стратегиями.

2. Создание законодательных основ интеграционных процессов. Среди законов, выходящих за рамки национальных государств и обеспечивающих интеграционные мотивы, следует выделить две группы: экономические и политические. К экономическим относится, прежде всего, законодательство Европейского Союза, которое устанавливает стратегические цели и приоритеты, обеспечивает ориентировочные программы по странам, предоставляет ресурсы для создания экономического роста. Так, для решения задачи сближения стран ЕС по уровню социально-экономического развития на 2007–2013 гг. выделено более 80% из общего бюджета в размере 307,6 млрд евро³. При этом экономические рычаги законов ЕС тесно связаны с политической составляющей, а именно: в постсоциалистических странах это, прежде всего, политика приватизации и реструктуризации. Среди законов политической значимости следует выделить такие, как

- Декларация о критериях свободных и справедливых выборов (Париж. 26 марта. 1994 г.);
- Парижская Хартия для новой Европы (Совещание СБСЕ на высшем уровне 19-20 ноября 1990 г.);
- Декларация Стамбульской встречи на высшем уровне (Стамбул. 19 ноября 1999 г.);
- Хартия Европейской безопасности ОБСЕ (Стамбул. 19 ноября 1999 г.);
- Руководство ОБСЕ по наблюдению за выборами (Варшава. 1997 г.)⁴.

Юридическим основанием организации международного наблюдения за ходом выборов являются добровольно взятые на себя странами обязательства по соблюдению соответствующих положений, зафиксированных в международных документах. В первую очередь это Всеобщая декларация прав человека 1948 г.⁵ Ст. 29 данного документа весьма красноречиво подчеркивает, что осу-

¹ См.: *Ершов Д.Е.* Социальные детерминанты глобализации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород. 2006. С. 4.

² См.: Доклад Архиепископа Львовского и Галицкого Августина на 3-м Международном Соборе православной молодежи на тему: «Православная молодежь в условиях современной глобализации». URL: <http://archiv.orthodoxy.org.ua/page-629>.

³ См.: Регион. 2007. № 3. С. 262.

⁴ См.: Права человека: сб. универсальных и региональных международных документов / сост. Л.Н. Шестаков. М., 2000.

⁵ См. подробнее: Всеобщая декларация прав человека. М., 1998.

шествление прав и свобод человека защищено законом и демократическим обществом. Кроме того, в ней сделано указание, что «осуществление» прав и свобод ни в коем случае не должно противоречить целям и принципам Организации Объединенных Наций. Подчиненность международным актам отчетливо выражена в ныне действующей Конституции РФ, а также в откровенном нажиме на сознание населения по проблеме смертной казни¹.

В свете развития мировой политики особенно рельефно выявились вызовы и угрозы в международных отношениях, связанные, прежде всего, с несовершенством ООН и наличием «двойных стандартов» в мировой политике. В преодолении данного дискурса резко возросла роль России, которая выступила с позиции интересов восстановления международной законности и справедливости. В этой связи в своем Послании Федеральному Собранию Президент РФ Д.А. Медведев заявил о необходимости «создания новой глобальной архитектуры безопасности», об укреплении правовых основ международных отношений, о формировании полицентричной международной системы с тем, чтобы «создавать подлинно демократическую модель отношений, не допуская единоличного доминирования в какой-либо сфере»².

3. Расширение институтов влияния на мировой арене. На современном этапе помимо ООН и ее организаций существенную роль в модернизации и глобализации играют международные фонды и программы. Структурный фонд ЕС включает в себя Европейский фонд регионального развития (ЕФРР), Европейский социальный фонд (ЕСФ), муниципальные фонды развития. Например, «Инфраструктурная Канада» в качестве главной задачи ставит создание инфраструктуры XXI в. на основе использования наилучших технологий, новых подходов и передового опыта. Муниципальный фонд в Латвии осуществляет поддержку децентрализаций. Неоднозначно оценивается опыт АРР (агентства регионального развития). В одних случаях они были эффективными проводниками изменений и развития, в других — стали громоздкими организациями, которые нарушили процесс распределения ресурсов³.

4. Уровень ценностной ориентации в современных условиях модернизации и глобализации приобретает особую значимость, поскольку, с одной стороны, служит компасом в многовекторном политическом пространстве, а с другой — обеспечивает воспитательную функцию, особенно в отношении молодежи. Нынешнее поколение, пишет А. Кустарев, черпает веру в демократию из великого предания, оставшегося в наследство от предыдущей блестящей эпохи «победного шествия демократий». Это великое предание о правовой эмансипации и завоеваниях трудящихся внушается подрастающим поколениям, начиная с букваря. Поэтому о своем предпочтении демократии высказывались 86% европейцев (34 страны, от Португалии до России)⁴. Что касается России, то

¹ См.: *Малько А.В., Соламати А.Ю.* О некоторых чертах модернизационных процессов в современных условиях // Государство и право. 2004. № 3. С. 29–30.

² См.: *Медведев Д.А.* Развивать демократию и уметь ее защитить. Послание Президента Федеральному Собранию // Парламентская газета. 2008. 7–13 нояб. С. 10.

³ См.: *Регион.* 2007. № 3. С. 268.

⁴ См.: *Кустарев А.* Демократия: наше все или только половина // Политическое воображаемое. 2007. № 5. С. 4.

приверженцами демократии, судя по социологическим опросам, являются 50,8% молодежи, заявившей о необходимости демократических институтов и законов, которыми должны подчиняться все¹. Данный пример показывает, что восприятие демократических ценностей зарубежной молодежи базируется на системе, сформированной в обществе.

На сохранение такого важного потенциала, как ценности, особое внимание обратил в своем первом Послании Федеральному Собранию Президент РФ Д.А. Медведев. Поставив на первое место такую ценность, как справедливость, он подчеркнул политическую и правовую составляющие этой важной категории, а именно политическое равноправие, честность судов, ответственность руководителей². Отмечая значимость ценностей в условиях глобализации, Президент РФ отметил, что они относятся к тому богатству нации, ради которого нужно бороться и побеждать, с помощью которого Россия станет процветающей демократической страной. Рассматривая ценности как устои нашего общества, нравственные ориентиры, Д.А. Медведев подчеркнул их значение для интеграции всех слоев общества. Это то, что «делает нас единым народом, Россией. Это то — от чего мы не откажемся ни при каких обстоятельствах»³.

Признание современной наукой множественной глобализации⁴, когда на глобальные орбиты выходят субкультуры, произрастающие в определенных локальностях, ставит перед Россией, обладающей действительно уникальными и привлекательными ценностями, задачу использования глобализации для формирования нового сознания. В этой связи представляется весьма актуальным утверждение министра иностранных дел Российской Федерации Сергея Лаврова о том, что с выходом глобализационных процессов за рамки западной цивилизации конкуренция приобрела всеобщий характер и что «ценностные ориентиры и модели развития тоже стали предметом конкуренции»⁵. Выход из состояния «потерянности в современном космосе» мы предлагаем искать как в российской, так и мировой истории, богатых способами укоренения новых ценностей и нравов.

Длительное время Россия отвечала на вызов Запада. Теперь ей предстоит дать вызов Европе. Внешние условия для этого налицо. Мировая гегемония США ослабевает, ЕС переживает глубокий кризис⁶. К внутренним предпосылкам следует отнести человеческий потенциал и его ядро — молодежь.

Проведенные в 2008 г. дискуссии среди молодежи Саратовской области показали достаточно зрелые суждения молодых людей о достижениях в области модернизации и месте России в мировом сообществе, а также о собственном потенциале в реализации предстоящих задач. Подавляющее большинство участников дискуссий, осмысливая понятия «благополучное общество» и «великая страна», отмечали, что «благополучное общество — это уверенность в

¹ См.: Гаджиев К.И. и др. Политическая культура и политическое сознание. М., 2004. С. 85.

² См.: Медведев Д.А. Указ. соч. С. 6.

³ Там же.

⁴ См.: Покровский Н.Е. Конгресс — ожидания и реалии // Социс. 2007. № 1. С. 20.

⁵ Лавров С.В. Сдерживание России: назад в будущее? // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. № 4. С. 12.

⁶ См.: Крестев И. Россия как «другая Европа» // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. № 4.

завтрашнем дне, воспитанные граждане, отсутствие бедности, духовно развитые люди, взаимопомощь, работа, семья, отсутствие межнациональных конфликтов, патриотизм, образование, духовное развитие, меры согласия, свобода выбора, отсутствие страха, защита прав и свобод граждан, сильные традиции». Большинство участников дискуссии утверждали, что страной сегодня можно гордиться, что Россия движется в правильном направлении, но существует много проблем, препятствующих созданию баланса между сильным государством и благополучным обществом¹. В то же время молодежь отметила декларативность возможностей для самореализации, необходимость помощи государства в реализации молодежных проектов.

¹ Дискуссии были организованы в марте–августе 2008 г. в рамках реализации программы «Либеральные клубы Фонда Фридриха Науманна». В качестве партнеров реализации программы выступили министерство образования Саратовской области и фонд Фридриха Науманна (ФРГ). Всего в дискуссиях приняли участие около 1000 молодых людей 38 муниципальных образований Саратовской области, из них учащихся школ — 45%, студентов — 20%, сотрудников администраций района — 5%, сотрудников бюджетных организаций — 30%.

М.Ю. Мартынов,

*доктор политических наук, профессор,
зав. кафедрой Сургутского государственного
университета*

Е.В. Дорогонько,

ст. научный сотрудник

Сургутского государственного университета

Л.Д. Ганеева,

ассистент кафедры

Сургутского государственного университета

Социальные ресурсы молодежи в системе общественного производства

Необходимость перехода современной России от сырьевывозящей экономики к высокотехнологичному и инновационному производству делает актуальной проблему субъективного компонента — человеческих, социальных ресурсов, соответствующих этим современным требованиям. Между тем можно предположить, что деиндустриализация страны в течение последних полутора десятилетий не могла не привести к определенной деградации этих ресурсов. Их состояние приобретает не меньшую актуальность, чем состояние запасов нефти и газа.

Причем понятие «социальный ресурс» несколько отличается от понятий «человеческий ресурс» или «трудовой ресурс», так как фиксирует не только демографические показатели численности населения, уровень образования или профессиональной подготовки, но и мотивационную сферу: установку на труд

и получение знаний. Похоже, что именно эта сфера становится все более проблемной для современной России.

Оценка социального ресурса молодежи являлась задачей социологического исследования, осуществленного лабораторией социологических исследований Сургутского государственного университета совместно с департаментом по молодежной политике Ханты-Мансийского автономного округа летом 2007 г.¹ Генеральную совокупность составили молодые люди, причем в выборочную совокупность были включены представители молодежи от 14 до 29 лет, проживающие на территории следующих муниципальных образований: Ханты-Мансийского автономного округа (г. Сургут, г. Нижневартовск, г. Ханты-Мансийск, г. Пыть-Ях, г. Мегион, г. Урай) и трех районов — Сургутском, Октябрьском, Березовском. Опрос проводился по квотной выборке с учетом следующих параметров: место жительства, возраст, пол, род занятий. Объем выборки — 1300 респондентов. Количественные методы дополнялись качественными. Были проведены три «фокус-группы», углубленное интервьюирование.

Тема актуальна для автономного округа еще и потому, что средний возраст населения составляет около тридцати лет. И это притом, что за последние несколько лет округ «повзрослел». Если лет пятнадцать назад основной молодежной когортой были школьники, примерно пять лет назад — студенты (и соответственно, акцент в молодежной политике делался на противодействие употреблению наркотиков, охрану прав детей, профориентационную работу и т. д.), то сегодня основная возрастная группа приходится уже на работающую молодежь. Превращение молодежи в основную производительную силу автономного округа актуализирует проблему изучения ее ресурсных возможностей.

Обычно в числе первоочередных проблем работающей молодежи указываются безработица, недостаточно высокий заработок, трудности получения образования. Гипотетически можно предположить, что эти очевидные проблемы могут несколько «закрывать» иные, не столь явные, но не менее серьезные проблемы молодежи в системе производственных отношений. Опрос, проведенный в Ханты-Мансийском автономном округе, население которого отличается относительно хорошим уровнем дохода работающих групп населения, позволяет проверить гипотезу существования латентных, но достаточно острых проблем молодежи, занятой в системе общественного производства. Очевидно, что особое значение в таком исследовании играют качественные методы.

В ходе исследования основные гипотетические предположения подтвердились. В автономном округе действительно достигнута относительно высокая степень удовлетворенности заработной платой молодых работников в основных отраслях экономики. Удовлетворены уровнем своей заработной платы приблизительно три четверти опрошенных. Достаточно высока престижность трудовой, профессиональной деятельности в глазах молодежи. Например, почти

---

¹ См.: Молодежь как социальный ресурс округа: отчет по результатам социологического исследования. Ханты-Мансийск; Сургут, 2007.

две трети респондентов (62%) испытывают чувство гордости и удовлетворения, когда говорят с друзьями о своей работе. Наконец, для значительной части опрошенных (57%) наиболее значимыми сторонами труда являются творческие, направленные на самореализацию: «полное использование своих знаний, квалификации», «возможность профессионального роста».

Но главное, что профессиональная деятельность превратилась в эффективное средство социальной мобильности и достижения жизненного успеха молодежи. В ходе опроса респондентам задавался вопрос о факторах, которые, по их мнению, определяют жизненный успех. Такой вопрос был использован нами в ходе опроса молодежи округа в 1998 г. Тогда молодые люди на первое место поставили такие факторы, как «иметь природные задатки», «иметь знакомства, связи», «иметь высокопоставленных родителей»¹. Тенденция поразительного изменения картины за прошедшее десятилетие налицо. Сегодня опрошенные молодые люди в Ханты-Мансийском автономном округе на первые три места поставили факторы, которые являются краеугольным камнем любой эффективной экономики: «иметь амбиции», «иметь хорошее образование» и «много работать». Конечно, и сегодня сохраняют свое значение такие факторы, как «знакомства», «родственные связи» и т. п., но они значительно потеснены. Если ранее причины жизненных успехов молодежь видела во внешних обстоятельствах, то теперь она больше рассчитывает на себя, на собственный труд.

Не случайно достаточно высока, судя по результатам опроса, численность молодых людей, имеющих профессиональное образование. К тридцати годам подавляющее большинство (94%) имеют профессиональное образование. Причем к этому времени две трети молодых людей в округе получают высшее образование.

Можно отметить относительно невысокий уровень социальной конфликтности в молодежной среде. Судя по ответам на вопрос «В какой мере Вы ощущаете на себе конфликты между молодыми людьми из богатых и бедных семей в молодежной среде современной России?», только каждый пятый респондент остро ощущает этот конфликт как противоречие между «богатыми и бедными». Более того, более половины опрошенных признали социальное неравенство справедливым, «поскольку люди имеют разные способности, разное трудолюбие и поэтому разный доход». Вот характерное рассуждение одного из молодых людей: «Все не могут быть равны, это принцип, который показал свою нежизнеспособность. И хорошо, что не может быть равного. Если все равны, общество неинтересно. Нельзя формировать зависть. Человек должен понимать, что если у кого-то получается лучше, то это его заслуга. Если ты ему завидуешь, приложи усилия, чтобы доказать, что ты не хуже его». В том случае, когда неравенство все-таки признается несправедливым, то это носит четкий адресный характер: несправедливо не вообще неравенство, а неравенство «стартовых» возможностей. Так, оценивая стартовые возможности различных социальных групп молодежи, подавляющее большинство опрошенных

¹ Назин Г.И., Мартынов М.Ю., Дорогоныко Е.В. Муниципальная политика в сфере образования и социальное положение молодежи: социологические аспекты. Сургут, 2001. С. 21.

(65%) отметило, что «стартовые возможности обеспеченных семей намного выше, чем молодежи из бедных семей».

Как известно, в списке социальных проблем молодежи во всем мире особую роль занимает такой «бич», как безработица. Однако, судя по ответам, для наших респондентов эта угроза выглядит не столь актуальной. Почти треть респондентов, опрошенных в округе, заявила, что их вообще не беспокоит опасность лишиться работы.

Причины такой уверенности в трудоустройстве мы обнаруживаем в достаточно высоком уровне профессиональной мобильности. Например, подавляющее большинство из них (68%) в ответах на вопрос «Готовы ли Вы сменить профессию, если возникнет угроза оказаться безработным?» не сомневается, что сумеет это сделать. Причем 46% ответили, что сделают это легко. Не случайно в ходе «фокус-групп» многие респонденты указывали, что получают дополнительное образование «про запас» именно на данный случай. Только каждый четвертый безработный, опрошенный в ходе исследования, указал на такую причину безработицы, как «отсутствие вакантных мест», почти половина (45%) не трудоустраиваются потому, что их не удовлетворяет предлагаемая работа.

Однако ресурсы молодежи в производственной сфере связаны в первую очередь с возможностями инновационной деятельности и ростом производительности труда. Отмеченное удовлетворительное материальное положение и относительная социальная защищенность молодых людей автономного округа создают лишь необходимые предпосылки для реализации этих ресурсных возможностей. Между тем на вопрос «Как изменится Ваш заработок, если Вы будете работать лучше и эффективней?» только каждый шестой респондент ответил, что его заработок при этом может повыситься. Почти половина опрошенных (49%) высказала мнение, что их зарплата, если они будут лучше и больше работать, не изменится. Ценностные ориентации молодежи приходят в противоречие с реалиями жизни.

Судя по итогам «фокус-групп», возникающее у молодых людей ощущение недостаточного стимулирования творческого труда, личной инициативы на производстве во многом связано со сложностями включения в производственный коллектив. Участники «фокус-группы» отмечали недоверие руководства и сотрудников к молодым специалистам, к их уровню знаний, нежелание старших сотрудников обсуждать с молодыми специалистами производственные вопросы «наравне». Вот характерные высказывания участников обсуждения: «Начальство думает, что мы люди молодые, неграмотные, попросту говоря, зеленые, поэтому отношения никакого»; «Молодых специалистов не просто недооценивают, их не воспринимают до тех пор, пока у тебя явно уже не будет седины, усов. Вот тогда тебе перестанут говорить, что ты зеленый, ничего не знаешь и не умеешь. До этих пор отношение начальства, мягко говоря, плохое. Они ни во что тебя не ставят и все твои заслуги причисляют к своим, потому что знают — ты не пикнешь, а если пикнешь, тебя уволят».

Серьезно затрудняет использование производственного ресурса молодежи прием на работу сотрудников, подчас не в соответствии со знанием и квали-

---

фикацией, а «по благу», когда кто-то занимает рабочее место только из-за родственных связей, а не по заслугам, не соответственно образованию. Как высказался один из участников обсуждения: «Это все зависит от того, кто за тебя позвонил и договорился. Если за тебя никто не позвонил, тебя все унижают, а если позвонил — тебе улыбаются. Отсюда вытекает такая порука практически на любом предприятии, в любых отношениях работодателя и работника. У тебя даже спрашивают: «Ты кого-нибудь знаешь?» «Да, я знаю этого». Ага, прикинули, значит, наш человек. Тебя защищают. Все очень просто — родственные связи. На всех предприятиях зачастую есть такая иерархия. Если ты являешься в шестом колене родственником чьим-то, тогда у тебя нормально все. Если ты никто, так и будешь сидеть на одном месте».

Особенное разочарование у молодых работников вызывают нарушения, с их точки зрения, принципов справедливости. Молодежь отмечает, что «родственные связи» (перспективная должность занята кем-то из родственников начальства), неветвящаяся структура отдела (отсутствие штатных должностей, которые можно занимать при повышении), особенные скрытые правила или традиции коллектива затрудняют продвижение молодых сотрудников по карьерной лестнице. В то же время большим уважением среди ровесников пользуется сотрудник, который устроился на работу сам, без помощи родителей или других людей. Даже если молодому специалисту была оказана помощь при продвижении по службе, то этим не принято гордиться и распространяться.

Однако готовность, мотивированность молодых людей к труду — это лишь половина дела. Не менее важным выглядит не только желание, но и их способность решать производственные задачи. Определяющее мнение в оценке этих способностей принадлежит, очевидно, работодателям. В ходе углубленного интервьюирования последние высказали немало претензий к уровню профессиональной подготовки и творческих возможностей молодых сотрудников. Вот мнение одного из руководителей — директора крупного торгового центра — об итогах стажировки молодых специалистов: «Приходят с амбициями, ставлю задачу — отвечают, что этого не учили... Они заявляли себя как организаторы, но даже как исполнители не уложились в нужные мне сроки и не принесли результата, хотя я им платил зарплату. Сегодня нет взаимопонимания, взаимодоверия между руководителем и работником. Работник не понимает своей значимости, ждет только конкретных требований, конкретно поставленных задач. А мне нужны творческие сотрудники, которые бы сами могли ставить эти задачи и знали бы как их решать. И это проблема всего бизнеса. Нужно учить человека быть личностью — развитой, интересной, мыслящей».

Последнее высказывание нашего респондента заслуживает особого внимания. Бытует мнение, что работодатель сегодня требует от системы профессионального образования «готового» специалиста. Результаты нашего опроса свидетельствуют, что руководители бизнеса с пониманием относятся к проблемам, стоящим перед этой системой, и готовы восполнять ее пробелы, организовывая «доучивание» нужных им специалистов, используя разные формы непосредственно на производстве. Частный бизнес, в котором доход предпринимателя

зависит от качества работы персонала, готов тратить время и вкладывать денежные средства на дополнительное обучение и стажировку молодых специалистов, заниматься наставничеством, проведением тренингов, мастер-классов и т. д. Более того, вопреки ожиданиям работодателя отнюдь не считают, что образовательные учреждения должны сосредоточиться на узко специализированной профессиональной подготовке. Наоборот, отмечается значение общих, универсальных знаний. Опасность в другом: в том, что эти общие знания недостаточно глубоки, чтобы стать основой дообучения непосредственно на производстве, а главное, молодые специалисты часто не настроены на непрерывный процесс обучения, психологически не готовы к нему.

Работодатели отмечают в качестве негативного фактора и падение уровня профессионального образования, в том числе высшего. В качестве причины они указывают на излишнюю доступность высшего образования. Вот характерное мнение одного из опрошенных руководителей: «То, что образование все подряд практически высшее, — это расстраивает. Есть такая статистика и понятие «качество обучения» и «качество успеваемости». Хорошо, если в школе 20% тех, которые заканчивают на «4» и «5». Практически, как я понимаю, это люди, способные получить высшее образование. Но тем не менее высшее образование получают 80%. Как может человек, не имеющий высоких результатов на ступени общего и среднего образования, получить хорошее высшее образование?» В излишней легкости получения образования работодатели видят причину снижения уровня и качества профессионального образования, нежелание молодежи интеллектуально развиваться. В результате, приходя на работу, молодой человек демонстрирует недостаточный уровень не только образованности, но и общей культуры и этикета («не умеет здороваться, прилично разговаривать, одеваться»).

Есть еще одно обстоятельство, на которое обычно не обращают внимания при оценке профессиональных качеств молодого специалиста, но которое, как оказалось, для работодателя играет первостепенную роль. В ходе опроса руководители учреждений, организаций, владельцы бизнеса отметили особую значимость нравственных качеств сотрудников. Так, в ходе углубленного интервью владелец крупного торгового центра, имеющего в штате значительное число молодежи, заявил, что после одного пережитого коллективом внутреннего конфликта личную честность специалиста он ставит выше его профессиональной подготовки. «Профессии я могу его научить, а вот порядочности — нет», — буквально заявил интервьюируемый. Похоже, что в системе трудовых отношений мы все чаще будем фиксировать возрастающую востребованность нравственного и культурного капитала личности молодого специалиста в качестве важнейшей составляющей его профессиональной компетентности.

В целом исследование подтвердило гипотезу, что актуализация социальных ресурсов молодежи связана с разрешением ряда латентных проблем. К ним в первую очередь относятся: сложности, связанные с адаптацией молодых специалистов на производстве и их вхождением в производственный коллектив, пробелы профессиональной подготовки, недооценка значения нравственного и культурного капитала в общей компетентности молодого специалиста.

М.Ю. Осипов,
кандидат юридических наук, научный
сотрудник Полицейской академии (г. Тула)

Основные факторы, влияющие на реализацию и применение права

Проблема основных факторов, влияющих на реализацию права, — одна из наиболее важных и актуальных проблем юридической науки. Необходимость ее изучения вызвана тем, что знание факторов, которые могут влиять на реализацию права и правоприменение, может сыграть существенную роль при осуществлении правовой регламентации процессов реализации субъективных прав и обязанностей, а также процесса правоприменения.

Под основными факторами, влияющими на реализацию права, следует понимать такие жизненные обстоятельства, которые будут содействовать или препятствовать процессу претворения норм права в жизнь. Так какие же именно факторы влияют на реализацию права? В юридической науке нет однозначного ответа на данный вопрос. Так, к числу факторов, влияющих на реализацию права, относят: возрастание конфликтности и социальных противоречий в общественной жизни, упразднение ранее существовавших институтов социального контроля, несовершенство правового регулирования, сложности складывания рыночных отношений, особенности правосознания российских граждан и ряд других¹.

Созданию цельной картины факторов, влияющих на реализацию права, существенно способствует их классификация по различным основаниям.

Все рассматриваемые факторы делятся на две большие группы: объективные факторы, которые не зависят от особенностей сознания лица, осуществляющего процесс реализации права и правоприменение, и субъективные факторы, имеющие такую зависимость. К числу субъективных факторов, влияющих на реализацию права, можно отнести осознание субъектом права возможности реализации принадлежащих ему субъективных прав, а также исполнения возложенных на него юридических обязанностей и соблюдения запретов.

Отталкиваясь от сферы действия, все факторы, влияющие на процесс реализации права и правоприменение, можно подразделить на экономические, политические, социальные, внешнеполитические, экологические, юридические и др.

В зависимости от характера влияния факторы, влияющие на реализацию права и правоприменение, дифференцируются на прямые факторы, которые непосредственно влияют на правоприменительную деятельность, и косвенные факторы, которые влияют на правоприменительную деятельность опосредованно, через другие факторы².

¹ О факторах реализации права см.: *Илчева О.А.* Судебная защита конституционного права частной собственности на землю // Российский судья. 2007. № 1. С. 16–19; *Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П.* Современная социология права. М., 1995.

² См.: *Общая теория государства и права / под ред. В.В. Лазарева М., 1996. С. 228.*

Также теоретически и практически значимым является классификация рассматриваемого объекта на позитивные факторы, способствующие реализации права и процессу правоприменения, и негативные факторы, которые этому препятствуют¹.

Рассмотрим более подробно факторы, влияющие на процесс правоприменения.

Согласно стадиям правоприменения существует следующая классификация: а) факторы, влияющие на принятие решения о возбуждении процесса правоприменения; б) факторы, влияющие на ход и результат рассмотрения юридического дела по существу; в) факторы, влияющие на пересмотр вынесенного решения по делу; г) факторы, влияющие на исполнение правоприменительного решения, вынесенного по делу.

К числу факторов, влияющих на принятие решения о возбуждении процесса правоприменения, можно отнести:

— наличие поводов и оснований для возбуждения процесса правоприменения. Так, согласно ст. 146 УПК РФ при наличии повода и основания, предусмотренных ст. 140 УПК РФ, орган дознания, дознаватель или следователь с согласия прокурора, а также прокурор в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, возбуждают уголовное дело, о чем выносится соответствующее постановление;

— осознание лицом, применяющим право, наличия повода и основания для возбуждения процесса правоприменения. Данный фактор является очень важным, поскольку если лицо, применяющее право, не осознает наличия повода и основания для возбуждения процесса правоприменения, а еще хуже, если оно считает, что повод и основание для возбуждения процесса правоприменения имеются, тогда как в действительности они отсутствуют, это приводит к ошибкам в применении норм права;

— осознание субъектом правоприменения наличия либо отсутствия оснований, исключающих процесс правоприменения по данному делу;

— степень установления обстоятельств, имеющих значение для разрешения данного дела;

— осознание субъектом правоприменения степени установления обстоятельств, имеющих значение для разрешения данного дела;

— факторы, влияющие на выбор нормы, подлежащей применению в данном деле;

— осознание субъектом правоприменения смысла и содержания нормы, которая подлежит применению в конкретном деле;

— факторы, влияющие на принятие решения по рассматриваемому делу, в том числе осознание субъектом правоприменения необходимости принять законное, обоснованное и справедливое решение по делу;

— факторы, влияющие на процесс пересмотра вынесенного решения по делу, в том числе: 1) осознание лицами, участвующими в процессе правоприменения, незаконности и необоснованности вынесенного решения по делу;

---

¹ См.: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2004. С. 166–167; Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность действия правовых норм. М., 1980. С. 54.

---

2) фактическая незаконность и необоснованность вынесенного решения по делу; 3) осознание лицами, участвующими в деле, необходимости пересмотра вынесенного решения; 4) обращение лиц, участвующих в деле, в уполномоченный орган с требованием о пересмотре вынесенного решения; 5) осознание органом, уполномоченным принимать решение о пересмотре решения, вынесенного по делу, незаконности и необоснованности вынесенного решения; 6) иные факторы, влияющие на ход и результаты пересмотра решения, вынесенного по делу;

— факторы, влияющие на ход и результаты процесса исполнения правоприменительного решения, вынесенного по делу, в том числе осознание участниками исполнительного производства необходимости исполнять решение суда.

Помимо факторов, влияющих на правоприменение и реализацию права, можно выделить риски, связанные с правоприменением и реализацией права. К сожалению, в отечественной юридической литературе данный вопрос практически не рассматривается. На наш взгляд, под рисками в сфере реализации права следует понимать возможность наступления неблагоприятных последствий, вызванных реализацией права или процессом правоприменения.

В зависимости от сферы, в которой возникают неблагоприятные последствия, можно выделить:

— экономические риски, связанные, например, с большими затратами ресурсов или возможностью наступления неблагоприятных последствий для субъекта права в экономической сфере;

— политические риски, связанные с возможным падением популярности, неизбранием на должность и другими факторами;

— юридические риски, связанные, в частности, с возможным нарушением прав и свобод человека и гражданина, с нарушениями законодательства в ходе правоприменения;

— психологические риски, связанные с обострением психологических конфликтов, утратой дружеских связей и т. д.;

— социальные риски, связанные с обострением социальных противоречий, ростом социальных конфликтов, усилением дифференциации доходов и т.п.;

— культурные риски, связанные с непринятием социальным окружением заявленной позиции в ходе реализации права и правоприменения.

В зависимости от круга субъектов, на которые распространяются последствия рисков в сфере реализации норм права, выделяются:

— индивидуальные риски, связанные с наступлением неблагоприятных последствий исключительно для субъекта права в результате реализации или нереализации им принадлежащих ему субъективных прав, возложенных на него юридических обязанностей и запретов;

— социальные риски, связанные с наступлением неблагоприятных последствий в результате реализации или нереализации субъектом права принадлежащих ему субъективных прав, возложенных юридических обязанностей и запретов не только на него, но и на других лиц. Например, риск неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на субъекта юридических обязанностей

и соблюдения запретов относится к социальному риску. Напротив, чаще всего риск нереализации принадлежащих ему субъективных прав относится к индивидуальному риску.

В сфере реализации права можно выделить личные риски, имущественные риски, организационные риски, репутационные риски и т. д.

Наконец, в зависимости от того, возможно ли застраховать или каким-либо иным образом смягчить риск наступления неблагоприятных последствий в ходе реализации или нереализации права, можно выделить страховые риски — которые можно застраховать (например, риск причинения ущерба или риск невыплаты долга и т. д.), и нестраховые риски — которые застраховать нельзя. Большинство рисков, связанных с процессом правоприменения, относятся к нестраховым рискам.

Рассмотрим теперь риски, связанные с процессом правоприменения. К ним можно отнести:

- риски, связанные с возбуждением правоприменительного процесса, и риски, связанные с отказом в возбуждении правоприменительного процесса;
- риски, связанные с неверным определением фактических обстоятельств дела;
- риски, связанные с неверным выбором нормы, подлежащей применению в конкретном деле;
- риски, связанные с вынесением незаконного или необоснованного решения;
- риски, связанные с пересмотром решения по делу, которое является законным и обоснованным;
- риски, связанные с отказом пересмотреть решение по делу, которое в действительности не является законным и обоснованным;
- риски, связанные с неисполнением законного и обоснованного решения, вынесенного по делу;
- риски, связанные с исполнением незаконного и (или) необоснованного решения, вынесенного по делу.

В зависимости от возможности совмещения рисков можно выделить альтернативные и кумулятивные риски. Альтернативные риски — это риски, которые не могут существовать одновременно, исключают друг друга. Примером альтернативных рисков могут быть риски, связанные с пересмотром решения по делу, которое является законным и обоснованным, риски, связанные с отказом пересмотреть решение по делу, которое в действительности не является законным и обоснованным. К кумулятивным относятся риски, которые могут существовать одновременно друг с другом (например, риски, связанные с вынесением незаконного или необоснованного решения, и риски, связанные с отказом пересмотреть решение по делу, которое в действительности не является законным и обоснованным).

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что существует очень много факторов, которые влияют на реализацию права и правоприменение, и что реализация права, равно и как правоприменение, может носить рисковый характер.

Ю.М. Понихин,

*кандидат юридических наук, профессор,
зав. кафедрой Саратовской
государственной академии права*

О.С. Сурков,

*магистрант Саратовской государственной
академии права*

Империя как историко-правовое явление

Что такое империя? Вопрос, который у большинства обывателей не вызовет никакого затруднения и недоумения. И это естественно, так как обывателю не нужно формулировать абстрактных дефиниций и категорий. В исторической науке все далеко не так просто.

Можно начать хотя бы с вопроса «Кто такой император?» или, более корректно, «Каков его правовой статус?». Ответ «Это абсолютный монарх» не удовлетворителен, так как если предлагать универсальное определение, то выясняется, что политический режим при считающемся первым римском императоре Октавиане Августе нельзя назвать абсолютизмом. Во-первых, юридически нельзя говорить об изменении формы правления в Римском государстве. Отсутствуют такие признаки монархии, как полнота власти главы государства, наследственный принцип передачи власти, структурная оформленность приоритета единоначальных органов¹. Знаменитый немецкий историк Т. Моммзен вообще определил его как диархию². Подобных иллюстраций множество. Например, Вторая империя во Франции по форме правления являлась конституционной монархией³, а режим Первой империи именуется цезаризмом. Не говоря уже о Священной Римской империи германской нации, где на всем протяжении ее существования император только избирался. В Золотой Булле 1356 г. записано: «...курфюрсты по собственному почину, в силу верности долгу, заботясь о святой империи, соберутся в течение трех месяцев во Франкфурте и изберут римского короля, как будущего императора. Вопрос о выборе должен решиться большинством голосов. Вновь избранный должен тотчас утвердить лены, привилегии, права и свободы курфюрстов...»⁴.

¹ См.: Никонова Е.Г. Генезис монархии в Древнем Риме (развитие Римского государства от Суллы до Веспасиана): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 15.

² См.: Там же. С. 10.

³ См.: Галай Ю.Г. Словарь определений историко-правовых понятий по истории государства и права зарубежных стран. Н. Новгород, 2001. С. 68.

⁴ Черниловский З.М. История феодального государства и права. Приложения, документы по истории феодального государства и права. М., 1959. С. 317.

Следовательно, однозначное определение империи как государства, где формой правления является абсолютная монархия, не универсально и не отражает всего многообразия исторической действительности.

Дело осложняется отсутствием единства в определении понятия «империя» между общей историей и историей права. Например, согласно широко используемой в общей истории концепции Ш. Эйзенштадта, изложенной в его работе «Политическая система империй», данный феномен — это прежде всего большое территориально государство, которое воспринимается его подданными как целая Вселенная. Как правило (по Эйзенштадту), такие государства полиэтничны и весьма устойчивы, формируют мощную бюрократическую традицию. Термин «мировое (глобальное) государство» выступает синонимом «империи», так как любое государство, претендующее на гегемонию, даже не в глобальном, а в региональном масштабе, вынуждено превратиться в империю для осуществления своих притязаний¹. Сочетание этнокультурной разнородности в структуре империй и универсализма в политической практике можно отметить как один из важнейших признаков империи.

Из изложенного следует, что в объем теоретического анализа этой концепции могут быть включены такие государства, как США, СССР и КНР, что не может методологически подойти для истории права, которая в основном опирается на формально-юридический подход.

Так как же в рамках историко-правовой науки рассматривать такой феномен, как империя, если даже при характерном для этой науки подходе существуют противоречия при анализе государств, которые считались империями на разных исторических отрезках? Ответ приходит только один — необходимо рассматривать данный феномен в динамике. Подвергнуть анализу историческую преемственность и выделить характерные признаки для ряда конкретных империй, и уже на их основе попытаться определить общие черты, которые «красной нитью проходят» через всю имперско-юридическую историю.

В определении имперского лейтмотива следует опираться в основном на европейские империи, так как сам термин «император» не характерен для стран Азии. В Османской империи монарх носил титул султана², великого хана — в монгольской империи³, микадо — в Японии⁴. Применение термина «император» при исследовании государственной истории этих стран является понятийной европоморфичностью, и не более. Император римский Август и китайский «Сын неба» даже в правовом (не говоря уже о других) аспекте далеко не одно и то же.

Поэтому в рамках данной статьи представляется обоснованным выделять общие признаки империи, наблюдать историческую преемственность и эволюцию, характерные в первую очередь для европейской истории, и использовать примеры из азиатской истории лишь как вспомогательные, но необходимые для выявления универсальных критериев имперского государства.

¹ См.: Eisenstadt S.N. The Political of Empires. N.Y., 1963.

² См.: Всемирная история: развитие государств восточной европы. Минск; Харвест; М., 2001. С. 326.

³ См.: Всемирная история: крестоносцы и монголы. Минск, 1998. С. 367.

⁴ См.: Шишов А.В. Голгофа Российской империи. М., 2005. С. 90.

Из изложенного становится очевидным, что сам термин «империя» имеет европейское, а точнее, средиземноморское происхождение. Этимологически слово «империя» непосредственно происходит от латинского существительного *imperium*, обозначающего полную власть высших римских магистратур, которая вручалась им по законам, принятым народными собраниями — куриатными комициями¹. Но такой вполне республиканский институт вскоре станет нарицательным наименованием для целого ряда государств, которых должно связывать нечто общее.

Империями государства становились по целому ряду причин: социальных, культурных, политических, экономических, религиозных и т.д. Сочетание этих причин составляет специфику рождения каждой конкретной империи. Аспектом, присущим каждому государству подобного устройства, является военная мощь, оказывающая влияние на все процессы, происходящие в данной структуре, от зарождения до разрушения, и, как следствие, особое положение и роль армии в социальной и политической иерархии. Становление самой первой империи началось с увеличения значения войска (перестающего быть полисно-республиканским по своей сущности) как главного орудия власти². Будущий принцепс Октавиан начал борьбу с Марком Антонием с того, что обещал помочь сенату (так как на том этапе у этого оплота республики не было в распоряжении своих легионов) набрать в армию воинов-цезарианцев³. А в итоге римская магистратура окончательно потеряла военный империум и все магистраты стали заниматься исключительно гражданскими делами⁴. Стоявшие в провинциях легионы выводились из-под сенатского контроля, поскольку сами провинции не были подконтрольны сенату. Последний даже формально не имел возможности влиять на эти войска⁵. Немалая часть доходов от эксплуатации императорских провинций (самых плодородных в империи) шла на оплату войска. В дальнейшем для укрепления своей власти принцепсы в первые десятилетия существования империи вывели из-под сенатского контроля все регулярные войсковые части⁶. Постепенно сенат был отстранен от дел военного ведомства, в результате чего снизилось его значение в государственном механизме в целом. Но военная акцентуализация не ограничивается римским принципатом. Она была унаследована доминатом после существовавшей в режиме перманентной децентрализации Священной Римской империи германской нации. Таким образом, роль военного фактора в образовании и существовании империй переоценить трудно.

Следующим признаком, раскрывающим феномен империи в сфере государственно-правового строительства, является специфическая организация

¹ См.: История государства и права: словарь-справочник / под ред. М.И. Сизикова. М., 1997. С. 114.

² См.: Никонова Е.Г. Указ. соч. С. 13.

³ См.: Всемирная история: римский период. Минск, 1998. С. 8.

⁴ См.: Шаколько Е.И. Политический режим и форма правления Рима (вторая половина I в. до н.э. — I в.н.э.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1988. С. 11.

⁵ См.: Евсеенко Т.П. Армия в древнеримской политической системе эпохи становления принципата: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1988. С. 14.

⁶ См.: Там же. С. 16.

механизма имперского государства. Каждая империя имеет так называемый «административный стержень», т. е. жесткую иерархическую систему госорганов (и соответственно госслужащих) с преобладанием в ней вертикальных связей над горизонтальными. Причем эта система эффективно функционирует как полноценный элемент, образующий структуру империи при любой экономической системе. Неважно какой рабовладельческой, феодальной или капиталистической. Как показывает Джованни Арриги в одном из последних своих исследований, капитализм очень гармонично способен уживаться с имперской моделью построения государства¹. И как следствие, в империях устанавливаются авторитарно-бюрократические политические системы аграрного или индустриального типов². Как некоторое исключение можно рассматривать лишь Священную Римскую империю германской нации. Наглядным примером взаимодействия первых двух признаков может служить тот факт, что в Риме войско со временем превратилось в резерв бюрократического аппарата, а методы работы, выработанные в легионных штабах, постепенно получили распространение в государственном механизме в целом³. В начале становления режима на самые ключевые посты в восстанавливаемой им «республике»⁴ первый римский принцепс всегда старался назначать своих приближенных. Это начинание привело к зарождению имперской бюрократии, которая не замедлила подмять под себя старые добрые республиканские учреждения⁵.

Еще одним и, пожалуй, главным признаком, если смотреть формально-юридически, является правовое оформление данного исторического явления. Без этого признака, или хотя бы тенденции к его осуществлению, историко-правовая наука не может оперировать понятием «империя». Поэтому данная наука и не рассматривает в качестве империи СССР. Но и правовое оформление не носит статичного, абсолютного характера, легитимирующего понятие «империя». Империя, как феномен, переживает становление не только в политико-экономическом, но и правовом аспекте. Для многих ранних империй, проходящих период становления, характерна некоторая юридическая недооформленность статуса монарха и прочих имперских атрибутов. Например, становление принципата в Риме первоначально сопровождалось лишь фактической передачей власти преемнику главы государства, но не юридической. Также не была изменена в правовом отношении и форма правления. И лишь закон о власти Веспасиана может рассматриваться как необходимое начало приведения норм государственного права в соответствие со сложившейся ситуацией⁶. Рассуждая далее, можно заметить, что между коронацией Оттона I и окончательным правовым оформлением механизма передачи власти, записанном в Золотой Булле, прошло почти четыреста лет. А в империях, более близких к современности, право-

¹ См.: Арриги Д. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006. С. 218–280.

² См.: Эндрейн Ч. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. М., 2000. С. 43.

³ См.: Евсеенко Т.П. Указ. соч. Стр. 18.

⁴ См.: Гиро П. Быт и нравы древних римлян. Смоленск, 2002. С. 355.

⁵ См.: Всемирная история: римский период. Минск, 1998. С. 38.

⁶ См.: Никонова Е.Г. Указ. соч. С. 15.

вое оформление следует сразу за провозглашением империи или непосредственно предваряет ее, как это произошло в Германии 1871 г.¹

Что касается признака территориальности, то он носит несколько относительный характер. Так, если осуществить сравнительно-исторический «смотр» имперских территорий, можно увидеть, что площади Российской, Османской, Британской, Германской и, скажем, Японской империй весьма различны. Но вывод, который напрашивается сам собой, заключается в том, что каждая империя, независимо от региона своего возникновения, стремится к расширению пределов своих владений. Поэтому на всем протяжении истории можно наблюдать имперские и межимперские конфликты.

Такой признак империи, как этническая разнородность, также не является абсолютным. Это становится очевидным при более пристальном взгляде на Германскую империю. Невозможно отрицать, что большинство империй полиэтничны по своей структуре. Ярчайшим примером тому является анализ состава элиты Российской империи (не говоря о других слоях населения). Этнические категории имели весьма ограниченное значение для российской элиты и правящих кругов дореформенного периода. Дворянство в России объединяло знатное происхождение, служение государю и образ жизни, а не русский язык, русская культура и православная вера².

Таким образом, представляется обоснованным рассматривать феномен империи как динамическую структуру, представляющую совокупность следующих элементов: императора (с «плавающим» правовым статусом), «административного стержня» (совокупно с авторитарно-бюрократической политической системой, военной мощью) и правового оформления, являющегося центральным скрепляющим элементом. Отношения между элементами не являются строго иерархическими, а, скорее, если говорить образно, напоминают бензольное кольцо в химии. Центром «кольца» выступает соответственно юридический критерий. Структурный подход позволяет изучать данный феномен по сегментам и отношениям между ними, что поможет избежать при изучении самобытных сообществ излишнего догматизма и схематизма. А центрированность вокруг права позволяет включать в анализ разнородные элементы без ущерба для правовой науки.

Говорить о месте Российской империи в длинном перечне схожих исторических явлений лучше всего в контексте европейской имперской традиции. Она берет свое начало в Риме, а заканчивается в Санкт-Петербурге, Берлине и Вене. Если принять за центральный критерий преемственности и идентификации связь с историческим Римом, то все империи условно можно подразделить на «легальные» и «самопровозглашенные». Плеяда «легальных» империй берет свое начало в глубине веков в «вечном городе» и через период «варварских императоров» обрывается на Священной Римской империи германской нации. Последний оплот имперской римской традиции

---

¹ См.: Прокопьев В.П. Армия и государство в истории Германии X–XX вв.: историко-правовой очерк. Л., 1982. С. 91.

² См.: Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 94–120.

рухнул, высвободив молодые национальные имперские силы. И дело тут вовсе не в поражении, понесенном под Аустерлицем. Подобное утверждение равносильно выводу о том, что причина падения здания, у которого все опоры сгрызли термиты, в сильном северном ветре. Развал Священной Римской империи начался гораздо раньше, когда орел Гогенцоллернов выклевал глаз Габсбургскому в борьбе за Баварское наследство. Наполеон, приняв титул императора французов, выступил катализатором распада, побудив принять Франца II титул императора Австрии, и окончательно развязал руки прусскому королю, который по Шенбруннскому договору прирастил к своим владениям громадную территорию — Ганновер¹. Сепаратные интересы взяли верх, и 1 августа 1806 г. рейхстаг в Регенсбурге объявил об окончании существования Священной Римской империи германской нации. Данное положение было выгодно почти всем, кроме России. Так был торжественно похоронен уставший римский дух.

Предваряя эту глубокую, полную страстей трагедию, Россия выступила своеобразным прецедентом, став предвестником новой имперской традиции. Победив в Северной войне, Россия вышла на европейскую политическую арену в новом геополитическом статусе. Естественно, перед отечественной элитой встал вопрос о названии, которое могло в полной мере отразить равенство российского монарха европейским. Титул царя не подходил в силу традиционной связи со старой сословно-монархической Русью. Новый титул должен был быть диалектичен для только что созданного Петром I Российского государства, оказавшегося в непростой ситуации. С одной стороны, он должен отражать равенство Петра ведущим монархам Европы, а с другой — максимально выразить не так давно установившийся в нашей стране режим абсолютизма.

Таким образом, в истории России построение и провозглашение империи как новой формы государственного устройства играет особую роль. Если говорить о внутреннем социальном аспекте, то петровские новшества закрепили создание в России абсолютной монархии, пришедшей на смену сословно-представительной. То есть императорским титулом была подчеркнута полная самостоятельность государя во всех внутренних делах. Отныне все государственные структуры становились лишь помощниками, советниками и исполнителями, но не равноправными партнерами. А во-вторых, что не менее важно, признание европейскими государствами новой формы правления, пусть и неохотно, с зубовным скрежетом, означало согласие на равноправное участие России в европейской и мировой политике. Это все очень и очень важно, но как сказал однажды знаменитый поэт и мыслитель Данте: «Империя есть цель сама по себе. Все бытие выводится согласно некой цели — иерархии целей. Так вот, монархия стоит на втором месте от вершины пирамиды»².

¹ См.: *Прокопьев В.П.* История германской государственности X–XVIII вв.: учеб. пособие. Калининград, 1984. С. 83.

² *Данте А.* Монархия. М., 1999. С. 24–25.

М.С. Клепиков,
*аспирант Сургутского государственного
университета*

К уточнению смыслового содержания понятий «русский», «российский» и «россиянин»

При исследовании наличия националистической риторики в программах политических партий и высказываниях их лидеров неизбежно возникает проблема уточнения смысловой нагрузки употребления авторами слов «русский», «российский», «россиянин». Отсутствие четкой интерпретации данных терминов не позволяет получить верные результаты при изучении политических текстов, так как существуют разные, в том числе и прямо противоположные представления об идентичности.

Определимся сначала с терминами «националистический», «националист», «национализм». Трактовка их значения варьируется у разных авторов, но с некоторыми оговорками большинство специалистов сходится в том, что основную доктрину национализма можно свести к следующим положениям:

— существует такая общность, как нация, с присущими ей особыми качествами;

— интересы и ценности этой нации обладают приоритетом перед другими интересами и ценностями;

— нация должна быть как можно более независимой; для этого нужен, по крайней мере, некоторый политический суверенитет¹.

Таким образом, национализм — это политическое движение, стремящееся к завоеванию или удержанию политической власти и оправдывающее эти действия с помощью доктрины национализма. Определение намеренно абстрактно: оно ничего не говорит о характере нации или формах ее политической самостоятельности. Оно избегает оценки, так что с этим определением может согласиться как сторонник доктрины национализма, так и его противник².

Рассмотрим первое положение этого определения подробнее. Словами-маркерами в текстах политических партий, обозначающими представление авторов об идентичности, служат «русский», «российский», «россиянин». Сказать, что данные слова отражают разные формы идентичности, будет недостаточно, так как даже одно и то же слово (допустим, «русский») может быть употреблено в значении другого (например, «россиянин»). Следовательно, сначала необходимо рассмотреть значения данных слов.

Дж. Хоскинг описывает эти слова следующим образом. Слово «русский» употребляется со словом «народ», происходит от «Русь» — слова, традиционно

---

¹ См.: *Миллер А.* Национализм и формирование наций. Теории-модели-концепции. М., 1994; *Тишков В.* О нации и национализме // Свободная мысль. 1996. № 3; *Дробизева Л., Аклаев А., Коротеева В., Солдатова Г.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.

² См.: *Коротеева В.В.* Существуют ли общепризнанные истины о национализме? Pro et Contra, 1997 // <http://www.nationalism.org/library/science/nationalism/koroteeva/koroteeva-p&c-1997.htm>.

применяемого для обозначений Киевского и Московского (на его ранней стадии) государств: связано с народом, языком и доимперскими княжествами. Слово «российский» сочетается со словом «империя»; производно от «Россия» — латинизированной формы, которая впервые, вероятно, возникла в Польше. В Московии слово «Россия» появилось в XVI в. и вошло в привычный оборот в XVII в. — именно в то время, когда основывалась и расширялась империя; оно связано с территорией, многонациональной империей, великой европейской державой. Можно сделать вывод о том, что термин «русский» имеет этническую основу, в то время как термин «российский» — гражданскую. Данный факт подтверждается тем, что к человеку это слово употребляется, как правило, в связке со словом «гражданин».

Употребление рассматриваемых слов не всегда отличалось строгой последовательностью, но любой русский человек признает, что эти два слова различны по тональности и ассоциациям. «Русь» — смиренная, простая, святая и, определенно, женского рода: часто говорят «матушка Русь». «Россия» — величественная, космополитичная, светская и, с позволения грамматики, мужского рода¹.

В конце XX в. появляется еще один новый термин, который ознаменовал перелом в развитии страны — «россияне». Он означает собирательное, «компромиссное» название жителей России вне зависимости от их этнической принадлежности. Переводу на большинство иностранных языков, отличному от перевода слова «русские», не поддается².

Для дальнейшего изучения упомянутых терминов применим три концепции видения проблемы идентичности: «Я — русский», «Я — российский (советский) (здесь, как правило, гражданин, но может быть и бухгалтер, рабочий и прочее)», «Я — россиянин».

Согласно первой концепции имеет место самоопределение по горизонтальным (чаще этническим) связям, которые не предполагают чьего-либо превосходства или подчиненности. Данная концепция ближе всего к примордиальному подходу в изучении национализма; авторы, ее использующие, опираются на этнический национализм.

Согласно второй концепции существует вертикальная связь по отношению к государству при употреблении связки «Я — российский гражданин» или, например, к должности «Я — российский бухгалтер / руководитель». Здесь стоит уточнить, что концепция «Я — советский» имеет аналогичные характеристики и отличается лишь названием государства. Данная концепция ближе всего к конструктивистскому подходу в изучении национализма, а также показывает, что авторы в политических текстах опираются на гражданский национализм. Возможно применение и совмещенной формы концепции «Я — российский» с горизонтальной самоидентификацией: в таком случае получаем следующий вариант:

¹ См.: Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. Смоленск, 2000. С. 4–5.

² См. напр.: «Россиянин (устар., высок.) — русский» (Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981); «Россияне — 1) то же, что русские (устар., обычно высок.), 2) общее название населения России» (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1987); «Россияне — жители, граждане России» (Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000).

«Я — российский русский», или «Я — советский русский». В этом случае авторы будут опираться на гражданский и этнический национализм.

Далее следует рассмотреть относительно новый социальный конструкт «Я — россиянин». Он интересен тем, что согласно ему самоидентификация имеет размытые границы и единственным достаточным признаком, используемым в качестве объединяющего, является общность территории проживания. Данная концепция также ближе всего к конструктивистскому подходу в изучении национализма, но показывает, что авторы, употребляющие ее в своих выступлениях, опираются на некий «мнимый» национализм, который правильнее было бы назвать патриотизмом¹.

Приведем примеры, почерпнутые из работ российских ученых, наглядно демонстрирующие различие взглядов на идентичность согласно приведенным концепциям.

Известный советский ученый Л.Н. Гумилев, анализируя опыт истории, пришел к выводу, что в проблеме нации на первое место необходимо ставить вопрос об этносе. В ходе развития этноса на каком-то этапе возникают нации. Этруски, гунны, маньчжуры, ацтеки и многие другие этносы заняли в теории Гумилева свое место. Причем этнос, по его мнению, — не нация, не конфессия, не класс и не государство. Это та общность, которая на уровне самоощущения определяет противопоставление «наши — не наши». С другой стороны, этнос есть неотъемлемая часть породившего его ландшафта, и то, что называется «менталитет», формируется средой обитания этноса; таким образом, есть этносы равнинные, есть городские, есть островные².

Как видно, Л.Н. Гумилев скорее придерживается концепции «Я — русский», но с оговоркой, что этнос определяется такими категориями, как «противопоставление “наши — не наши”», «ландшафт», «менталитет».

Академик Ю.В. Бромлей полагал, что есть базовая категория и архетип: этнос как «этносоциальный организм». Высшим типом этноса признавалась «нация», но как этносоциальный организм. Ученый считал, что человек представляет собой единство двух начал — социального и биологического, поскольку подчиняется не только законам общественного развития, но и биологическим законам, однако утверждал, что определяющим является все же социальное начало³. Ю.В. Бромлей, находившийся в оппозиции Л.Н. Гумилеву, однако также трактовал этнос через этническое самосознание и сознательное противопоставление другим общностям. Несмотря на то, что этносы возникают не по воле людей, а в результате исторического процесса, в их становлении «особую роль играет взаимное различие, антитеза “мы — они”»⁴.

Можно сделать вывод, что Ю.В. Бромлей ближе всех подошел к концепции идентичности с примордиальной точки зрения, но при этом занял некую среднюю позицию между примордиальным и конструктивистским подходами, которая ближе к промежуточной концепции «Я — российский русский».

---

¹ См. напр.: «Патриотизм — любовь к Отечеству» (Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона // <http://www.vehi.net/brokgaus/index.html>).

² См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 2007. С. 208.

³ См.: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 41.

⁴ См.: Там же. С. 42.

В.А. Тишков формулирует понимание народа как группы людей, члены которой разделяют общее название и элементы культуры, имеют общее происхождение и историческую память, обладают чувством солидарности. Все эти признаки — «результат особых усилий, особенно процесса нациостроительства»¹. Принципиально меняющим прежние концептуальные построения стало предложение В.А.Тишкова пересмотреть понятие нации в пользу гражданского, а не этнического содержания. Аргументируется этот подход тем, что вся международная практика и доктринальный язык современных государств, кроме советского, постсоветских и постюгославских, пользуется термином «нация» в значении политической и гражданской общности. Так, термин «нация» в международной организации ООН использован в значении «государственная общность».

Здесь можно увидеть строгую направленность автора на концепцию «Я — российский» или даже «Я — россиянин», что говорит о повороте российской науки к прозападному способу познания национальной идентичности через призму конструктивизма.

Исследование различных концепций национальной идентичности, изложенных российскими учеными в своих работах, поможет в дальнейшем при анализе современных политических текстов понять, каких подходов к рассматриваемой проблеме придерживаются их авторы.

¹ Тишков В.А. Политическая антропология. М., 2000. С. 15–16.

Б.Б. Сулейманов,

*кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой Северо-Кавказского
(г. Махачкала) филиала
Российской правовой академии
Министерства юстиции РФ*

Правовые основы судопроизводства и судоустройства Дагестана второй половины XIX в.

Судебная реформа 1864 г. являлась наиболее последовательной и, на наш взгляд, необходимой. Однако многие ее положения, в том числе и базовые, не были введены во всех частях империи либо сопровождалась специальными правилами, существенно изменявшими смысл и назначение самой реформы. Судопроизводство и судоустройство в тот период регламентировались множеством правовых актов, отличавшихся как по значению, так и по юридической силе.

4 февраля 1875 г. Высочайше утвержденным мнением Государственного совета, опубликованным 14 марта 1875 г., «О введении в Дагестанской области судебных уставов 20 ноября 1864 г.» в тогдашнем Дагестане были введены

указанные судебные уставы. Из текста правового акта следует, что в Дагестанской области судебные уставы основывались на иных актах, действовавших в других частях Кавказа («Высочайшее Утверждение 22 ноября 1866 г. (№ 43880) Положения о применении их к Закавказскому краю», «Положение о нотариальной части», с последующими изменениями и дополнениями)¹. Эти изменения и дополнения применялись с соблюдением следующих правил:

- 1) Дагестанская область причисляется в судебном отношении к округу Тифлисской судебной палаты и подчиняется ведению Бакинского окружного суда;
- 2) мировые отделы открываются в г. Дербенте, Петровске и Темир-хан-Шуре;
- 3) гражданские и уголовные дела, «принадлежащие горскому населению, подлежат ведомству судебных установлений, образованных по уставам 20 ноября 1864 г., только в двух случаях:

- а) когда в иске участвует в качестве истца или ответчика лицо другого сословия;

- б) когда лица горского населения обвиняются в преступных действиях против лиц других сословий.

Во всех остальных случаях означенные дела ведаются народными и военными судами на существующем основании.

Данное положение устанавливает иные правила определения подсудности судов в Дагестанской области. Проект штата мировых судебных установлений, в соответствии с этим правовым актом, должен был утвердить император. Пункт III предусматривал упразднение существовавшего в области областного суда, полицейских учреждений, а равно дальнейшее направление их дел, а также производство и применение правил Высочайше утвержденного 10 марта 1869 г. (№ 46840) мнения Государственного совета о порядке окончания дел в прежних судебных установлениях. Часть V этого правового акта устанавливала расходы на содержание мировых судебных установлений в Дагестанской области в размере 23600 рублей в год, которые должны входить с 1 января 1875 г. в расходную смету гражданского управления Кавказского края.

Базовым правовым актом, на основе которого предусматривалось ведение и исправление судебных установлений царскими властями, являлось положение «О применении судебных уставов» 20 ноября 1864 г. к Закавказскому краю (№ 43880)². Этот акт установил множество исключений и специальных правил, существенно менявших дух и букву судебных уставов 1864 г. Законодатель использовал преимущественно бланкетный и ссылочный способы изложения правовых норм.

Проанализируем некоторые существенные моменты этого правового акта путем их сопоставления с общеимперскими положениями.

1. В соответствии с § 3 указанного правового акта каждый судебный округ разделялся на особые мировые отделы, в которых полагалось по одному мировому судье. По нашему мнению, это нарушение общепризнанного правила, применявшегося в центральных районах России³.

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825–1881) (далее – 2ПСЗ). СПб., 1877. Т. LII. № 54551. С. 112.

² См.: Там же. Т. X LI. № 43880. С. 266.

³ См.: Учреждение судебных установлений // Судебная реформа / под ред. Б.В. Виленского М., 1991. С. 33, 34.

2. § 5 указывает, что обязанности судебных следователей возлагаются на мировых судей и их помощников. В соответствии со ст. 1 «Учреждения судебных установлений» (УСУ) судебная власть осуществляется мировыми судами, съездами мировых судей, окружными судами и т. д.; судебные следователи и их помощники не являются судьями. Здесь нарушается правило, согласно которому судьи осуществляют только судопроизводство. Оно имело отрицательные последствия: судьи, не имевшие высшего юридического образования, не могли качественно производить предварительное следствие «важных преступлений»; постоянные разъезды, необходимые для проведения следственных действий, только мешали своевременному и правильному рассмотрению дел; следователь при проведении предварительного следствия находился под надзором прокурора, что нарушало принцип независимости судьи, и др.¹

3. Согласно § 7 правомочия мировых судей могут быть возложены на их помощников по старшинству или по назначению председателя окружного суда. В случае болезни, отсутствия или устранения помощника мирового судьи, судебного пристава или других состоящих при мировом суде чиновников, а равно в случае необходимости правильного распределения занятий, соответственно степени их важности и накопления у того или другого чиновника, мировой судья делает соответствующее распоряжение по непосредственному своему усмотрению. Далее указывается, что во всех этих случаях председатель окружного суда может командировать на место одного из кандидатов на должность по судебному ведомству. Ст. 43 «Учреждения судебных установлений» указывает, что обязанности мировых судей осуществляются исключительно судьями, причем перечень установлен исчерпывающий. В нашем случае обязанности мировых судей могут быть возложены на любого чиновника, что, по сути, нарушает принцип осуществления судопроизводства только лишь судьями.

4. В соответствии со ст. 64 УСУ непосредственный надзор за мировыми судьями принадлежит мировому съезду их округа. Высший надзор за всеми мировыми судьями, так же как и за их съездами, сосредоточивался в кассационных департаментах Сената и в лице министра юстиции. Из этого положения видно, что мировые судьи Дагестанской области, да и в целом Кавказского края, зависели от окружных судов. Фактически смысл и назначение мировой юстиции менялся.

5. § 13 предусматривает, что все должностные лица судебного ведомства в Закавказском крае, в том числе мировые судьи и их помощники, определяются правительством, применяясь к порядку, указанному в ст. 213, 214, 218, 221–225 УСУ (№ 41475). Прочитав указанные статьи, можно заметить, что в них отсутствует словосочетание «определяется правительством». В них говорится, что некоторые представляются министром юстиции (который, как известно, являлся и генеральным прокурором) императору (ст. 215). Термин «правительство» можно трактовать по-разному, но как орган оно, безусловно, относится к исполнительной власти.

6. § 14 предусматривает порядок назначения высших должностных лиц судебной власти края и области: «Председатель и члены палаты, председатель,

¹ См.: *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. 1. С. 446, 447.

товарищи председателя и члены окружных судов, прокурор и товарищи прокурора судебной палаты, а равно прокуроры окружных судов, утверждаются Высочайшей властью, по представлению Наместника Кавказского. Товарищи прокуроров окружных судов, мировые судьи и их помощники утверждаются самим Наместником». В соответствии с ст. 212 УСУ председатели, товарищи председатели и члены окружных судов, в том числе и судебные следователи, а также председатели департаментов и члены судебной палаты назначаются высочайшей властью по представлению министра юстиции. Ст. 222 содержит продолжение: «Товарищи прокуроров окружных судов определяются по представлению прокурора судебной палаты Министром юстиции».

Фактически полномочия министра юстиции осуществляются наместником. Но, как известно, министр юстиции являлся и генеральным прокурором.

7. § 15 закрепляет полномочия наместника Кавказского на предоставление права «допускать как необходимые изъятия из правил, установленных ст. 202–207, 210–211 УСУ, так и в прочих случаях, изъятие из ст. 243, но в сем последнем случае не иначе, как доводя об этом каждый раз до Высочайшего повеления с подробным объяснением причин». Перечисленные статьи УСУ фактически предъявляют требования к лицам, замещающим должности в сфере судебной власти. Можно заключить, что наместник мог назначить на судебскую должность любое лицо. Более того, обходя положение ст. 243 УСУ, наместник мог уволить любое должностное лицо судебных мест. Независимость судебной власти в целом была очень шаткая.

8. § 20. «Полицейские и административные власти, сообщив мировому судье, в круге их действия, о проступках, которые подлежат преследованию без жалобы частных лиц, не обязаны ни лично являться к разбирательству возбужденных ими дел, ни присылать вместо себя поверенных, если сами не признают того необходимым, или если не последует о том особого со стороны мирового судьи требования». Ст. 42–53 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС) показывают, что приведенное правило не запрещено: о нем ничего однозначно не сказано. В отношении Закавказья и Дагестанской области установлено новое правило.

9. § 21. «Если, по существу подлежащего решению мирового судьи дела, необходимо собрать какие-либо сведения или сделать осмотр, освидетельствование и обыск, то мировой судья возлагает это преимущественно на одного из своих помощников или других состоящих при нем чиновников». Ст. 52 УУС указывает, что «по усмотренным лично мировым судьей преступным действиям он может, если признает нужным, поручить полиции произвести предварительное разыскание». Конечно же, ничего не говорится о помощниках: их в центральных районах России не было.

10. § 22. «Приговор мирового судьи считается окончательным, когда им определяется внушение, замечание или выговор, арест не свыше 3 дней, денежные взыскания, коих высшая мера, вместе вознаграждение за вред или убытки, не превышает 100 рублей». Ст. 124 УУС гласит: «Приговор мирового судьи считается окончательным, когда им определяется: внушение, замечание или выговор, денежное взыскание не свыше 15 рублей с одного лица или арест не свыше 3 дней, и когда вознаграждение за вред или убытки не превы-

шает 30 рублей». Между этими положениями существует определенная разница. В дагестанском (закавказском) варианте отсутствуют слова «с одного лица». Видимо, в российском варианте это момент законодательной техники; также имеются различия в суммах: не свыше 30 рублей (в российском акте) и 100 рублей (в кавказском варианте); в Положении для Закавказья отсутствует денежное взыскание 15 рублей: указана максимальная сумма.

11. § 23. «На неокончательные приговоры мирового судьи обе стороны могут приносить отзывы окружному суду. Сему же суду подаются частные жалобы на медленность, на принятие отзыва и на взятие обвиняемого под стражу». Данное правило, закрепленное для Закавказья в одном правовом акте, для центральных районов приведено в нескольких: общие положения отражены в ст. 51 Учреждения судебных установлений, которая определяла порядок рассмотрения окончательных приговоров в кассационном порядке, о неокончательных же ничего не говорится. Ст. 145, 146 Устава уголовного судопроизводства указывали, что неокончательные приговоры обжалуются косвенно, можно сказать, через самого мирового судью. Ст. 154 УУС закрепляла порядок, по которому жалобы на «медленность мирового судьи и на отказ в принятии отзыва подаются мировому съезду, а жалоба на взятие под стражу предъявляется самому мировому судье, который обязан представить ее в съезде вместе со своим объяснением в течение суток от времени получения».

Можно заключить, что кассационной инстанцией для мирового суда являлся мировой съезд. Некоторые жалобы на действия мирового судьи подавались ему же. В закавказских судах жалобы подавались только в окружной суд, что предполагает зависимость мировой юстиции от последнего, являвшегося звеном общих судебных мест.

12. § 26. «Жалобы на окончательные приговоры мировых судей, а также на окончательные приговоры окружных судов, состоявшиеся по отзывам на мировых судей, приносятся судебной палате и рассматриваются ею по правилам, изложенным в 175–180 статьях УУС». Однако указанные статьи приводят в действие иные органы рассмотрения жалоб (например, приговоры съезда мировых судей рассматривает Правительствующий сенат (ст. 178)). Это, наверное, приводило к определенным сложностям.

13. В § 31 говорится о том, что предварительное следствие по сим делам производится по распоряжению и под непосредственным наблюдением и руководством местного самоуправления, руководством местного мирового судьи, от ближайшего усмотрения коего зависит поручить ли оное одному из своих помощников или принять на себя. Все сие не лишает, однако же, прокурора и его товарища тех прав по наблюдению за производством следствия, которые предоставлены им по Уставу уголовного судопроизводства.

Первая часть приведенного положения показывает, что эта деятельность осуществляется вовсе не мировым судьями: он поручает ее другим лицам. Тогда возникает закономерный вопрос о квалификации тех лиц, которые проводят предварительное следствие. Однако, как видно из этого параграфа, прокурор и товарищи прокурора остаются при тех же полномочиях, которые указаны в Уставе уголовного судопроизводства.

В ст. 249 УУС отмечено, что «предварительное следствие о преступлениях и проступках, подсудных окружным судам, производится судебными следователями при содействии полиции и при наблюдении прокуроров и их товарищей». В разделе II (о предварительном следствии) есть отделение третье («существо обязанностей и степень власти прокуроров и их товарищей»)¹. Ст. 278 указывает на общее направление деятельности прокурора: прокурор дает только предложение судебным следователям и наблюдает постоянно за производством полномочий. По всем предложениям судебный следователь «исполняет законные требования прокурора или его товарища с отметкой в протоколах» (ст. 281 Устава). Ст. 283 прямо ограничивает следователя при проведении некоторых следственных действий: «при взятии обвиняемого под стражу судебный следователь об основаниях такого распоряжения немедленно уведомляет ближайшее лицо прокурорского надзора, которое может требовать, чтобы следователь ограничился мерой менее строгой, если обвиняемый не навлекает на себя достаточного подозрения в преступлении, влекущем за собой лишение всех прав состояния или потери всех особенных прав и преимуществ». Споры между следователем и прокурором о задержании обвиняемого по смыслу ст. 285 Устава разрешаются окружным судом. Прокурор и его товарищ вправе требовать дополнения следствия (ст. 286).

Приведенные полномочия прокурора в общем-то приемлемы. Но если следствием занимаются должностные лица суда, то ситуация несколько меняется: работники суда попадают в зависимость от прокуратуры.

Правовые базы судоустройства и судопроизводства постепенно менялась. Это было связано со многими обстоятельствами, самые существенные были связаны с преобразованиями управления Кавказским краем. Высочайше утвержденное Положение управления Кавказского края 26 апреля 1883 г. (№ 1522)² существенно повлияло на некоторые моменты судопроизводства и судоустройства.

1. В управление, помимо всего прочего, входили и судебные установления (п. 5.2).

2. Главнокомандующий имел право «требовать от правительственных мест и должностных лиц в крае имеющиеся у них сведения, а равно подлинные дела, за исключением всех вообще контрольных и тех судебных дел, которые не окончены производством»³. Видимо, такие данные были нужны для статистической отчетности.

3. Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе предоставлялись полномочия в случае имеющихся у местной власти достоверных сведений об участии лиц в означенных преступных действиях (сопротивлении правительственным властям, убийствах, разбоях, грабежах, скотокрадстве и пристанодержательстве), которые оказываются вредными для общественного порядка и безопасности, удалять их в избранную для сего местность в пределах Кавказского края, с воспрещением всякой отлучки в течение определенного

¹ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Судебная реформа. М., 1989. Т. 6. С. 147, 148.

² См.: ЗПСЗ РИ. СПб., 1886. Т. III. № 1522. С. 186–205.

³ Там же. С. 189.

срока, не свыше пяти лет, а также высылать из края на такой же срок на жительство в места, которые будут назначены для сего министром Внутренних дел. «Та или и другая мера приводятся в исполнение не иначе, как по предварительном рассмотрении каждого вызывающего применение оной случай в Совете Главногоначальствующего» (п. 26)¹.

В соответствии со ст. 142 «до введения в сих местностях земских учреждений мировые судьи, участковые и почетные назначаются Министром Юстиции по соглашению с Главкомандующим из числа лиц, удовлетворяющих требованиям пункта 2 статьи 1656 Общего Губернского Учреждения, причем Почетные Мировые Судьи назначаются на три года»². Данное положение изменяет существовавший до этого порядок. Согласно § 14 высочайше утвержденного мнения Государственного совета, опубликованного 14 марта 1875 г. «О введении в Дагестанской области судебных уставов 20 ноября 1864 г. (№ 43880)», мировые судьи и их помощники утверждаются Наместником Кавказским³. Можно предположить, что с изменением статуса высшего должностного лица Кавказского края изменяются и его полномочия в сфере судебной власти. В соответствии с новым правовым актом (ст. 145, примечание) перевод из одних мировых отделов в другие принадлежащих к составу каждого их них чинов разрешается по представлениям окружных судов, министра юстиции, по соглашению с главным начальствующим⁴. Ст. 150 устанавливает различные органы надзора за деятельностью мировых судей в Кавказском крае: «...в губернии Ставропольской, в областях Терской и Кубанской и в округе Черноморском Мировым съездом, а в остальных местностях Кавказского края окружными судами»⁵.

Сравнивая § 14 Высочайше утвержденного мнения Государственного совета № 43880 с п. 157 Высочайше утвержденного Положения управления Кавказского края (№ 1522), можно заключить, что власть высшего должностного лица Кавказского края в отношении судебных учреждений существенно ослабла. В соответствии с § 14 Высочайше утвержденного мнения Государственного совета (№ 43880) 1866 г. председатель и члены палаты, председатель, товарищи председателя и члены окружных судов, прокурор и товарищи прокурора судебной палаты, прокуроры окружных судов утверждаются высочайшей властью, по представлению наместника кавказского, а товарищи прокуроров окружных судов, мировые судьи и их помощники — самим наместником. Согласно п. 157 Высочайше утвержденного Положения (№ 1522) 1883 г. «Председатель и члены палаты, председатель, товарищи председателя и члены окружных судов, прокурор и товарищи прокурора судебной палаты, а равно прокуроры окружных судов и судебные следователи назначаются в Закавказских губерниях и областях Высочайшей властью, по представлению Министра Юстиции. Товарищи прокуроров окружного суда, Мировые судьи и их помощники, а также кандидаты на судебные должности с содержанием определяются в означенных местностях Министром Юстиции, который входит,

¹ ЗПСЗ РИ. Т. III. № 1522. С. 191, 192.

² Там же. С. 202.

³ См.: 2ПСЗ РИ. СПб., 1877. Т. LII. С. 112.

⁴ См.: ЗПСЗ РИ. Т. III. № 1522. С. 203.

⁵ Там же.

относительно лиц, предназначенных на должности Мировых судей и их помощников, в предварительном сношении с главноначальствующим».

Во-первых, можно заметить усиление верховной власти в отношении судебных учреждений: если по нормативному акту 1866 г. самодержец всего лишь утверждал высших должностных лиц судебной палаты, окружного суда и прокуратуры, то по акту 1883 г. он их назначает, т. е. определяет на должность самостоятельно, без участия других лиц.

Во-вторых, главноначальствующий, т. е. высшее должностное лицо на Кавказе, фактически не имеет никаких законных средств влияния на назначение указанных должностных лиц судебной власти. Впрочем, это представляется правильным: местная власть, и прежде всего исполнительная, не должна иметь возможность прямого воздействия на суд.

В-третьих, заметно усилилось влияние министра юстиции: он фактически наделен полномочиями, прежде принадлежавшими наместнику.

В-четвертых, не совсем понятна форма участия главноначальствующего в назначении товарища прокурора окружного суда, мирового судьи, их помощников, а также кандидатов на судебные должности «с содержанием»: они назначаются министром юстиции, который вступает «в предварительные сношения» с главноначальствующим. Что означает термин «предварительные сношения» не разъясняется. Между тем такое положение сохранилось и после восстановления наместничества на Кавказе. 26 февраля 1905 г. именным высочайшим указом правительствующего Сената была восстановлена должность наместника Кавказского «во всей полноте его власти»¹. Однако такая власть никак не влияла на судопроизводство и судопроизводство региона. В перечне полномочий, которыми наделялся наместник, ничего не говорится о сфере судебной власти.

Правовой акт 1883 г. содержит некоторые дополнения в области судебной власти. Сравнив положения § 14 акта № 43880 и п. 159 № 1522, можно заметить, что при помощнике мировых судей также присутствуют судебные приставы². Видимо, помощники показали свою значимость и потому были усилены.

В некоторой степени новеллой является и то, что в соответствии с п. 165 акта 1883 г. министру юстиции «впредь до издания, в законодательном порядке общего наказа судебным местам предоставляется преподавать им в Закавказье надлежащие инструкции, на основании Судебных уставов, положения о применении их к Закавказью и Временных Правил о внутреннем распорядке в судебных установлениях»³. Фактически министр юстиции наделялся правом издания нормативно-правовых актов, конкретизирующих положение судебных уставов применительно к Закавказью. Между тем «общий наказ к судебным местам» так и не был издан. Многие остались таким же. Например, в соответствии со ст. 446 (примечание 2) распределение общего числа помощников мировых судей между округами окружных судов разрешается по представлениям Тифлисской судебной палаты министром юстиции, по предварительному сношению с наместником на Кавказе⁴. Базовые положения актов 1866 и

¹ ЗПСЗ. СПб., 1908. Т. XXV. С. 149.

² См.: Там же. С. 204.

³ Там же.

⁴ См.: Свод законов Российской империи. Пт., 1914. Ч. 1. Т. XVI. С.127.

1883 г. сохранили свою юридическую силу. Так, ст. 447 Свода законов полностью совпадает с § 14 акта № 43880 и п.157 № 1522¹⁷. Это показывает, что ничего кардинально не изменилось. Ст. 448 Свода законов дает право министру юстиции «допускать необходимые изъятия из правил, установленных в статьях 202–207, 210 и 211 УСУ»². Такое право по акту 1866 г. было представлено наместнику (§ 14 № 43880)³. Исключалась ст. 243 УСУ, которая определяла порядок перевода из одной местности в другую, «временное устранение» и «совершенное удаление или отрешение от должностей» лиц судебных мест. По новым правилам такие полномочия принадлежали только органам судебной власти: они подвергались к указанным действиям только «не иначе как по приговору уголовного суда»⁴.

Итак, на основе проанализированных правовых актов, можно заключить, что правовая база судопроизводства и судоустройства Дагестана рассматриваемого периода существенно отличалась от правовой базы центра и других регионов Российской империи. Многие аспекты организации и деятельности судебных и иных правоохранительных органов регламентировались специальными правилами. В период функционирования института наместничества зависимость суда от органов исполнительной власти была существенной.

¹ См.: Свод законов Российской империи. Ч. 1. Т. XVI. С.127.

² Там же. С. 128.

³ См.: 2ПСЗ РИ. Т. LII. № 54551. С. 267.

⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. С. 58.

В.Ф. Левин,

*кандидат юридических наук, доцент,
декан юридического факультета*

Мордовского государственного университета

И.А. Чуканов,

*доктор исторических наук, профессор, зав.
кафедрой Ульяновского государственного
университета*

Т.В. Федина,

*ассистент кафедры Ульяновского
государственного педагогического
университета им И.Н. Ульянова*

**Развитие института уголовной ответственности
за принадлежность к тоталитарным и изуверным
религиозным учениям в России на рубеже XIX–XX вв.**

В настоящее время в Российской Федерации мы наблюдаем моду на различные вероучения, порой весьма экзотические. В целом, ничего плохого в этом нет, так как Конституция Российской Федерации гарантирует каждому гражданину страны право на свободу совести. Однако, начиная с 1990-х гг.,

---

Россия буквально стала пристанищем религиозных сект антиобщественной направленности, многие из которых, наподобие «Аум Сенрике», запрещены на родине, в Японии, а также в других странах.

Следует отметить, что в России эти и подобные организации, вовлекающие в свои сети доверчивых граждан, чувствуют себя в полной безопасности, а власть и закон порой проявляют в их отношении полное бессилие. В связи с этим опыт по борьбе с антиобщественными религиозными сектами, накопленный в Российской империи в дореволюционный период, для нас может быть полезен.

В Российском государстве все религиозные учения, исходя из политических соображений, по согласованию с руководством Русской Православной Церкви, классифицировались по трем типам: приемлемые для общества религии; нежелательные вероучения и изуверные культы.

В государстве признавались нежелательные вероучения, и их паства не подвергалась никаким преследованиям за участие в них. Преступлением считалась принадлежность к изуверным учениям.

В 1895 г. было принято решение Уголовного кассационного департамента Сената, разъясняющее понятие «изуверное вероучение». Ответственность за принадлежность к изуверному учению наступала не за само вероисповедание известного религиозного учения, не за защиту догматов, отличных, например, от православного вероучения, из-за действий сектантов, несовместимых с охраняемыми государством важнейшими интересами частных лиц или основными требованиями общественной нравственности¹.

Российские правоведы считали, что сам факт принадлежности к изуверным учениям не посягает на интересы господствующей религии, так как в изуверную ересь мог обратиться человек, вообще не исповедующий никакой религии². Наказуема и прирожденная принадлежность к изуверному учению. Государство смотрело на принадлежность к изуверному учению как на посягательство на жизнь и телесную неприкосновенность граждан и на нравственное состояние общества.

Российское государство в лице его правоохранительных органов наказывало лицо, совершившее оскпление либо подвергнутое ему с его согласия, а также предпринявшее попытку самосожжения, не потому, что эти деяния нарушали какие-либо правоохранные интересы, а потому, что собственная жизнь граждан, равно как и их собственная телесная неприкосновенность, не представлялась годным объектом для посягательств.

Эти деяния наказывались потому, что совершившие их люди легко переходили, как свидетельствовала судебная практика тех лет, к аналогичным посягательствам на жизнь других граждан. Было неоднократно установлено, что движущий ими религиозный мотив в данном случае являлся залогом того, что переход к резко антисоциальным проступкам, к посягательствам на важнейшие блага других действительно рано или поздно состоится.

¹ См.: Решение Уголовного кассационного департамента Сената. 1895. № 34.

² См.: Пусторослев П.П. Конспект лекций по особенной части уголовного права. Юрьев, 1902. С. 99–100.

То есть российские правоведы, составляющие законы, регламентирующие преследование лиц, участвующих в изуверных учениях, считали, что принадлежность к изуверным религиозным верованиям предрешала их дальнейшую антисоциальную направленность, имела следствием опаснейшее для государства, а также физического и нравственного здоровья его граждан социальное состояние.

Поэтому и наказание за участие в изуверных учениях выносилось особое: ссылка в удаленные и охраняемые местности. Это делалось в целях удаления лиц, уличенных в принадлежности к изуверным ересям, от остального общества, в местности, где бы они не могли вредить другим гражданам¹.

Основной деликт принадлежности к изуверным учениям предусмотрен в ч. 1 ст. 96 Уголовного уложения. К нему примыкали оскотление принадлежащего к скопческой ереси (ст. 85) и самооскотление по заблуждению фанатизма (ч. 2 ст. 96). Субъектом данного преступления могло быть всякое вменяемое лицо. При обсуждении отдельных случаев останавливались на вопросе вменяемости, так как всегда определялись известные психические и физические ненормальности у лиц, исповедующих подобные учения².

Сущностью преступного деяния — принадлежности к изуверным учениям — был доказанный факт принадлежности именно к подобному учению.

К числу изуверных учений причисляли такие верования, которые были соединены с совершением следующих действий:

1) изуверное посягательство на свою жизнь (например, самосожжение) либо другие насильственные действия (человеческие жертвоприношения; убийство блудно прижитых младенцев; нанесение тяжких телесных повреждений, помимо оскотления);

2) оскотление себя и других;

3) совершение явно безнравственных действий (свальный грех на радениях, половой разврат, непризнание брака, причащение кровью умерщвленных младенцев и т.п.).

Изуверность сект доказывалась в судах в ходе судебного разбирательства безнравственных действий их членов.

К уголовной ответственности по данным крайне сложным делам привлекали только в тех случаях, когда точно было установлено, что последователи вероучения, к которому принадлежали обвиняемые, действительно учинили указанные в характеристике состава данного преступления действия либо их совершали в период проведения установленных в данной религиозной организации (секте) обрядов³.

В то же время для привлечения к уголовной ответственности по ст. 96 Уголовного уложения было недостаточно, чтобы одно из указанных действий

¹ См.: *Якобий В.А.* Об уголовной наказуемости принадлежности к изуверным сектам // Журнал Министерства Юстиции. 1912. № 5. С. 123–124.

² См.: *Жижилко В.В.* Ответственность за совершение религиозных преступлений. СПб., 1889. С. 136–137; Решение Уголовного кассационного департамента Сената. 1895. № 34.

³ См.: Объяснение Редакционной комиссии Уголовного кассационного департамента Сената 12 мая 1893 г. С. 143.

было случайным придатком принадлежности кого-либо к секте, например учинение одним из сектантов убийства из фанатических побуждений¹.

В законе четко прописывалось, что члены вероучений, признанных изуверными, преследовались законом за саму принадлежность к данному вероучению. Такая принадлежность могла определяться наличием следующих признаков:

1) доказанное в ходе рассмотрения обстоятельств дела публичное исповедование данного лжеучения;

2) участие в богомольных действиях секты;

3) участие в организационных органах секты;

4) участие в установленных обрядах, ритуалах².

Ответственности подлежали все члены изуверного вероучения, даже в случае простого их участия в действиях, подпадающих под деятельность изуверного вероучения, которая трактовалась как нетерпимая для государства³. Отсутствие необходимости условия физического оскпления было видно из ст. 85, в которой прямо говорилось об ответственности за оскпление лица, принадлежащего к скопческой ереси, что и было подтверждено Уголовным кассационным департаментом Сената⁴.

Некоторые правоведы, критикуя жестокость законодательных норм, направленных против изуверных вероучений, в частности В.А. Якобий, предлагали отказаться от практики привлечения к ответственности рядовых членов изуверных вероучений, а осуждать за эти преступления только организаторов религиозно-преступных сообществ. Он свою позицию обосновывал следующими аргументами.

1. Ст. 96 Уголовного уложения, по его мнению, представляла собой почти точное повторение ст. 203 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, которая исторически сложилась из постановлений, предусматривающих ответственность лишь за активную принадлежность к изуверным вероучениям.

2. Во время действия ст. 96 Уголовного уложения состоялось решение Уголовного кассационного департамента Сената 1895 г. № 34 по делу Лихоманова, в ходе которого ст. 203 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных был придан именно тот самый смысл, который впоследствии стал общеизвестным.

Якобия активно поддержал другой профессор-правовед — Вульферт, который посчитал, что ст. 96 была сознательно расширена по сравнению с прежними, исторически сложившимися правовыми нормами. Он вместе с Якобием указал на то, что государство необоснованно расширило уголовную ответственность за участие в изуверных вероучениях, возложив ее и на рядовых членов, что не было присуще прежнему законодательству, которое карало исключительно организаторов⁵. Однако, учитывая общественную опасность рода преступлений, возражения данных профессоров не были приняты во внимание.

¹ См.: Пусторослев П.П. Указ. соч. С. 95.

² См.: Там же. С. 98.

³ См.: Решение Уголовного кассационного департамента Сената. 1873. № 232.

⁴ См.: Якобий В.А. Указ. соч. С. 110–122.

⁵ См.: Решение Уголовного кассационного департамента Сената. 1873. № 595.

Стадия покушения по самой природе данного деяния была невозможной.

Виновные в принадлежности к изуверному учению наказывались ссылкой на поселение в особо предназначенные местности.

Особым составом религиозного преступления считалось самооскопление и оскопление лица, принадлежащего к скопческой ереси. Ответственность за него была установлена более строгая.

Виновным в совершении данного преступления могло быть признано только лицо, принадлежащее к скопческой ереси. Потерпевшим от преступления признавался либо сам виновный, либо другое лицо, принадлежащее к скопческой ереси. Деяние виновного должно было состоять в оскоплении, т. е. повреждении тела с целью лишить его способности к половому совокуплению и к воспроизведению потомства. Однако не требовалось, чтобы цель данного деяния была полностью достигнута¹, достаточным являлось повреждение половых органов². Наказуемым считалось и новое физическое оскопление, довершающее незаконченную ранее преступную процедуру³.

Оскопление другого лица членом скопческого вероучения, поскольку оно, как правило, совершалось посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы, а равно хотя и без насилия, но при отсутствии согласия потерпевшего, подходило под общие установления о причинении тяжкого телесного повреждения, поэтому в данных случаях имел место другой состав преступления, который влек за собой применение более суровой ответственности в отношении виновного.

Если же деяние было учинено с согласия потерпевшего, оно было не наказуемо, так как причинение тяжкого телесного повреждения с согласия пострадавшего по Уголовному уложению не влекло никакой ответственности.

Однако были обстоятельства, когда лицо, совершившее подобное преступление, привлекалось к ответственности:

1) когда телесное повреждение было нанесено с целью уклонения от военной службы, что влекло за собой ответственность по ст. 188–189 Уголовного уложения и наказывалось заключением в тюрьме;

2) когда следствием нанесенного телесного повреждения явилось такое серьезное расстройство здоровья, которое либо стало постоянным, либо повлекло за собой нарушение деятельности части тела или важного внутреннего органа, что наказывалось заключением в исправительном доме.

Для того чтобы оскопление было признано религиозным преступлением, в деле обязательно должен быть найден умысел. В случае самооскопления закон признавал такую формулу, как нанесение тяжкого телесного повреждения по заблуждению фанатизма. Поэтому было наказуемо не всякое самооскопление, а только совершенное членом скопческого еретического вероучения и представлявшее собой доказательство принадлежности обвиняемого к скопческой ереси. Покушение на оскопление, если оно имело следствием повреждение половых органов, даже незначительное, также было наказуемым⁴.

¹ См.: Решение Уголовного кассационного департамента Сената. 1873. № 595.

² См.: Там же. 1872. № 159; 1878. № 926.

³ См.: Там же. 1871. № 1818; 1873. № 391.

⁴ См.: УКДС. 1872. № 1673; 1879. № 29.

Виновный в самооскоплении подлежал тому же наказанию, что и виновный в принадлежности к изуверному учению, а виновный в оскоплении принадлежащего к скопческой ереси лица — тем же наказаниям и на тех же основаниях, что и оскопивший гражданина, не принадлежащего к данной ереси.

Оскопление не считалось длящимся преступлением, поэтому привлечение виновного к уголовной ответственности было возможным лишь в течение общего давностного срока со дня совершения операции, т.е. в течение 5 лет (ст. 193).

Ересь и раскол в качестве религиозных преступлений занимали важное место в Уголовном уложении, где им был посвящен отдел 2 гл. 2. Объектом преступления данного отдела являлись охраняемое законом единство и строгий централизм Русской Православной Церкви. Причем закон не придавал значения определению и разграничению форм подрыва этого единства, хотя данный отдел назывался «О ересеях и расколах». Открывающая отдел ст. 206 устанавливала ответственность за распространение ересей и расколов, а также за создание новых сект. Объективная сторона данного деяния выражалась в создании и распространении раскола.

Последнее выражение вызывало в теории и практике уголовного права XIX в. различное толкование. Крупный специалист в уголовном праве А. Лохвицкий полагал, что этим понятием охватывается «несколько совращений одновременных или разновременных». В пользу своей точки зрения он выдвигал следующие аргументы: во-первых, применительно к единичным фактам закон использует выражения «отвлечение» (ст. 190) и «совращение» (ст. 195); во-вторых, ст. 207 говорит о «распространении» и «совращении». Другое толкование понятия «распространение раскола» было дано кассационной практикой. В решении по делам Гончарова и Селютиной Сенат пришел к выводу, что применительно к ст. 206 и 207 только распространение предполагает обращение потерпевшего в ересь, а под совращением следует понимать лишь попытку такого обращения, которая наказуема лишь в отношении особо вредных сект по ст. 207¹. Таким образом, вопреки позиции А. Лохвицкого, даже единичный факт обращения православного в ересь или раскол под воздействием виновного Сенат признавал распространением раскола. В комментариях к соответствующим статьям Уложения С.М. Казанцев отмечал, что неоднозначное толкование было вызвано использованием трех различных терминов (отвлечение, совращение, распространение), которые обозначали практически одно и то же деяние, но совершенное разными субъектами. По всей видимости, замечал С.М. Казанцев, это объясняется желанием законодателя подчеркнуть различную степень опасности деяния в зависимости от вероисповедания субъекта преступления².

Действительно, субъектом преступления, предусмотренного ст. 206, могли являться только лица, принадлежащие к ереси и расколу, а потерпевшими от их преступных действий могли быть только православные. В этом отношении закон, с одной стороны, весьма строг к раскольникам, так как лица иностранных вероисповеданий за практически аналогичное деяние подвергались

¹ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 337.

² См.: Мельников Ю.И. Раскольники и сектанты в России // Исторический вестник. 1885. Кн. VII. С. 42.

тюремному заключению сроком на 1 год (ст. 229), но, с другой — он и мягче. Лишение всех прав и ссылка на поселение не являлись вечным наказанием, поскольку присоединение к православию давало возможность вновь обрести свободу и полноту прав состояния. Лишь вторичное отпадение в раскол влекло за собой прежнее наказание, но уже безвозвратно (ст. 213).

Ответственность за распространение ересей впервые была закреплена в Своде законов. В 1842 г. Святейший Синод разделил все отпавшие от православия ереси на три группы.

К особо вредным были отнесены иудействующие, хлысты, духоборцы, иконоборцы, молокане, скопцы и беспоповцы, отвергавшие молитвы за царствующий дом и таинство брака. К вредным — все остальные беспоповцы. Третью группу — менее вредных сект — составляли поповцы-раскольники¹. Распределение вновь возникающих сект на более или менее вредные предоставлялось министру внутренних дел. До судебной реформы 1864 г. перечень сект и мотивы распределения составляли служебную тайну.

Установление ответственности за распространение раскола повлекло за собой ужесточение уголовной ответственности для представителей особо вредных сект (ст. 207). Объективная сторона деяния, предусмотренного этой статьей, состояла в распространении и соращении (ч. 1 ст. 207). Следует отметить, что последователи особо вредных сект признавались распространителями раскола за публичную пропаганду своего учения среди православных (ч. 2 ст. 207). Отягчающим обстоятельством при распространении раскола закон признавал насилие (ст. 210). При наличии этого квалифицирующего признака, вместо лишения всех прав и ссылке в Закавказский край (ч. 1 ст. 207), виновные принуждались к каторжным работам на срок от 12 до 15 лет (ст. 210).

Для представителей особо вредных сект закон предусматривал запрещение приписываться к городскому сословию (ст. 208). Запрещение перехода сектантов в городское сословие должно было способствовать сокращению экономической базы сектантства, опиравшегося в основном на купеческие, а позже на промышленные капиталы². В 1847 г. императором было запрещено «по частным горным заводам определять раскольников в должности с правом начальства или власти соединенные». Контроль был возложен на местные власти и православное духовенство, которое было готово для этого.

Так, еще в 1835 г. миссионер Дьяконов в «Начертании правил для приходских священников и приходах коих есть раскольники», дополненных епископом Екатеринбургским Евлапием, требовал: «В частных заводах, где управляющие или приказчики и другие должностные лица заражены недугом раскола, приходские священники должны наблюдать, не употребляют ли они противозаконных мер к поддержанию раскола, например: ... через определение в заводские должности преимущественно раскольников под предлогом большей способности таковых к должностям или больших заслуг. Для разведывания ... обстоятельств священник под рукою может с успехом употреблять иногда кого-либо из своих прихожан, человека искусного, благоразумного, скромного и

¹ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т.6. С. 338.

² См.: УКДС. 1873. № 527; 1874. № 656; 1875. № 284.

при том испытанной верности». За нарушение данного положения ст. 208 предусматривала ссылку в Закавказские области или отдачу в военную службу в Кавказский корпус¹.

Ст. 209 устанавливала ответственность за воспитание детей в «жидовской вере или иной ереси». Субъектом данного преступления могли быть только родители или воспитатели, которые были обязаны воспитывать детей в христианской вере. Это означало, что родители имели право на воспитание своих детей в своей вере только тогда, когда дети рождены после перехода родителей в ересь. Виновные в нарушении этого постановления подлежали такому же наказанию, которое применялось к совратителям. Сами малолетние, совершавшие обряды по ереси, отсылались: способные к военной службе — в батальоны и полубатальоны военных кантонистов, а неспособные — на казенные фабрики.

Из числа особо вредных ересей закон выделял скопчество. Ст. 211 устанавливала ответственность «за оскпление других по заблуждению фанатизма, хотя и без употребления насилия» (ч. 1 ст. 211). Объективная сторона деяния состояла в кастрации, как доказательстве принадлежности к скопческой ереси. Кастрация другого лица, совершенная по иным мотивам, например из ненависти, мести, для сохранения высокого голоса певца, уклонения от воинской повинности, попадала под действие ст. 1948, как причинение тяжкого увечья. С объективной стороны преступление считалось законченным даже в том случае, когда операция оскпления не была завершена или прошла неудачно.

Субъектом преступления могло быть только лицо, принадлежащее к скопческой ереси. В соответствии с постановлением от 18 апреля 1847 г. оскпленный освобождался от ответственности, если в ходе следствия чистосердечно раскаивался и указывал инициаторов и исполнителей оскпления². Ответственность за самооскпление устанавливалась в ч. 2 ст. 211. Субъектом преступления могло быть лицо христианского исповедания. Такое толкование дал Сенат по делу Ю. Абрамова: «В скопческой ереси явно преобладает противообщественный элемент, а элемент религиозный представляет совершенное извращение не только православной, но и христианской веры вообще»³.

Как и в ч. 1 ст. 211, объективная сторона деяния характеризовалась оскплением с религиозными целями. На этом основании самооскпление по иным мотивам не могло наказываться по данной статье. Впрочем, как отмечал А. Лохвицкий, до вступления в силу Устава уголовного судопроизводства 1864 г. такое различие не имело значения, так как в отношении скопцов действовали особые процессуальные нормы. Они не позволяли принимать от оскпленных никаких объяснений по поводу их оскпления⁴.

Виновные в оскплении других без употребления насилия приговаривались к ссылке на каторжную работу на срок от 4 до 6 лет. При насильственном оскплении ответственность наступала по ст. 210. За самооскпление виновный подвергался ссылке на поселение в Закавказский край или в Сибирь. В 1850 г. специальным указом от 10 июня ответственность за самооскпление была усилена. Виновные в

¹ См.: Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1864. С. 376.

² См.: УКДС. 1869. № 877.

³ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. С. 318.

⁴ См.: Собрание постановлений по части раскола. С. 431–432.

этом преступлении и в принадлежности к скопческой ереси подлежали лишению прав состояния и ссылке (от 8 до 12 лет) в крепостные каторжные работы на Аландские острова. В тех случаях, когда оскопление было проведено насильно, виновные наказывались бессрочной каторгой¹.

Ст. 212 предусматривала наказание за сам факт принадлежности к изуверским сектам, религиозные обряды которых были связаны с посягательством на свою или чужую жизнь, противоправными «гнусными действиями». Помещение этой статьи в раздел религиозных преступлений являлось данью традиции. В решении Уголовного кассационного департамента Сената отмечалось, что принадлежность к этим сектам наказуема не потому, что она противоречит христианской религии, а потому, что их деятельность несовместима с нормами общественной морали и посягает на жизнь и здоровье частных лиц. Под действие статьи попадали скопцы, некоторые группы беспоповцев-раскольников, проповедующих самосожжение и уморение себя голодом (запощеванцы)².

Все приведенные преступления не представляют чего-либо нового по сравнению со Сводом законов, исключая только более подробную редакцию текста статей. Кроме этих преступлений Уложение знает несколько деликтов, доселе не подлежащих уголовному наказанию, хотя и запрещенных Уставом о предупреждении и пресечении преступлений³. Так, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. виновные в издании старопечатных книг без санкции и без контроля Синода, в продаже, приобретении и распространении раскольничьих книг подлежали ответственности по ст. 214. Субъектом преступления, предусмотренного данной статьей, могло быть любое лицо, независимо от вероисповедания и целей (коммерческих или религиозных). Заметим, что приобретение старопечатных книг наказывалось только в случае их использования для богослужения.

Обстоятельством, отягчающим наказание, был рецидив. Виновные в преступлении (ст. 214) наказывались штрафом от 100 до 200 руб. за первый случай и вдвое большим за последующие. В третий раз они кроме штрафа могли быть подвергнуты тюремному заключению от 3 до 6 месяцев. Найденные книги подлежали конфискации и отсылке епархиальному начальству.

Ст. 215 содержала положения, запрещающие заведение новых раскольнических скитов, храмов и молитвенных домов, ремонт старых. По разъяснению Сената, даже покраска часовни и ремонт крыльца должны были квалифицироваться по данной статье. Контроль возлагался на местные власти и духовенство, которое было обязано сообщать не только о численности раскольников в приходе, но и о наличии часовен и скитов. Виновные в этом преступлении наказывались заключением в тюрьме на время от одного года до двух лет. Все ими устроенное, отмечалось в ч. 2 ст. 215, «подвергается сломке», а «материалы продаются в пользу местного Приказа общественного призрения».

Ст. 216 и 217 устанавливали уголовные санкции за нарушение указа от 29 июля 1825 г.⁴, по которому евреи, проживающие в местности, где была обна-

¹ См.: УКДС. 1895. № 84.

² См.: Попов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. С. 349.

³ См.: УКДС. 1869. №56.

⁴ См.: ПСЗ-1. Т. 41. №30436а.

ружена «так называемая жидовская ересь», подлежали поголовному выселению», и «впредь ни под каким предлогом пребывание им там» не разрешалось. Виновные в нарушении наказывались розгами от 20 до 40 ударов и подлежали отдаче в рядовые без выслуги. В случае неспособности к военной службе они подлежали ссылке на поселение за Кавказ (ст. 216). Лица, давшие пристанище возвратившемуся еврею, подлежали ответственности по ст. 217. Если это был помещик, арендный, поессионный или временный владелец казенного имения, он подлежал следующим наказаниям: денежным взысканиям за первые два раза и потерей прав на имение в третий раз. Если это был крестьянин или городской обыватель, то за первые два раза он наказывался арестом от 3 недель до 3 месяцев, а за третий — тюрьмой, от полугода до года¹.

Небезосновательные опасения властей и полиции вызывали секты откровенно изуверского характера. Наиболее типичным примером является печально известная секта скопцов². В предписании пензенского губернатора уездным исправникам и полицмейстеру г. Пензы от 20 апреля 1870 г. говорится по данному поводу следующее: «Собранными в последнее время, по распоряжению МВД, подробными сведениями о скопческой секте обнаружено, что число последователей ее постоянно увеличивается и что производящиеся в судебных местах дела о вновь обнаруженных оскопленных по подозрению в распространении скопчества оказываются большей частью оставлением привлеченных к делу лиц без всякого преследования»³.

Подобное положение дел губернские власти считали недопустимым и призывали полицейские структуры предпринимать более жесткие меры по пресечению деятельности скопцов. Так, полицмейстеры Саранского уезда Пензенской губернии собирали сведения о мотивах и причинах роста сектантства, отмечая слабый надзор за скопцами со стороны полиции, которая не принимала мер к обнаружению вновь оскопленных и выявлению лиц, осуществивших этот изуверский ритуал: «А если и были подобные случаи выявлены, то лишь по прошествии большого срока от содеянного»⁴.

Исходя из этого, полицейским чиновникам предписывалось принимать меры к усилению полицейского надзора за появлением вновь оскопленных и методами следствия привлекать к ответственности через суд нарушающих действующие в то время законы. За каждым из членов сект велось негласное наблюдение на предмет дальнейшего нераспространения их «лжеучения» в народные массы. Таким образом, протестантские и иные секты находились под жестким контролем полиции.

Подводя итог всему изложенному, следует сделать вывод, что в законодательстве Российской империи существовали весьма эффективные нормы, способствовавшие властным структурам в деле противодействия изуверным и другим подобным религиозным сектам, сохранения в обществе спокойствия и согласия и обеспечения общественной нравственности.

¹ Скопцы — религиозная секта; возникла в России в конце XVIII в.; отделилась от хлыстов. Секта проповедовала «спасение души» от плотских желаний путем оскопления (кастрации) мужчин и женщин, отказа от всего мирского.

² См.: Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 34. Оп. 1. Д. 10. Л. 5 об.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 49. Оп. 1. Д. 47. Л. 9.

И.М. Никифорова,
*аспирант Сургутского государственного
университета*

Влияние особенностей политогенеза на формирование институтов власти у обских угров

В реконструкцию потестарно-политических институтов ханты и манси, в период с начала освоения Западной Сибири русскими до середины XX в., значительный вклад внесли С.В. Бахрушин, В.Н. Чернецов, Н.В. Лукина, В.Г. Бабаков, З.П. Соколова и другие исследователи. Этнографическая и историческая литература отражает разные, порой взаимоисключающие, точки зрения об общественном устройстве обских угров. Так, разные исследователи отмечали, что в общественных и семейных отношениях, формах социальной организации обских угров сочетались, казалось бы, несовместимые черты. С одной стороны, это дожившая в отдельных районах вплоть до 1930-х годов дуальная экзогамия, с другой — отсутствие родовых делений и названий. К этому можно добавить сосуществование тотемических родовых групп и объединений племенного типа (так называемых княжеств с вождями — «князцами» — во главе)¹. Видимо, по этой причине в литературе высказывались разные, иногда прямо противоположные мнения о социально-политическом строе ханты и манси накануне присоединения к Русскому государству. Так, С.В. Бахрушин полагал, что у них существовали феодальные отношения²; противоположная точка зрения, отстаиваемая В.Н. Чернецовым, основывалась на архаизации социальной организации обских угров. Он утверждал, что у них долгое время существовала родовая организация и еще в начале XX в. сохранялись пережитки дуально-фратриального деления и родовых отношений³.

Основной формой общественной организации обских угров в середине II тыс. н.э. были так называемые «княжества», представлявшие собой территориально-племенные объединения с системой самоуправления и сильной военной организацией. Из письменных источников, проанализированных С.В. Бахрушиным, известно о существовании по Нижнему Иртышу, Нижней и Средней Оби «княжеств» Обдорского, Ляпинского, Кодского, Казымского, Белогорского, Пелымского, Кондинского, «Нимьяна», «Бояра», «Бардака». Во время военных действий объединялись силы нескольких «князцов», складывались военно-политические союзы. Большинство княжеств были мелкими, часто в одном городе могли находиться 2-3 «князца». При решении важных вопросов существовал обычай созывать народные собрания, роль которых была, скорее, ритуальной, поскольку дела обычно

---

¹ См.: Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII-XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М., 1983.

² См.: Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI-XVII вв. М., 1927.

³ См.: Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. М., 1953. Вып. 35.

решались князьями по своему усмотрению¹, хотя на них могли оказывать влияние старики («седоголовые старцы») и члены княжеского рода.

Среди своих соплеменников князья выделялись богатством и авторитетом, власть их была наследственной. Князья выполняли определенные религиозные функции (выступали инициаторами обращений к духам и устроителями жертвоприношений) и имели постоянную военную дружину, используемую для обороны укрепленных городков и военных походов. Однако княжеская власть опиралась не столько на полномочия в религиозной сфере или силу военной дружины, сколько на экономический фактор — накопленное этими князьями и их родами богатство.

Такие особенности функционирования властных институтов в обско-угорском обществе выступали следствием особенностей политогенеза обских угров. Всего основных путей политогенеза выделяют три — плутократический (выделение в правящую верхушку наиболее зажиточных, богатейших членов социума), аристократический (формирование властной элиты за счет перерождения родоплеменной аристократии в правящий класс) и военный (власть военных вождей, опиравшаяся на развитую военную организацию).

На наш взгляд, основным из перечисленных факторов в процессе выделения властной верхушки обско-угорского общества является экономический (богатство), поскольку пусть основной причиной выделения вождей, «князцов» и были межобщинные военные конфликты, однако сами эти конфликты были обусловлены экономическими факторами (борьбой за промысловые угодья). Также одним из немаловажных факторов поддержания высокого статуса и власти «князцов» было сосредоточение в их руках внешней и внутриобщинной торговли пушниной и контроль за торговыми путями, по которым пушнина попадала на мировые рынки — чисто экономический фактор, обеспечивавший сосредоточение в руках родовой знати политической власти.

В целом социальная структура обско-угорского общества накануне присоединения Западной Сибири к составу Российской империи выглядела следующим образом: основной территориальной единицей был поселок-юрт, который чаще всего был родоплеменным образованием; несколько юртов объединялось в сотню (заимствованная у татар условная единица учета податного населения), которой управляли «сотники», «лучшие люди»; выше в иерархии находились «князцы», которые возглавляли составные части большого княжества и находились в подчинении у князя — главы крупного княжества, в русских летописях именовавшегося «большим» или «сборным».

После включения Западной Сибири в состав Российской империи русской администрацией создавались новые административно-территориальные образования — волости, с целью упрощения процедуры сбора ясака с местного населения. Жители волости стали составлять своеобразную категорию зависимого населения — «государственных ясачных людей» (ясакоплательщиков), группировавшуюся вокруг «лучшего человека», «князца», который и платил ясак. Нужно отметить, что данные образования создавались на основе реально

---

¹ См.: *Мартынова Е.П.* Общественное устройство в XVII-XIX вв. // История и культура хантов. Томск, 1995. С. 77–120.

существовавших общностей коренного населения — родоплеменных образований обских угров. Для сохранения порядка на вновь обретенных территориях русская администрация активно использовала традиционные формы внутреннего устройства и управления, существовавшие у коренных народов. «Князцы» в XVII—XIX вв. стояли во главе большинства волостей и разделялись на простых и жалованных грамотами от государей. Официально родовой знати был сохранен особый статус среди обско-угорского населения, а также все нажитое этими родами материальное богатство. Российским законодательством охранялось право собственности коренных народов на их родовые угодья. Так, «Устав об управлении инородцев» 1822 г. условно разделил коренное население на «оседлых», «кочевых» и «бродячих»¹. Последние две категории относились к той части населения, которая сохранила традиционный уклад жизни и продолжала заниматься сезонными промыслами (пушной промысел, рыболовство, оленеводство). Они пользовались следующими правами, защищающими экономическую независимость и свободу традиционных промыслов (как основу этой независимости):

1. «Кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли» (п. 26).

2. «Инородцы имеют полную свободу заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами на водах и землях, каждому роду назначенных» (п. 29).

3. «Строго запрещается россиянам селиться на землях, во владение инородцам отведенных» (п. 31).

Иными словами, русская администрация при включении Западной Сибири в состав Российской империи учитывала существовавший у обских угров общинно-родовой способ организации общества, связанный с особой ролью экономического фактора в формировании властных структур. Также сохранялся высокий социальный статус и положение «лучших людей» бывших княжеств и материальное благосостояние, накопленное родами, как рядовыми, так и княжескими. Единственным условием, ограничивавшим экономическую свободу коренного населения, было введение ясачной повинности (собственно, большая часть восстаний и движений сопротивления русской администрации со стороны местного населения в XVII—XVIII вв. была вызвана именно нежеланием нести ясачную повинность либо слишком большим размером ясака).

Данный подход и обеспечил относительно мирный характер вхождения территорий проживания обских угров в состав Российской империи и легкость адаптации пришлого населения на колонизированных территориях (в отличие, например, от характера, который носило присоединение территорий проживания сибирских татар).

Такая организация обско-угорского общества сохранилась вплоть до начала XX в. с той лишь разницей, что институт «князцов» постепенно трансформировался в институт волостных и родовых старшин, продолжавших, как и «князцы», играть посредническую роль между государством и автохтонным социумом.

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи: в 40 т. СПб., 1830. Т. 38. № 29126.

С приходом на Север в 20-х гг. XX в. советской власти произошла коренная ломка традиционного уклада жизни северных народов, социальной структуры и традиционных форм управления в том числе.

Для внедрения новой политической и экономической системы на Севере в 1924 г. был создан Центральный Комитет Севера, а также окружные комитеты. Бывшие волости были преобразованы в районы, в 1930 г. были созданы два национальных округа — Остяко-Вогульский (впоследствии Ханты-Мансийский) и Ямало-Ненецкий. Нужно отметить, что в первые годы советской власти были попытки «сверху» организовать местное самоуправление с учетом принципов родоплеменной организации: в 1925 г. была создана двухуровневая система местного самоуправления, включавшая родовые собрания и советы, районные туземные съезды и советы. Однако уже через 4 года они были упразднены, поскольку власти осознали, что такая система способствует не разрушению, а, напротив, сохранению традиционной социальной структуры обско-угорского общества (что для новой власти было нежелательным). К тому же само коренное население отнеслось к идее советов и съездов не заинтересованно.

Поскольку природные ресурсы Севера имели для новой власти стратегическое значение, она стремилась взять традиционные промыслы под свой полный контроль, что осуществлялось посредством коллективизации и отчуждения частной собственности в пользу государства. Так, частный рыбный и пушной промысел в 20-х гг. был полностью запрещен, занятия традиционными промыслами для коренного населения стали возможными лишь в рамках специальных государственных учреждений. Коренное население насильственно объединялось в колхозы и совхозы, занимавшиеся оленеводством. Объединение личных стад привело к сокращению поголовья оленей в крае. Повсеместно нарушался принцип добровольности, зажиточные охотники и оленеводы подвергались репрессиям, как «кулаки» и противники колхозного строительства. Среди их числа оказались и бывшие «лучшие люди», волостные старшины, как наиболее зажиточная часть обско-угорского общества. С целью разрушения традиционного уклада жизни и под предлогом борьбы с суевериями и «контрреволюционными элементами» в 30-е гг. было репрессировано свыше 150 шаманов — наиболее уважаемой и авторитетной части населения.

Также на территории округов была создана система судов, исключавшая из судопроизводства нормы обычного права.

Все эти меры не могли не вызвать волны протеста среди коренного населения. К 30-м гг. относятся наиболее значительные по масштабам выступления коренного населения против советской власти. Из них самыми значительными были события на Казыме, Тольке, Ямале.

Несмотря на сопротивление, коллективизация, начавшаяся в 20-х гг., была в основном завершена уже в конце 30-х гг.

Рассматривая два важнейших периода в жизни обско-угорского общества — русскую колонизацию XVII—XIX вв. и приход советской власти в 20—30-х гг. XX в., нельзя не заметить существенной разницы в реакции коренного населения на происходившие процессы. Если в первом случае освоение Сибири и

присоединение территорий исконного проживания северных народов проходило относительно мирно, то в период насаждения советской власти была явной реакция отторжения коренным населением проводившихся преобразований.

Причиной такого развития событий, по нашему мнению, был путь политогенеза, складывания политической элиты в обско-угорском обществе — плутократический, т. е. связанный с выделением в правящую верхушку зажиточных, богатейших членов общества. Политические изменения, не затронувшие экономических основ социума, развитие властных структур которого шло по плутократическому пути, и не посягавшие на материальное состояние родов, а также на свободу частного промысла (рыболовства, охоты, оленеводства), как главное условие накопления такого состояния, проходили благополучно. В противном же случае нововведения и проводившая их власть наталкивались на активное сопротивление коренного населения.

Естественно, материальный фактор был не единственным, обусловившим различие восприятия обско-угорским социумом русской колонизации XVII—XIX вв. и прихода в Западную Сибирь советской власти в XX в., однако в рассматриваемой теме потестарно-политических институтов именно он имел ключевое значение, поскольку был решающим в образовании и развитии властных структур обско-угорского общества.

· ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
ТЮМЕНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВА ·

В.В. Агафонов,

*кандидат юридических наук, доцент
Тюменской государственной академии
мировой экономики, управления и права*

**«Свобода речей и дебатов»
российского парламентария
и ее законодательное обеспечение**

Депутаты высших законодательных органов обладают специальным правовым статусом, отличным от общегражданского. Особое правовое положение народных представителей обусловлено как специфическими, социально значимыми функциями депутатов, так и предоставленными им дополнительными гарантиями беспрепятственного и эффективного осуществления своей деятельности. К числу таких правовых гарантий традиционно относится депутатский иммунитет, получивший законодательное признание в большинстве стран мира. В юридической литературе при попытке раскрыть содержание и сущность иммунитета как общеправовой категории многие авторы зачастую используют термин «неприкосновенность»¹. Но следует отметить, что применительно к депутатскому иммунитету указанные понятия не являются тождественными, хотя имеют схожее значение.

Институт депутатского иммунитета включает в себя совокупность исключительных правовых норм, выводящих парламентариев из-под действия общего законодательства, связанных с освобождением последних от определенных юридических обязанностей. Депутатская неприкосновенность соотносится с иммунитетом как часть и целое и представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих особую (исключительную) процедуру привлечения парламентария к юридической ответственности. При этом в институт правового иммунитета депутатов законодательного органа, наряду с неприкосновенностью, входят и иные гарантии, такие как свидетельский иммунитет и депутатская неотвечественность. Основанием выделения каждого из элементов выступает его функциональное предназначение, что в той или иной форме нашло свое закрепление в законодательстве большинства современных государств, в том числе и в России.

В то же время различные исторические и политические условия государственного развития обусловили содержательное многообразие законодательных форм

---

¹ См.: Малько А.В., Суменков С.Ю. Правовой иммунитет: теоретические и практические аспекты // Журнал российского права. 2002. № 2. С. 16.

проявления иммунитета. Ярким примером дифференциации подходов к пониманию характера и содержания депутатского иммунитета может служить неотvetственность народных избранников, выступающая одной из общепризнанных правовых гарантий парламентской деятельности.

С точки зрения Н.И. Лазаревского, С.А. Корфа, М.Н. Козюка и других исследователей, указанная гарантия означает предоставление депутату полной свободы слова и действий (участие в дебатах, обращение с запросом, голосование и др.), осуществляемых в парламенте¹. Такой подход основан на исторически сложившейся в английском праве и получившей дальнейшее развитие в большинстве развитых стран доктрине «свободы речей и дебатов», однако он требует уточнения. С одной стороны, неотvetственность депутатов нельзя рассматривать как предоставление последним права не подчиняться общим законам и совершать нарушения в рамках своей свободы слова, с другой — свобода мысли и слова, согласно ч. 1 ст. 29 Конституции РФ, гарантируется каждому. Таким образом, предоставление депутатам большей свободы для эффективного осуществления своей деятельности скорее указывает на функциональное предназначение неотvetственности и определяет ее специфические признаки. Неотvetственность можно определить как освобождение депутата от юридической ответственности за выражение своего мнения, голосование или иные действия, совершенные им в парламенте при осуществлении законотворческой и других функций палаты, за исключением дисциплинарной ответственности, налагаемой палатой.

Данная гарантия, выступая важной составляющей депутатской неприкосновенности, имеет вполне самостоятельное значение. Будучи гарантией более высокого порядка, неотvetственность носит абсолютный и бессрочный характер и подразумевает окончательное освобождение парламентария от любого вида юридической ответственности, в том числе по истечении срока полномочий, за исключением дисциплинарной, налагаемой палатой парламента. При этом неотvetственность также носит функциональный характер, т.е. распространяется исключительно на действия депутата, совершенные при реализации функций палаты, «в стенах» парламента. Эти действия имеют первостепенное значение и составляют основу обязанностей парламентария по выражению и претворению в жизнь интересов и потребностей народа, делегировавшего ему власть, чем и обусловлено применение исключительных норм о неотvetственности. К таким функциям традиционно относится принятие законов, а также утверждение бюджета и контроль за другими ветвями власти. Основанием данной привилегии служит тот факт, что депутат, выступая в парламенте, отстаивает не свою позицию, а мнение народа, которым он избран, тем самым неотvetственность законодателей, являясь гарантией свободы парламентской деятельности, служит тому, чтобы «голос народа был услышан», и тесно связана с идеей о ценности народного представительства. Необходимость закрепления в законодатель-

¹ См.: Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т.1. Конституционное право. 2-е изд. СПб., 1910. С. 314-317; Корф С.А. Русское государственное право. М., 1915. Ч. 1. С. 159-161; Козюк М.Н. Правовое равенство и привилегия депутатской неприкосновенности // Личность и власть: межвуз. сб. науч. работ. Ростов н/Д, 1995. С. 164.

стве этого элемента правового иммунитета парламентария практически не оспаривается ни в одном государстве. Напротив, отмечается, что иммунитет оправдан в той мере, в какой он распространяется «на все сказанное, написанное и совершенное членом законодательного собрания в ходе обычного выполнения им своих официальных обязанностей...»¹.

В российском праве термин «неответственность», как и сам институт в его историческом виде, не нашел своего отражения. Отечественный законодатель признает значимость неответственности как гарантии свободы парламентской деятельности, однако особенность правового регулирования заключается в том, что Конституция РФ не содержит прямого указания на наличие неответственности у народных представителей, что необходимо расценивать как явный пробел конституционного регулирования.

Отсутствие конституционных норм, закрепляющих невозможность привлечения депутата к ответственности за высказанное мнение или позицию при голосовании, можно объяснить по-разному, при этом вариант решения будет зависеть от соотношения понятий «неприкосновенность» и «неответственность». Например, если рассматривать эти категории, как тождественные, можно предположить, что в норме ст. 98 Конституции, согласно которой депутаты Государственной Думы обладают неприкосновенностью, заложен и такой элемент правового иммунитета, как неответственность депутата. Отсутствие же детализации этого элемента объясняется сжатостью и краткостью конституционного текста, что свидетельствует о необходимости детализации и конкретизации положений Конституции в федеральном законодательстве. Действительно, как в Конституции, так и в Федеральном законе «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» упоминается только неприкосновенность парламентариев. Но, как отмечалось выше, правовой иммунитет депутата включает в себя два самостоятельных элемента — неприкосновенность и неответственность. Таким образом, в Конституции прописан только один элемент — неприкосновенность, гарантия неответственности же конституционным текстом не предусматривается, что свидетельствует либо о необходимости внесения изменений в действующую российскую Конституцию, либо о необходимости регулирования этого вопроса на уровне федерального закона. Второй вариант, имея широкие возможности, на практике оказывается менее предпочтительным, поскольку конкретизация в федеральном законе основных норм нередко приводит к расширительному толкованию Конституции.

Сегодня законодатель пошел именно по второму пути. В ч. 6 ст. 19 Закона о статусе 1994 г. установлено, что депутаты Государственной Думы не могут быть привлечены к уголовной или административной ответственности за высказывание мнения или выражение позиции при голосовании в палате и другие действия, соответствующие статусу депутата, в том числе по истечении срока их полномочий. Если в связи с такими действиями

---

¹ Амеллер М. Парламенты. Сравнительное исследование структуры деятельности представительных учреждений 55 стран мира. М., 1967. С. 114.

депутатом были допущены публичные оскорбления, клевета или иные нарушения, ответственность за которые предусмотрена федеральным законом, возбуждение уголовного дела, производство дознания, предварительного следствия или начало производства по делу об административном правонарушении, предусматривающем административную ответственность, налагаемую в судебном порядке, осуществляется только в случае лишения депутата неприкосновенности¹. В данном случае речь, безусловно, идет о неответственности парламентариев, на это указывают бессрочный характер данной гарантии, усложненный порядок процессуального производства, распространение в первую очередь на высказывания и голосование депутатов («сказанное и сделанное»). Конституционным Судом РФ в Постановлении от 20 февраля 1996 г. эта норма была признана соответствующей Конституции № 5-П². Анализ текста постановления позволяет сделать вывод, что суд, связывая иммунитет с действиями парламентария в рамках осуществления депутатской деятельности, имел в виду именно неответственность депутата. Проблема в том, что ни суд, ни впоследствии законодатель не обозначили четких границ неприкосновенности и неответственности, допустив их отождествление в рамках парламентского иммунитета, что привело, с одной стороны, к расширительному толкованию гарантии неприкосновенности, а с другой — наделению неответственности несвойственными ей признаками. Отсюда следует ряд претензий к предложенному варианту законодательного регулирования парламентской неответственности.

На первый взгляд, предписания ч. 6 ст. 19 Закона о статусе предоставляют депутатам серьезные гарантии их деятельности и практически полностью совпадают с исторически сложившейся «свободой речей и дебатов». Однако в рассматриваемой статье есть серьезное противоречие, так как ее положения не распространяются на случаи, когда со стороны депутата допущены публичные оскорбления, клевета или иные нарушения закона. Становится непонятным, в чем заключается суть такой дополнительной гарантии? Можно предположить, что речь идет о политической ответственности депутатов за недалковидные решения, некачественные законы и т. д. Но, во-первых, в настоящее время федеральный законодатель наделен свободным мандатом; во-вторых, из самого текста закона следует, что неответственность парламентария распространяется именно на уголовные и административные правонарушения. Оскорбления и клевета — это преступления, которые можно назвать явными, т.е. зачастую факт нарушения, субъект и его связь с деянием не вызывают сомнений. Логично предположить, что в данном случае Дума не имеет никаких оснований отказать в уголовном

¹ См.: Федеральный закон «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ в ред. Федерального закона от 5 июля 1999 г. № 133-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 2, ст. 74; 1999. № 28, ст. 3466.

² См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 1996 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и частей второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 г. “О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”» // СЗ РФ. 1996. № 9, ст. 828.

преследовании, а сама гарантия неответственности сводится к чисто техническому усложнению расследования по делу, чем ставит под сомнение наличие реального иммунитета за «сказанное и сделанное».

В то же время, оставив без должной защиты свободу парламентариев высказывать мнения и голосовать, законодатель распространил неответственность на «другие действия, соответствующие статусу депутата». Однако согласно ст. 19 Закона о статусе депутата Государственной Думы обладают неприкосновенностью в течение всего срока своих полномочий и не могут быть привлечены к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке. В ч. 4 той же статьи говорится, что в случае возбуждения уголовного дела в отношении действий депутата, связанных с осуществлением им своих полномочий, генеральный прокурор Российской Федерации в недельный срок после получения сообщения органа дознания или следователя обязан внести в Государственную Думу представление о лишении депутата неприкосновенности. Отсюда следует, что в соответствующих случаях уголовное или административное преследование не связывается с согласием палаты Федерального Собрания.

Возникает вопрос: в чем отличие действий, соответствующих статусу депутата (неответственность), от действий, связанных с осуществлением им своих полномочий (неприкосновенность)? Такое правовое решение привело к удивительной ситуации, когда в одной статье закона содержатся две нормы, противоречащие друг другу! На практике предпочтение отдается норме ч. 6 ст. 19 Закона о статусе, и это вполне объяснимо. Например, в марте 2000 г. прокуратура города Красноярск возбудила уголовное дело по обвинению депутата В.В. Гитина в получении взятки, причем последний не был лишен неприкосновенности. В ответ на это 19 июля 2000 г. Государственная Дума направила запрос генеральному прокурору Российской Федерации, в котором указала на неправомерный характер действий прокуратуры. В данной ситуации депутаты увязали получение взятки именно с неответственностью, более того, эти действия были квалифицированы как «соответствующие статусу депутата»!¹

С учетом того, что в таких случаях без согласия палаты возбуждение уголовного дела и проведение следственных действий невозможно, можно констатировать, что, несмотря на свою внешне демократичную «оболочку», неответственность парламентариев в ее нынешнем виде фактически выводит последних из-под действия уголовного закона, предоставляет гарантии не деятельности, а безответственности. Примечательно, что примеры привлечения депутатов к ответственности за клевету или оскорбление (деяния, прямо указанные в законе) практически отсутствуют. В то же время подобные явления

---

¹ См.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 19 июля 2000 г. № 594-III ГД «О парламентском запросе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Генеральному прокурору Российской Федерации В.В. Устинову “Об уголовном преследовании депутата Государственной Думы второго созыва В.В. Гитина”» // СЗ РФ. 2000. № 31, ст. 3247.

² См. напр.: Они позорят нашу Думу (Генпрокуратурой проведено расследование) // Российская газета. 2005. 8 июля.

не редкость для заседаний Государственной Думы². Если думские «разборки» и вредят рейтингу парламента в целом, то случаи злоупотребления своим привилегированным положением заметно поднимают рейтинг непосредственных участников скандалов, которые, как правило, известны больше их коллег-депутатов, решающих вопросы цивилизованным путем.

Таким образом, в федеральном законе необходимо провести четкие границы между неприкосновенностью и неотвеченностью депутатов. Правовая регламентация неотвеченности должна соответствовать исконной и общепризнанной цели предоставления данной гарантии и полноценно обеспечивать свободу парламентариев выражать свое мнение или позицию при голосовании в палате.

Неотвеченность должна иметь абсолютный характер и предусматривать полное освобождение депутата от уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности. Нельзя не согласиться с тем, что основная часть депутатского корпуса — это умные и честные люди, которые стремятся изменить ситуацию в стране к лучшему, занимаются непростой, кропотливой законотворческой деятельностью, встречаются с избирателями и помогают решать их проблемы. Гарантия неотвеченности в полной мере обеспечит их статусное право в законной форме отстаивать в парламенте любые убеждения, не боясь стать жертвой политических гонений. В то же время сфера применения гарантии должна быть ограничена действиями парламентария, связанными с выражением мнения (устным или письменным) или позиции при голосовании в палате, т. е. функциональной, в первую очередь законотворческой, деятельностью палаты. В данном случае ч. 6 ст. 19 Закона о статусе депутата должна выглядеть следующим образом: «Депутат Государственной Думы не может быть привлечен к какой-либо ответственности за устное или письменное выражение мнения, а равно выражение позиции при голосовании в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, имевшие место в ходе работы палаты, ее комитетов и комиссий, в том числе по истечении срока его полномочий, за исключением дисциплинарной ответственности, налагаемой палатой».

Такой подход, с одной стороны, создаст необходимые предпосылки для реализации на практике идеи о народном представительстве, праве народа «быть услышанным», с другой — лишит нечистоплотных с моральной точки зрения депутатов возможности злоупотреблять своим положением в целях саморекламы, дискредитации политических противников, организации пиар-компаний в ходе выборов и т. д.

При этом предоставление депутатам полной свободы слова в парламенте не должно перерасти в их безответственность. Любые возможные нарушения общепризнанных норм правового и этического характера должны повлечь равноценную реакцию со стороны палаты. Возможностей здесь много. В частности, несколько лет назад в Думе обсуждался вопрос о внесении в Закон о статусе депутата поправки, допускающей принудительное направление парламентария на психиатрическое обследование в случае неадекватного поведения. Также в Думе предлагалось ввести должность специального

пристава, который бы присутствовал на заседаниях и следил за порядком. Но эти предложения не были приняты.

За нарушения, допущенные при выражении мнения или позиции при голосовании, депутат должен нести дисциплинарную ответственность, налагаемую палатой. Это наиболее эффективное и оперативное средство обеспечения правомерного поведения депутатов в парламенте. Безусловно, гарантия неотвеченности парламентариев должна быть обеспечена должной правовой системой дисциплинарных санкций, в противном случае она не будет работать. Дисциплинарная ответственность установлена Законом о статусе и Регламентом Государственной Думы, однако она представляется малоэффективной. Практика показывает, что недостойное поведение не всегда влечет за собой адекватную реакцию со стороны депутатов. Например, в ходе одного из заседаний палаты в 2001 г. депутат С. Иваненко позволил себе грубо нарушить этические нормы и назвал лидера фракции ЛДПР В. Жириновского «прямым последователем Геббельса». Депутаты дважды голосовали по предложению лишить С. Иваненко слова на один месяц, и оба раза предложение не было принято¹. Справедливости ради надо отметить, что В. Жириновский сам неоднократно допускал «вольные» высказывания в отношении своих коллег по палате. В отношении лидера ЛДПР депутат С. Митрохин заметил: «Если поднять все стенограммы и все ваши хамские выпады в адрес депутатов за последние семь лет, то вас надо лишить слова пожизненно»².

Изложенное указывает на необходимость разработки должной системы и механизма реализации дисциплинарных санкций. Следует ввести в Регламент Государственной Думы более широкий диапазон видов дисциплинарной ответственности: от лишения слова до 30 дней и обязанности принести публичные извинения до выдворения из зала заседаний и денежного штрафа. В необходимых случаях предварительное рассмотрение факта нарушения должно проводиться комиссией по мандатным вопросам и вопросам депутатской этики, а решение о наказании — приниматься Государственной Думой на основании рекомендаций комиссии.

Предложенный вариант законодательного регулирования депутатской ответственности позволит акцентировать внимание как депутатов на моральную составляющую своего поведения, так и избирателей на тех внутренних критериях, которыми они руководствуются, голосуя за того или иного кандидата. Нельзя забывать о том, что депутаты — это наши представители.

---

¹ См. подробнее: Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 1 ноября 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duma.gov.ru/steno/nph-sdb.exe>

² Там же.

Д.В. Микшис,
кандидат юридических наук, доцент
Тюменской государственной академии
мировой экономики, управления и права

Генезис самозащиты и феномен разрешенного самоуправства

Несмотря на развитие, усложнение и совершенствование различных форм самозащиты гражданских прав (ст. 14 ГК РФ), на самой границе частного права с публичным сохранилась область, где она, тесно переплетаясь с запрещенными законом самоуправными действиями, принимает форму разрешенного самоуправства — явления, практически не исследованного в современной цивилистике¹. Между тем изучение данного маргинального (пограничного) феномена и указание на место, занимаемое им в системе гражданского права, позволяет провести четкую границу между правомерными и неправомерными действиями и таким образом обозначить один из пределов самозащиты гражданских прав.

Исследование прообразов самозащиты в обычаях родового быта и в древнейших правовых памятниках убедительно доказывает общность генезиса самозащиты и самоуправства, а наличие в современном гражданском праве действий, сохраняющих признаки самоуправства, показывает, в каком направлении протекала эволюция самозащиты и ее обособление в качестве правомерного явления. В настоящее время понятия самозащиты и самоуправства представляют собой логические антиподы, так как они «кристаллизировались» в результате постепенного разграничения всех проявлений так называемой самопомощи на дозволенные и запрещенные законодателем формы.

1. Первоначально защита частных прав осуществлялась заинтересованным лицом путем самообороны, а также расправы с нарушителем права собственными силами или силами своей семьи². Следует согласиться с известным утверждением, что «самоуправством и мстью, этим видом дикого правосудия ... начинало каждое право»³. В обязательственных отношениях допускалось насилие над должником с целью побуждения к исполнению обязательства⁴. Однако по мере того, как все дальше расходились пути гражданского и уголовного законодательства, яснее обозначалось негативное отношение законодателя к

¹ Происхождение самозащиты в отечественной цивилистике остается чрезвычайно мало исследованным, поскольку данный вопрос затрагивался правоведами лишь фрагментарно (см.: *Винавер А. М.* На грани уголовной и гражданской неправды (материалы к предстоящему пересмотру Гражданского кодекса РСФСР) // Антология уральской цивилистики 1925–1989: сб. ст. М., 2001. С. 77–96).

² Например, хеттскими законами [§ 37] разрешалась расправа с похитителем женщины, поскольку похититель и его пособники в силу самого деяния ставились вне закона как дикие звери (см.: Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1980. Т. 1. С. 120).

³ *Иеринг Р. ф.* Избранные труды: в 2 т. СПб., 2006. Т. 2. С. 120.

⁴ Так, ст. 19 раздела III законов шумерского города Билаламы (XX в. до н.э.) гласила: «Человек, который дает в долг, может заставить должника вернуть ему долг».

самовольному осуществлению права. Уже в древнейших правовых памятниках встречаются запреты самовольного осуществления права и имущественные санкции за их нарушение (ст. 113 Законов Хаммурапи).

Постепенно защита прав сосредоточивается в руках государства и передается судебным органам¹, но долгое время организованная защита и самоуправство существуют как бы «параллельно». Среднеассирийские законы (1770-х гг. до н.э.), несмотря на существование судебной защиты, разрешали самопомощь в следующих формах: если залогодержатель самовольно продавал залог и не возвращал залогодателю равноценное имущество, залогодатель был вправе забрать у него такое же, а покупатель предмета залога мог отнять у продавца ранее уплаченные деньги [tabula G. § 4]; залог, хранившийся у заимодавца, по истечении срока уплаты долга переходил в его собственность с уплатой разницы между его ценой и остатком долга [tab.G. § 7]. Хозяин имущества, переданного без его ведома женой или домашним рабом третьему лицу, был вправе забрать у последнего свое имущество [tab.G. § 9]².

Переходной стадией от самовольного осуществления прав к самозащите являются акты торжественного самоуправства, обычно совершаемые при свидетелях, такие как древнеримские *legis actio per manus injectionem* (завладение личностью должника) и *legis actio per pignus capionem* (самовольный захват залога). На начальном этапе своего развития они еще представляли действия кредитора, заменявшие собой акт гражданского правосудия. Позднее, в так называемом легисакционном процессе, указанные действия стали выполнять функцию обеспечения исковых требований. Наконец, в рамках преторского процесса *manus injectio* окончательно сформировалось как институт привода ответчика в суд, в то время как *pignus capio*, не подменяя уже собою судебное решение, обосновалось в сфере его исполнения путем завладения предметом иска³. Тем самым, в результате постепенного ограничения сферы и оснований применения *manus injectio* и *pignus capio*, их правовая природа претерпела значительные изменения. Эти изменения отражают общую тенденцию к ограничению самоуправства по мере развития гражданского оборота.

2. Римское право классического и позднейшего периодов уже разделило понятия самоуправства и самозащиты. Самозащита допускалась в виде общего правила, о чем свидетельствует целый ряд фрагментов из Дигест Юстиниана и трудов римских юристов⁴. На основе исследования памятников римского права, а также трудов отечественных и зарубежных романистов можно сделать вывод, что самозащита в римском гражданском праве осуществлялась в следующих

¹ См.: Новицкий И. Б. Римское право. 6-е изд., стереотипное. М., 1995. С. 33.

² См.: Хрестоматия по истории древнего Востока. Т. 1. С. 195–205; Вестник древней истории. 1952. № 4. С. 80–86.

³ Истец, выигравший дело, «тут же, по признании его правоты, вступал во владение вещью» (см.: Гримм Д. Проблема вещных и личных прав в древнеримском праве // Вестник гражданского права, 2007. №3; Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М., 2003. С. 86–88, 164–167, 198–201).

⁴ Правомерность самозащиты не подвергалась сомнению, «ибо все законы и все права разрешали защищаться от силы силой (*vim vi repellere licet*)» (D.9.2.45.4). Другие фрагменты дигест развивают эту мысль (D.1.1.3, D. 43.16.1.27). (Здесь и далее цит. по изданию: Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002–2005. Т. 1–6).

формах: а) необходимая оборона, например убийство, при отражении вооруженного нападения, а также убийство вора, если не имелось возможности задержать его (D.9.2.5); б) насильственная защита владения «в границах осторожной охраны» (C.8.4.1), в том числе и насильственное восстановление своего права «по горячим следам», в частности отобрание похищенных вещей¹, насильственное удаление с земельного участка (D.43.16.1.28; 43.16.17), а равным образом и насильственное выдворение лица, захватившего участок (D.43.16.3.9); в) самоуправное уничтожение сооружений, насильственно или тайно воздвигнутых на участке субъекта, прибегающего к самоуправству (D.9.2.29.1 in fine; 43.24.7.3); г) устранение «соседского неудобства»²; д) внесудебное обращение взыскания на залог или иное обеспечение, данное ему должником³; е) право на задержание (*detentio*)⁴, в том числе задержание должника⁵; ж) право удержания (*jus retentionis*)⁶ и з) действия в состоянии крайней необходимости⁷. В частности, представляется возможным считать разновидностью последних общую аварию, нормы о которой были изложены в Родосском законе о выброшенном в море (*Legis Rhodia de iactu*, D.14.2.1-10)⁸.

Самоуправством по римскому праву считалось самовольное осуществление права действиями, выходящими за установленные законом границы либо причиняющими ущерб, явно несоразмерный защищаемому праву. Ответственно превышением пределов необходимой обороны являлось убийство вора, пойманного днем и без оружия⁹. Владельческая самозащита в форме отобрания вещей ограничивалась разумным сроком, по истечении которого собственнику запрещалось отнимать принадлежащие ему вещи, например, если принадлежавшие ему бревна и жерди использованы другим человеком на постройку здания или для посадки виноградника (*Leg. XII*

¹ В.А. Краснокутский утверждал, что «против нападений, направленных на отнятие вещей, допускается не только защита, но и самоуправное возвращение их». Подтверждением его слов является сентенция Гая: «того, кто владел моим имуществом насильственно, тайно или пекарным образом, я безнаказанно могу лишать владения» (I.4.154).

² Если владелец дерева, нависавшего над соседним участком, не обрезал ветвей после предупреждения собственника участка, последний имел право уничтожить чрезмерно пышные ветви самостоятельно (Павел, 5.7.13) (см.: Памятники римского права. Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / пер. Е. М. Штаерман; сост. Л. Л. Кофанов. М., 1998. С. 121).

³ Однако самовольный захват залога воспрещался *Lex Iulia et Plautia de vi privata* (Павел, 5.26.4).

⁴ См.: Муромцев С. А. Указ. соч. С. 531–533.

⁵ Если должник пытался скрыться от кредитора, последний мог догнать его и силой заставить уплатить долг; разрешалось арестовать денежные средства, захваченные должником с собой.

⁶ См.: Катков М.М. Понятие права удержания в римском праве. Киев, 1910; Сарбаш С.В. Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств // Актуальные проблемы гражданского права. М., 1999. С. 16.

⁷ В.М. Хвостов приводит два известных примера: корабль без вины шкипера запутался в рыболовных сетях, и их пришлось разрубить (D.9.2.29.3); для прекращения пожара пришлось снести соседний дом (D.9.2.49.1) (см.: Хвостов В. М. Римское частное право: учебник. М., 1996. С. 46).

⁸ См.: Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997. С. 387–389.

⁹ См.: Хрестоматия по истории Древнего Рима / под ред. С.Л. Утченко. М., 1962. С. 69.

tab. VI.7). Запрещалось применение силы и оружия при осуществлении своего права (Gai. I.4.155)¹, нарушение неприкосновенности жилища (D.2.4.18), тайное возвращение своей вещи от добросовестного владельца (Gai.I.3.200), задержание скота, учинившего потраву (D. 9.2. 39), разрушение межевых знаков при наличии неразрешенного спора о границах (D.10.1.4.3). Наиболее строгие ограничения были наложены на меры понуждения неисправного должника. Первоначально кредитор, применивший насилие к должнику, чтобы заставить его вернуть долг, утрачивал право требования в соответствии с законом Юлия и Плавтия о насилии против частных лиц². Впоследствии были приняты другие специальные постановления, в еще большей степени ограничивающие произвол кредиторов. Согласно декрету императора Марка Аврелия кредитор, захвативший вещи должника для удовлетворения права требования, должен был эти вещи вернуть; одновременно с этим он утрачивал свое право требования³.

Отечественные романисты практически единодушны в убеждении, что в классическом и позднейшем римском праве самопомощь допускалась в очень узких границах, в чрезвычайных случаях, за исключением которых защита права осуществлялась только в судебном порядке. Однако диспозитивность римского права, существование декретов, запрещающих конкретные формы самовольного осуществления права наряду с отсутствием общего запрета самозащиты, свидетельствуют в пользу ее общего дозволения⁴.

3. В период с момента падения Римской империи до IX в. н. э. общественный уклад европейских народов представлял обширнейший простор для самопомощи в любых формах, многие из которых в дальнейшем оказались под запретом (захват имущества, месть, поединки, лишение должника свободы⁵), в то время как другие, напротив, сохраняли свое значение и в развитом гражданском обороте (присвоение залога). В то же время в самых ранних правовых памятниках варварского периода уже обозначилась тенденция к ограничению «несправедливого» насилия путем установления за него частноправовых

¹ Так, владелец вещи, отнятой у него силой, а затем возвративший ее при помощи насилия, присуждался к возврату владения «вследствие жестокости поступка», выразившейся в применении оружия.

² Lex Iulia et Plautia de vi privata (Gai. I.II.45, 49; D.4.2.12.2).

³ D.4.2.13; 48.7.7. Позднее, в 389 г., это правило было подтверждено конституцией Феодосия, Валерия и Аркадия (D.48.7.7; C.8.4.7; J.4.2.1; 4.2.15) (см.: *Муромцев С.А.* Указ. соч. С. 508; *Новицкий И.Б.* Указ. соч. С. 33–34). Более того, по утверждению Модестина, кредитор, завладевший имуществом должника без решения судьи, лишался трети имущества и повергался бесчестию (D.48.7.8).

⁴ Среди доказательств в поддержку указанной гипотезы можно привести известную сентенцию Кассия: «правило, разрешающее отвечать насилием на насилие приравнивается к предписаниям естественного права» (D.43.16.1.28), а также распространенную формулу «лучше предупредить опасность собственными силами, чем потом обиженному прибегать к помощи суда».

⁵ Например, древнегерманский обряд самоуправления при Pfandung um Schuld. Кредитор после трехкратного напоминания должнику об его долге имел право собственными силами завладеть личностью должника, лишив его свободы. Следы этого обряда существовали в праве классического средневековья как Pfandung um kundlich ulogenbare Schuld (см.: *Brunner.* *Rechtsgeschichte.* Berlin, 1887. В.1. S. 183–184).

штрафов¹. Встречались случаи запрета самоуправства под угрозой потери права требования и даже телесного наказания².

Однако с исчезновением «Каролингского порядка» (XI в.) попытки законодательной борьбы с самоуправством прекратились, и Европа вступила в эпоху «кулачного права», опиравшегося непосредственно на правовой обычай и вооруженную силу. На этот период приходится настоящий расцвет самоуправства во всех формах. Вакуум власти «был заполнен землевладельцами, которые берут на себя функции военной, полицейской, судебной власти»³. Суд выступал лишь в качестве третейского посредника, чье решение обладало силой моральной санкции. Обычным легальным способом решения спора о праве собственности было использование силы тяжущимися сторонами. Современниками это воспринималось как социальная норма, поскольку любой европеец в период раннего средневековья «воспринимал диалектическую связь права и насилия как должное»⁴. В условиях, когда каждый субъект считался носителем собственного «права», уничтожение рыболовных сетей и конфискация улова рассматривались не в качестве акта насилия, а как элемент спора о правах на рыбную ловлю и т. д.⁵

4. Дальнейшее развитие феодальных отношений, утверждение централизованной монархической власти, укрепление авторитета Церкви и усложнение социальной структуры европейского общества привели к возобновлению наступления на самовольное осуществление права (движение за «Божий мир» и «Имперский мир»). Как результат в XIII — XIV вв. запрет на самоуправство становится всеобщим, поскольку каноническое и светское право, дословно повторив постановления римских императорских конституций, возвело частные запреты в ранг общего правила. Можно с уверенностью утверждать, что в Германии к моменту рецепции римского права самоуправство как таковое строго воспрещалось⁶. Таким образом, с одной стороны, постановления римс-

¹ См. § 1 ст. 10 Капитулярия I Салической правды, ст. 6 и 80 Земледельческого закона Византии (см.: Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. Ленина. М., 1950. Т. LXII. С. 59; Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 103).

² «Кто имеет спор с другим и не доверил владетелям, но действует самовольно, (то) если сделал это с целью получить подлинно свое, лишается своей вещи и возвращает ее. Если он что-либо чужое возьмет, то (по суду) владетеля его бьют, поскольку не в его власти было самому себе быть судьей» (ст. 17 Закона Судного людем (Болгария, 865 г.)) (см.: Ганев В. Закон Судный людем. София, 1959. С. 396).

³ *Bisson T.N. The Feudal Revolution // Past and Present. 1994. Vol. 142. P. 16.*

⁴ Согласно воззрениям того времени, право влекло насилие, а насилие могло служить критерием прав: данные явления не противостоят друг другу и не сменяют один другого, а сочетаются вместе (см.: *Barthelemy D. The Year 1000 Without Abrupt or Radical Transformation // Debating the Middle Ages / ed. by B.H. Rosenwein, L.K. Little. N.Y., 1998. P. 135.*)

⁵ Например, «когда графский викарий грабит монастырские земли, он действует по обычному праву графа. Спор монастыря с шателеном относительно права проявляется в том, что последний перегоняет своих лошадей, а затем быков, коров, свиней и другую скотину на один из монастырских лугов» (см.: *Мазарчук Д.В. Особенности правопорядка в Западной Европе в XI веке // История государства и права. 2006. № 5.*)

⁶ Майнцкий имперский мир 1235 г. (*Constitutio Pacis*) запрещал самоуправство, т. е. самовольное осуществление своего права в обход установленного судебного порядка. Например, ст. 5 и 14 *Constitutio Pacis* приравнивали самостоятельное получение возмещения к мщению, а самовольное установление залога путем захвата — к грабежу.

кого права о запрете самоуправства были истолкованы на германской почве расширительно в смысле принципиального запрета любых актов самоуправства, который в общеимперском законодательстве формально сохранил свою силу до начала XIX в.¹ С другой стороны, поскольку санкции за самоуправство (отказ в судебной защите, частноправовые штрафы) применялись судами весьма избирательно, фактически этот запрет всегда носил декларативный характер. Более того, партикулярное право и судебная практика Германии сохраняли целый ряд институтов подконтрольного самоуправства, которые формально не считались таковыми. В городском праве, начиная с XI в., разрешался самовольный захват вещей должника за долг и право их продажи, внесудебное присвоение или продажа залога². По нормам земского права XIII в., систематизированным в «Саксонском зеркале», собственник участка имел право без судьи брать залог в обеспечение своих прав у того, кто обрабатывал его землю (LR I. 54. § 4; I). Скот, застигнутый на поле, мог быть задержан для доказательства факта поправки (LR. II. 47. § 1). Широко практиковалось задержание вещей арендатора в залог владельцем земельного надела (LR. I. 54 §4; III. 20 § 2)³.

Обычному праву Испании XII–XIII вв. было известно множество способов разрешенного самоуправства, основывающихся на соглашении между должником и кредитором: внесудебная продажа имущества должника, которым последний обязался отвечать по договору; личное задержание неисправного должника; предоставление кредитору полномочия заложить имущество должника в случае просрочки платежа в обеспечение дальнейшей уплаты долга и неустойки за просрочку, насильственное удаление арендатора с занимаемого участка в случае невыполнения обязанностей по обработке земли⁴. При этом испанское законодательство (Партиды короля Альфонса Мудрого 1265–1272 гг.), подобно римскому, уже различало самоуправство и самооборону личности от насилия, признавая последнюю неотчуждаемым правом каждого человека⁵.

Из изложенного следует, что применение самоуправства в гражданском праве христианской Европы прошло стадии неограниченного применения (V–VIII вв.), установления частных ограничений на самоуправные действия (VIII–XI вв.), торжества самоуправства в качестве самостоятельного «кулачного права» (XI–XIII вв.) и введения генерального запрета на самовольное осуществление права с выделением дозволенных форм его самостоятельной

¹ См.: Дембо Л.И. Саксонское зеркало (текст с комментариями). М., 1985. С. 116.

² Присвоение залога допускалось согласно ст. 54 Городского права Фрайбурга (1120 г.) и ст. 25 Городского права Хагенау (1164 г.). Вместе с тем городское право, испытав давление общеимперского законодательства, пошло по пути смягчения произвола кредиторов. Так, ст. 54 Городского права Фрайбурга (1178 г.) предусматривала уже не присвоение, а захват и продажу залога с торгов, а ст. 40 Законов Гослара (1219 г.) не признавала правомерным захват имущества кредитором правомерным (текст законов см.: Средневековый город. 1977. №4. С. 197–206; 1978. №5. С. 194–198).

³ См.: Дембо Л.И. Указ. соч. С. 176, 209 (буквы LR обозначают раздел «Земское право» (Landrecht)).

⁴ Такой вывод позволяет сделать анализ сохранившихся текстов договоров и судебных решений 1148 — 1259 гг. (см.: Средние века. 1962. № 21. С. 279, 281).

⁵ Р.1.1.2 (см.: Семь партий мудрого короля дона Альфонса / пер. И.А. Брея // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961).

защиты. По сравнению с этим в Древнем Риме отношение к самоуправству эволюционировало более последовательно, линейно: от полной вседозволенности — через частичный запрет — до сложной системы дозволений и запретов. Кроме того, по сравнению с Римской империей в средневековом обществе не успел сложиться единый подход к проблеме разграничения самоуправства и самозащиты, что указывает на некоторый регресс.

5. В европейском праве эпохи первых национальных кодификаций получила дальнейшее распространение идея генерального запрета самоуправства¹. При этом впервые были разрешены самоуправные действия, но только в специально оговоренных исключительных случаях². Уголовное преследование самоуправства как такового нашло свое отражение лишь в законодательстве Пруссии и некоторых германских княжеств и существовало относительно недолго (1813 — 1871 гг.)³, в то время как законодательство остальных европейских держав осталось в стороне от этой тенденции⁴. Были уточнены критерии разграничения самопомощи и самоуправства. Таким образом, в кодексах XVIII — XIX вв. постепенно выработался двойственный подход к самостоятельной защите гражданских прав: по общему правилу самооборона нарушенных прав разрешалась, а их самостоятельное восстановление воспрещалось. Вместе с тем вопрос о допустимых формах самоуправства так и не получил однозначного разрешения.

Решающим шагом, наметившим водораздел между самозащитой и самоуправством, стала разработанная германской правовой доктриной XIX в. модель самозащиты (самопомощи), осуществляемой посредством трех различных форм: необходимой обороны, крайней необходимости и разрешенного самоуправства, которая была реализована в Саксонском гражданском уложении 1863 г. (СГУ). В § 178 СГУ впервые в истории права содержалось развернутое определение самозащиты: она трактовалась как отражение противозаконного нападения на личность или имущество и оказание помощи другим в подобных случаях; отобрание вещей или понуждение должника к исполнению обязанности при отсутствии возможности прибегнуть к помощи властей и реальной опасности неосуществимости (последние два способа ранее считались формами самоуправства). Тем самым разрешенные формы самоуправства были прямо отнесены к самозащите. Далее, в § 185 СГУ были впервые четко обозначены пределы самозащиты⁵. Таким образом, вопрос о дозволенности конкретных самоуправных действий теперь решался судом на основе двух взаимосвязанных критериев: соответствия понятию самозащиты и соблюдения ее пределов.

¹ § 77 Прусского земского уложения 1794 г. (далее — A. L. R. Einl.); § 119 Австрийского гражданского уложения 1811 г.; § 179 Саксонского гражданского уложения 1863 г.

² A. L. R. Einl. § 78.

³ A. L. R. Einl. II. 20, § 157; ст. 420 Баварского уголовного уложения 1813 г., § 449 Уголовного уложения Ольденбурга 1814 г., § 200 Вюртембергского уголовного уложения 1839 г., § 204 Саксонского уголовного уложения 1838 г., § 279 Баденского уголовного уложения 1845 г. Все указанные запреты утратили силу либо с введением Общегерманского уголовного уложения 1871 г., либо были отменены еще раньше (в Пруссии с 1851 г., в Баварии с 1861 г.).

⁴ Нормы уголовных кодексов Франции 1810 г. и Австрии 1803 г. даже не упоминают самоуправство среди наказуемых деяний.

⁵ Путем указания, что «ни в одном из случаев самозащиты лицо, имеющее на нее право, не может употребить более силы, чем необходимо для обороны или для защиты права».

Дальнейшее развитие положения указанной концепции получили в тексте Германского гражданского уложения 1896 г. (ГГУ), которое дифференцировало самозащиту на необходимую оборону, включая оборону третьих лиц (§ 227), крайнюю необходимость (§ 228) и разрешенное самоуправство (§ 229)¹. Не ограничившись одним упоминанием разрешенного самоуправства, германский законодатель в § 229–231 ГГУ детально урегулировал условия и пределы применения данного вида самопомощи². Были вновь названы основные способы осуществления самоуправного акта: путем отобрания вещей или задержания должника, пытающегося скрыться (§ 229 ГГУ); но в дополнение к этому в § 561, 704, 910 и 962 ГГУ были перечислены и специальные способы. Полагаем, что введение закрытого перечня способов означало установление исключительного порядка применения разрешенного самоуправства (в отличие от других форм самозащиты).

Таким образом, вопрос о допустимости самоуправства при защите субъективных гражданских прав был разрешен на законодательном уровне лишь на рубеже XIX и XX вв. При этом найденное германским законодателем решение вряд ли можно признать окончательным. С момента введения в действие ГГУ институт разрешенного самоуправства нашел отражение в законодательстве лишь двух стран континентального права (Швейцарии и Португалии)³.

В силу изложенного вопрос о целесообразности воспроизведения норм § 229–231 ГГУ в гражданском законодательстве России остается открытым. Однако, несмотря на понятный и уместный консерватизм законодателя и научного сообщества в вопросе легализации разрешенного самоуправства⁴, следует признать, что оно объективно существует в гражданском обороте (в том числе в современном российском) на протяжении всей его истории *независимо от санкции законодателя*, поскольку «отнять у человека защиту в тех случаях, когда общество ее дать не может, значило бы совершенно уничтожить объективное равенство между людьми»⁵. Судебная практика уже идет по пути признания правомерными отдельных актов самоуправства (самостоятельный перенос чужой изгороди во исполнение судебного решения, уничтожение принадлежащего другому лицу источника повышенной опасности). Представляется, что в отсутствие законодательного регулирования допустимость самоуправства при защите нарушенного права может быть оценена судами с использованием критериев,

¹ См.: Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению / пер. с нем. М., 2004. С. 45. Данная модель сохраняет актуальность и в современной германской доктрине (см.: *Эннексерус Л.* Курс германского гражданского права. М., 1950. Т.1 С. 446).

² Согласно § 229 ГГУ «не поступает противозаконно тот, кто не может своевременно прибегнуть к содействию органов власти, и если в то же время следует опасаться, что без немедленного вмешательства осуществление притязания станет невозможным или будет значительно затруднено» (см.: Гражданское уложение Германии. С. 45). Следовательно, разрешенное самоуправство допускалось в случае невозможности прибегнуть к помощи органа власти для защиты своего права, когда обстоятельства требовали немедленного применения мер защиты, и подлежало последующему контролю со стороны органов власти.

³ См. § 52 Швейцарского обязательственного закона 1911 г., § 1227 ГК Португалии.

⁴ Ввиду отсутствия дискуссии по данному вопросу можно предположить, что отсутствие интереса связано с боязнью массовых злоупотреблений правом на самоуправные действия участниками гражданского оборота и, как следствие, бурного роста количества судебных споров.

⁵ *Кони А.Ф.* О праве необходимой обороны. М., 1866. С. 10.

аналогичных установленным в § 229 ГГУ. Важно отметить преобладающую роль судебной практики в уточнении границ между самоуправством и самозащитой, так как дозволенность тех или иных самоуправных действий устанавливается для каждого отдельного случая *post factum* в ходе судебного разбирательства.

Хочется верить, что по мере формирования практики цивилизованного применения разрешенного самоуправления его отождествление с физической расправой¹ отойдет в область курьезов, а настороженное отношение сменится его адекватным восприятием в качестве одного из инструментов защиты права.

¹ Характерна следующая цитата: «При невыполнении частноправовых сделок стороны, не уповав на эффективность государственно-правовых средств, обращаются к самопомощи, к физическим расправам, вплоть до наемных убийц» (см.: *Вельяминов Г.М.* Международное экономическое право и процесс (академический курс): учебник. М., 2004. С. 23).

Д.А. Торкин,

*кандидат юридических наук, доцент
Тюменской государственной академии
мировой экономики, управления и права*

Особенности российского гражданско-правового менталитета

На современном этапе продуктивное развитие науки гражданского права представляется возможным лишь при тщательном изучении реально существующих общественных отношений, регулируемых гражданским правом, с раскрытием их качества и юридически значимых свойств. Другими словами, речь идет о корректировке знания с точки зрения исследования сложившихся отношений, входящих в предмет гражданского права. Чтобы понять, по какой причине общественное отношение сформировалось или имеет тенденцию к формированию в заданном виде, потребуются, в том числе, уяснение особенностей национального характера и сложившихся традиций в понимании и использовании участниками гражданского оборота гражданско-правовых конструкций. Необходимо обратить внимание не только на гражданско-правовой инструментарий, но и на гражданско-правовой менталитет, под которым предлагается понимать субъективное отношение лица к идеям гражданского права в сочетании с его устойчивым образом мышления по поводу того, для чего и как следует реализовывать гражданско-правовые конструкции. Представляется, что это поможет по-новому осмыслить многие частные гражданско-правовые проблемы и придать дополнительный импульс развитию правовой науки в целом.

Одна из характерных черт русского¹ характера заключается в готовности претерпевать трудности и невзгоды вплоть до самопожертвования. Иногда скла-

¹ Здесь и далее слово «русский» употребляется для удобства в качестве собирательного понятия в отношении населения, проживающего на территории Российской Федерации, нисколько не умаляя того факта, что Россия объединяет судьбы не только русских, но и многих других национальностей.

дывается впечатление, что это является некоторой внутренней психологической потребностью. По весьма правильному замечанию Н.Н. Алексеева, «подобное юродство не только не есть обнаружение какого-либо достоинства, добродетели, силы, славы гордости, нравственного самоопределения, но как раз наоборот — проявление эмпирической брэнности, самовоплощение ничтожества, брэнности»¹.

Между тем частное право является естественным продолжением общества свободных, самоопределившихся личностей, осознающих свою ценность и готовых активно реализовывать себя в обороте. Не исключено, что именно «достоинство, сила, слава гордости и нравственное самоопределение», которыми Н.Н. Алексеев характеризует западно-европейское общество, являются духовной основой социума с высокоразвитыми идеями частного права. Если это так, то совместимо ли с частным правом российское «проявление эмпирической брэнности» и «самовоплощение ничтожества»? Всерьез задумавшись над этим вопросом, возникает стойкое ощущение диссонанса между традициями частного права и особенностями русского человека.

Авторитет частного права, пришедшего к нам из римского и германского права с их строгими понятиями, конфликтует с российской действительностью. В нем господствует чистая цивилистика, приведенная в формулах высокой степени абстракции, рассчитанная на восприятие профессионалов. В России имеются специалисты, адекватно и ответственно воспринимающие идеи гражданского права. Наличествуют также положения гражданского законодательства, но в масштабах страны их не так много, и они, как правило, заняты обслуживанием интересов субъектов, нуждающихся в профессиональной эксплуатации цивилистики. Положение спасает то, что обычное гражданское право, господствующее в слоях общества с обыденным правосознанием, в основном не противоречит основным вехам действующего законодательства, поэтому внешне создается впечатление, что гражданский оборот в массе своей функционирует именно благодаря нормам закона.

В России есть категория лиц, не имеющих необходимой подготовки, не понимающих требований действующего законодательства и к тому же пренебрегающих этим обстоятельством. Как ни странно, но именно данная категория лиц двигает российскую экономику. Не задумываясь всерьез о содержании заключаемых сделок, они концентрируют внимание на их исполнении и экономических результатах. Русский человек не читает условий договора. Для него главное, что есть сам договор как факт. Письменный договор воспринимается в качестве декорации более важного и почти святого: обещания, выраженного в слове, скрепленного личным присутствием и рукопожатием. Мы подписываем документы, не заглядывая в них, поскольку нам будет стыдно даже допустить мысль о том, что человек, который просит подписи, может подумать, что мы ему не верим. Натуральные обязательства, возникающие из устных договоренностей, легче всего нарушить, но именно по данной причине их ценят в России больше всего. При этом исключительная небрежность при составлении договоров легко соседствует с прямо противоположной ситуацией, когда

---

¹ Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 102.

стороны пытаются все тщательно отрегулировать, руководствуясь принципом «чем больше прописано — тем лучше». Российский оборот иногда напоминает вселенную платежных поручений, актов приема-передачи векселей, соглашений об отступном, зачетов. В нем бывает мало договорного, зато очень много неосновательного обогащения из-за всеобъемлющей и почти пугающей по масштабам доверительности.

Принцип обязательности исполнения договора очень убедительно воспроизведен во французском Гражданском кодексе, где договор между сторонами назван «законом» контрагентов. В российском гражданском обороте это правило в принципе сохраняется. Разница лишь в том, что русский человек, полностью осознавая обязательность договора, тем не менее подсознательно допускает его нарушение и не рассматривает такое нарушение чем-то заведомо предосудительным, при этом нарушение условий договора контрагентом, напротив, рассматривается как вопиющее юридическое зло.

Русский человек всегда мысленно находится над правом. Он осознает неизбежность и необходимость регламентации имущественных отношений законодательством, однако на самом деле это воспринимается как некая условность, не подменяющая обычного гражданского права. Ни договор, ни закон не возводятся в ранг «ценности в себе».

Ценность права измеряется эффективностью его функционального назначения выступать регулятором общественных отношений и приводить к реальному результату. Если такого результата не наступает или есть вероятность того, что он не наступит (например, договор не будет исполнен), русский может поступиться бережным отношением к праву и перейти к манипуляции гражданско-правовыми конструкциями ради обеспечения требуемого результата. Почти любой из нас готов пренебречь гражданско-правовой нормой, если того потребует интерес. Желание достичь результата и при этом быть «в законе» импонирует нашему сознанию. По данной причине гражданское право не всегда является рационально используемым ресурсом. Оборот наводнен юридически значимыми действиями, истинный смысл которых внешне понять невозможно, либо их смысл внешне понятен, но на самом деле подлинная функция действия совсем иная.

В общении между собой граждане, активно участвующие в гражданском обороте, не различают юридических лиц, видят только людей, которые управляют данным юридическим лицом или имеют влияние на него. Скорее всего, это обусловлено эффектом правдоискательства в процессах, происходящих в гражданском обороте. Юридическое лицо воспринимается как способ дистанцированного управления имуществом. Искусственный субъект выступает своеобразным расходным материалом. Зарегистрировать юридических лиц можно бесконечно много и в любой момент. Каждую более или менее серьезную организацию сопровождает россыпь юридических лиц без имущества, необходимых для выполнения каких-то определенных функций. По сути, российское цивилистическое ощущение юридического лица ближе к теории коллектива, однако интересуется юридическое лицо участников оборота исключительно с точки зрения фикционистского подхода.

Вероятно, данное положение дел сложилось по причине отсутствия по настоящему эффективного механизма защиты гражданских прав и в особенности механизма защиты права собственности. В таких непростых условиях идея перемещения имущественных благ, а также обеспечения себя от риска потерять (или не получить) право собственности обретает исключительную актуальность, в связи с чем отходит на второй план вопрос о том, насколько совершенно проблема обставлена соответствующей гражданско-правовой конструкцией.

Реальные отношения собственности в российском обществе не всегда увязаны с юридическим моментом. Имущество формально может принадлежать одному лицу, но это лицо не будет относиться к нему как к своему ввиду того, что фактически данное имущество было приобретено за счет другого лица, которое и будет подлинным собственником в их частных имущественных отношениях. В результате российское общество развивает явление, которое правильнее относить не к собственности, а к тотальности над вещью. Тотальность над вещью — это тоже реакция на вызов нестабильному гражданскому обороту.

Ощущение собственника у русского человека совершенно особенное, поскольку русский не находится во власти «золотого тельца», при этом он может быть жадным, но такая жадность вытекает из особого эгоизма. Как это ни странно, наш человек весьма близок к глубинным основам собственности. Основа права собственности не воспринимается им в совокупности трех правомочий. Интуитивно он различает суть собственности в состоянии принадлежности вещи определенному лицу. Вещи в таком случае выступают продолжением самого человека и не осознаются в полной мере как отделяемые от субъекта явления. По этой причине и право собственности на вещи мыслится русским как своеобразное естественное право, не являющееся производным от нормы закона. Не случайно в дореволюционном гражданском законодательстве отмечалось, что собственником является «владелец», а в современном российском быту по-прежнему сохраняется пусть и чуждое юриспруденции, но знаковое понятие — «хозяин» (никак не «собственник»), акцентирующее состояние собственности господства.

Поскольку вещь и субъект подсознательно не разделяются, русский не всегда задумывается о необходимости формализовать право собственности. Например, большинство квартир приватизировалось не для того, чтобы создать психологический фон собственника. Скорее, это делалось с целью создания необходимых условий для наследования жилого помещения либо его отчуждения по договору.

Другой пример проявляется в самовольных застройках, существующих в каждом более или менее крупном населенном пункте. Такое положение сложилось в результате двух российских особенностей — огромной территории, на которой не так остро стоит вопрос собственнического соседства, и бюрократических сложностей с получением прав на земельный участок и разрешения на строительство. Закон традиционно не предоставляет лицам, осуществившим самовольную застройку, права собственности, обязывая их произвести снос объекта. Вместе с тем хорошо известно, что ни одно лицо, осуществившее

самовольную постройку, не станет признавать, что вещь ему не принадлежит. В этом смысле владение и собственность в умах участников гражданского оборота отождествляются, но не потому, что фактический владелец не знает закона, а потому, что он *верит* в свое положение собственника еще до того, как им стал.

Русский человек не видит в другом равного себе, другими словами, русский не относится к окружающим так, как если бы на их месте был он сам. Мир русского замкнут на нем самом, внешне он не персонифицирован. Личностно русский — это часть чего-то, а не единичное. Наш человек персонифицирован внутренне в переживаниях, но это, к сожалению, не имеет гражданско-правового значения. В силу указанных причин русский человек является неудобным субъектом для цивилистики. Однако, будучи «неперсонифицированным», русский человек обладает совершенно особым экономическим эгоизмом, но не тем «немецким», который подчиняется математическим категориям свободы и двигает рыночную экономику, а каким-то первобытным, проявляющимся в особом попустительно-пренебрежительном отношении к другому лицу. Здесь плохо действуют понятия о равенстве и независимости, причем не потому, что они отрицаются, просто для них нет благоприятной среды. Кроме того, ценность гражданского права поставлена в зависимость от того, насколько эффективно оно позволяет воплотить личностное начало. Право, которое создано для всякого, русскому не так интересно. В этом смысле гражданское право — настоящее разочарование для российского народа.

Т.В. Краснова,

кандидат юридических наук, доцент

Института государства и права

Тюменского государственного университета

Прекращение законного режима имущества, нажитого в период брака

В соответствии со ст. 256 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и ст. 33, 34 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) в отношении имущества, нажитого супругами в период брака, распространяется законный режим общей совместной собственности. Указанный правовой режим, действующий к моменту расторжения брака, сохраняется в отношении данного имущества и после развода, поскольку «факт расторжения брака сам по себе не аннулирует совместный характер собственности супругов и обязанности осуществлять правомочия собственника лишь сообща, по совместному решению»¹. Таким образом, общая совместная собственность

¹ Кузнецова Л.Г. Некоторые вопросы применения законодательства о раздельном и совместном имуществе супругов // Законодательство о браке и семье и практика его применения (к 20-летию Основ и КоБС РСФСР). Свердловск, 1989. С. 51.

существует и у бывших супругов, несмотря на отсутствие соответствующего указания в законе, как это предусмотрено в п. 3 ст. 244 ГК РФ. С учетом интересов обеих категорий граждан законодатель исходит из принципиальной возможности прекращения общей совместной собственности как во время брака, так и после его расторжения. Однако реализация этой возможности связана со множеством проблем, требующих теоретического осмысления с целью выработки обоснованных рекомендаций в адрес законодателя.

Действующее семейное законодательство, регламентирующее процедуру прекращения общей совместной собственности, называет ее «раздел общего имущества супругов» (ст. 38 СК РФ), создавая тем самым серьезную терминологическую путаницу. Содержанием формулировки «раздел общего имущества супругов» охватывается и определение долей в общем имуществе супругов (к нему по общему правилу п. 3 ст. 38 СК РФ может быть сведена вся судебная процедура «раздела»), и непосредственно раздел имущества, предполагающий распределение этого имущества согласно установленным долям (в силу п. 1 ст. 254 ГК РФ предварительное определение долей в праве на общее имущество — обязательное условие для раздела). В результате приходится говорить о понимании термина «раздел» в широком и узком смыслах. Так, А.В. Слепакова отмечает, что «в результате раздела могут возникнуть как две полностью самостоятельные имущественные массы, так и две доли в имуществе, находящемся в общей долевой собственности»¹; Е.А. Чефранова определяет раздел имущества как прекращение существования общей собственности и установленные раздельной собственности².

Яркой иллюстрацией практических последствий анализируемых интерпретационных противоречий является следующий пример. Ленинский районный суд г. Тюмени Тюменской области, рассматривая спор между бывшими супругами о квартире, нажитой в период брака, отказал в применении правил п. 7 ст. 38 СК РФ об исковой давности, поскольку в исковом заявлении содержалось требование об установлении долевой собственности на квартиру, а не о ее разделе. Судом было принято решение «произвести замену отношений общей совместной собственности на отношения общей долевой собственности» со ссылкой на то, что ответчиком, настаивавшем на применении п. 7 ст. 38 СК РФ, «произведена подмена понятий “раздел совместно нажитого имущества” и “замена отношений общей совместной собственности на отношения долевой собственности”»³. Тем самым применение узкого подхода к трактовке понятия «раздел имущества» в п. 7 ст. 38 СК РФ по сути предполагает применение срока исковой давности к распределению между супругами конкретного имущества, но не к определению долей. Указанное толкование действующей редакции п. 7 ст. 38 СК РФ лишает смысла существование закрепленного в нем правила о сроке исковой давности. Отказ суда удовлетворить требование о разделе конкретного имущества согласно присужденным долям невозможен даже в связи с пропуском срока исковой давности в силу наличия п. 3 ст. 252 ГК РФ.

¹ Слепакова А.В. Правоотношения собственности супругов. М., 2005. С. 199.

² См.: Чефранова Е.А. Сделки, заключаемые между супругами // СПС «КонсультантПлюс».

³ Архив Ленинского районного суда г. Тюмени Тюменской области. Гражданское дело № 2-3020-06.

Между тем применение правил о сроках исковой давности к требованиям об определении доли каждого из супругов в отсутствие законодательно закрепленного механизма прекращения общей совместной собственности и при недостижении супругами соответствующего соглашения допускало бы ее вечное существование. Предположение о том, что истечение срока исковой давности приведет к прекращению права собственности одного из супругов на общее имущество, не основано на нормах закона. Это наиболее очевидно в случаях, когда речь идет о регистрируемом имуществе (например, квартире). Приведенные аргументы позволяют утверждать, что установление в п. 7 ст. 38 СК РФ сроков исковой давности в принципе не могло обеспечить ожидаемых последствий. Существует необходимость выработки иного механизма, позволяющего избежать длительной правовой связи между бывшими супругами в отношении имущества, нажитого в период брака, и обусловленной этим правовой неопределенности. Полагаем, что данный вывод является неизбежным результатом давних и пока еще актуальных дискуссий относительно проблемы определения начала течения сроков исковой давности к требованиям бывших супругов о разделе общего имущества.

По мнению одних авторов, исковая давность начинается с момента расторжения брака¹, с точки зрения других — с момента, когда супруг узнал или должен был узнать о нарушении своего права². Некоторые специалисты считают возможным предположить и то, что началом течения срока исковой давности является момент фактического прекращения супружеских отношений до расторжения брака, поскольку с этого момента суд вправе считать имущество супругов раздельным³. Как сказано в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 15, течение этого срока следует исчислять не со времени прекращения брака, а со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (п. 1 ст. 200 ГК РФ). Данная позиция основывается на том, что в ст. 38 СК РФ нет специального упоминания о начале течения срока давности, а ст. 9 СК РФ, регулирующая общие принципы применения исковой давности к семейным отношениям, отсылает к нормам гражданского законодательства. Однако, по мнению М.В. Антокольской, такое решение проблемы нельзя признать оптимальным: «Специфика семейных отношений часто приводит к тому, что по той или иной причине один из бывших супругов не только не предъявляет иска, но и в течение длительного времени не обращается к другому бывшему супругу с требованием о разделе»⁴. В течение всего этого периода супруг не знает и не может знать о нарушении своего права, поскольку для этого необходимо, по крайней мере, потребовать те или иные вещи и получить отказ. М.В. Антокольская отмечает тот факт, что один из бывших супругов может обратиться к другому с требованием по поводу имущества (например, через 10 лет). После получения отказа он узнает, что его права

¹ См.: Данилин В.И. Права супругов на имущество по новому советскому законодательству о браке и семье: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 16.

² См.: Поссе Е.А., Фаддеева Т.А. Проблемы семейного права: учебное-методическое пособие. Л., 1976. С. 36.

³ См.: Антокольская М.В. Семейное право: учебник. М., 2002. С. 150.

⁴ Там же. С. 151.

нарушены, и имеется еще три года для предъявления иска. В течение всех этих 13 лет второй супруг будет жить под угрозой раздела.

Практика показывает, что при этом могут быть затронуты и интересы наследников одного из супругов. Так, в исковом заявлении от 15.07.2003 г. гр-ки Л. к гражданам М., А. и С., наследникам гр-на Л., умершего 03.08.2002 г., брак с которым расторгнут истицей 23.07 1976 г., заявлено требование о разделе жилого дома, приобретенного супругами Л. в период брака без документального оформления договора купли-продажи. 01. 02 2002 г. решением суда за гр-ном Л. было признано право собственности на основании приобретательной давности. В обоснование своих требований Л. ссылаясь, в том числе, на существующие правила исчисления срока исковой давности, предусмотренного для раздела общего имущества бывших супругов, который, по ее мнению, начался с момента вступления в силу судебного решения о признании права собственности за гр-ном Л., так как именно с этого момента она узнала о нарушении своих прав.

М.В. Антокольской обоснованы преимущества исчисления срока исковой давности с момента прекращения брака: «Супруг, требующий раздела, знает, что непредъявление иска в течение трех лет после развода лишает его права на удовлетворение иска о разделе имущества, если другой супруг сошлется на истечение трехлетнего срока. С другой стороны, второй супруг, а также все лица, интересы которых могут быть затронуты разделом (кредиторы, наследники, титульные владельцы), знают, что после истечения трехлетнего срока раздел имущества больше им не угрожает»¹.

С нашей точки зрения, представляется оправданным отказ от применения правил о сроках исковой давности и установление пределов существования общей совместной собственности бывших супругов — 3 года с момента прекращения брака. Думается, что супруги, не оформившие соглашения о разделе совместно нажитого имущества и не обратившиеся с соответствующим иском в суд, согласны с фактическим распределением имущества, находящимся в их владении после расторжения брака и зарегистрированным на имя одного из них. Предлагаем предоставить супругу, во владении которого находится общее имущество, право на обращение в суд по истечении 3 лет с момента расторжения брака, где в порядке особого производства будет установлен факт прекращения общей совместной собственности. На основании решения суда регистрирующий орган будет обязан внести соответствующую запись об изменении правового режима имущества. В исключительных случаях, когда требования о разделе общего имущества не были заявлены бывшими супругами по уважительным причинам, аналогичным указанным в ст. 205 ГК РФ, справедливо предусмотреть право супруга на судебное взыскание компенсации, соответствующей стоимости имущества, которое причиталось бы ему при разделе. Вместе с этим предлагаем отказаться от употребления понятия «раздел общего имущества» в широком смысле во избежание возникающих в этой связи противоречий.

Процедура, регламентированная в ст. 38 СК РФ, должна носить название «Прекращение общей совместной собственности супругов» с учетом этой

---

¹ Антокольская М.В. Указ. соч. С. 150.

особенности во всех положениях, содержащихся в статье. Необходимо уточнение используемой в ст. 38 СК РФ конструкции «определение долей в имуществе», предполагающей определение долей *в праве* на общее имущество. Именно определение долей в праве на общее имущество должно выступать основанием прекращения законного режима имущества, нажитого в период брака. Раздел указанного имущества является основанием окончательного прекращения общности имущества, фактически он может совпадать по времени с определением долей, но юридически возможен только после него.

Самостоятельного обсуждения заслуживает вопрос о прекращении режима общей совместной собственности имущества, нажитого в период брака, по соглашению (п. 2 ст. 38 СК РФ). Отметим, что на практике возможность заключения соглашения о разделе имущества бывшими супругами иногда ставится под сомнение в связи с отсутствием специального указания в ст. 38 СК РФ, предусматривающей в качестве субъектов соглашения о разделе имущества именно *супругов*, а не бывших супругов. Аналогично, Судебной Коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ был сделан вывод о неприменении ст. 35 СК РФ к отношениям бывших супругов в связи с тем, что статья рассчитана именно на супругов, а не на иных лиц¹. Полагаем, что для решения этого вопроса определяющим является положение п.1 ст. 38 СК РФ, в соответствии с которым раздел общего имущества супругов может быть произведен как в период брака, так и после его расторжения. Действие данной нормы не ограничивается случаями обращения супругов с соответствующими требованиями в суд.

В СК РФ не закреплены правила, касающиеся формы соглашения о разделе имущества. В п. 2 ст. 38 СК РФ указано лишь, что по желанию супругов оно может быть нотариально удостоверено (п. 2 ст. 38 СК РФ). На сегодняшний день нет оснований для вывода о недействительности соглашения о разделе имущества, заключенного в устной или письменной форме. Справедливым представляется решение данного вопроса с помощью норм гл. 9 ГК РФ².

Однако нельзя обойти вниманием утверждение некоторых ученых о том, что отсутствие в законе требования об обязательности нотариального удостоверения данного соглашения нелогично, поскольку в соглашении, как в брачном договоре, закрепляется договоренность между супругами в отношении имущества, вместе с тем брачный договор подлежит обязательному удостоверению у нотариуса³. Более того, содержание соглашения о разделе имущества и содержание брачного договора, устанавливающего режим раздельности в отношении имеющегося у супругов имущества, совпадают. При этом брачный договор, в отличие от соглашения о разделе имущества, мо-

¹ См.: Определение Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 января 2005 г. №12-В04-8 // СПС «Гарант» (официально текст Определения опубликован не был).

² См.: Низамиева О.Н. Соглашение об определении долей в общем имуществе и соглашение о разделе общего имущества супругов: особенности правового регулирования // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Игнатенко А., Скрыпников Н. Брачный договор. Законный режим имущества супругов. М., 1997. С. 35.

жет быть признан недействительным полностью или частично в силу ст. 44 СК РФ, и при его заключении должны быть соблюдены требования, направленные на защиту интересов кредиторов супругов (ст. 46 СК РФ), которые можно обойти путем заключения соглашения о разделе имущества.

Ранее нами был аргументирован вывод о необходимости регулирования отношений, связанных с оформлением соглашений по поводу имущества, нажитого в период брака, с помощью норм о брачном договоре¹. Полагаем, что в настоящее время положениями о брачном договоре полностью охватывается и содержание соглашений супругов об определении долей в праве на общее имущество супругов, что объясняет отсутствие специальной регламентации таких соглашений в СК РФ. Представляется, что соответствующие корректировки должны быть внесены в ст. 74 Основ законодательства о нотариате, в которой установлен порядок выдачи нотариусом свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе супругов, нажитом во время брака и имеющимся в наличии на момент выдачи свидетельства. Данная норма была принята до введения в действие СК РФ, впервые закрепившего положения о брачном договоре, и явилась первым шагом к предоставлению супругам возможности самостоятельного определения судьбы нажитого в период брака имущества.

В условиях действия режима общности, который не мог быть изменен супругами по соглашению, указанный вопрос решался путем установления доли одного из супругов с последующей передачей их другому супругу путем заключения гражданско-правового договора (например, дарения доли в праве на конкретное имущество)². Таким образом, не являясь сторонниками идеи регулирования имущественных отношений супругов различными способами и формами³, мы признаем целесообразным вывод О.Н. Низамиевой о необходимости формирования общих норм, устанавливающих для имущественных соглашений супругов единые требования⁴.

В СК РФ не регламентируется содержание соглашения о разделе имущества. Предполагается, что главным его условием является закрепление за каждым из участников конкретных вещей из состава общего имущества. Как уже отмечалось, в соответствии со ст. 254 ГК РФ раздел общего имущества между участниками совместной собственности может быть осуществлен после предварительного определения доли каждого из них в праве на общее имущество. По справедливому мнению О.Н. Низамиевой, в соглашении о разделе имущества предварительное определение идеальных супружеских долей не обязательно, в нем могут быть просто указаны конкретные вещи, которые будут являться собственностью каждого из супругов⁵. В этом случае доли «в скрытой форме оказываются заложенными в то распределение вещей, которое согласовали супруги»⁶.

¹ См.: Краснова Т.В. Содержание брачного договора // Гражданское право. 2005. № 3. С. 41–44.

² См.: Рясенцев В.А. Семейное право. М., 1971. С. 98–99.

³ См.: Чефранова Е.А. Указ. соч.

⁴ См.: Низамиева О.Н. Указ. соч.

⁵ См.: Там же.

⁶ Гражданское право. Ч. 3 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1999. С. 305.

По нашему мнению, выводы настоящей статьи могут послужить поводом для дискуссий. Семейно-правовая наука не может остаться равнодушной к выявленным проблемам правоприменительной практики, открывающей новые возможности для совершенствования действующих семейного и гражданского законодательств. В свою очередь, законодательная и правоприменительная деятельность должна осуществляться на основе доктринальных выводов.

С.А. Девятов,
*советник РФ III класса, член-корреспондент
Российской муниципальной академии, доцент
Тюменской государственной академии мировой
экономики, управления и права*

Пути совершенствования финансового обеспечения местного самоуправления в свете реализации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»

Федеральный закон от 28 августа 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ принимался в условиях политического противостояния и стал результатом всевозможных компромиссов, приняв расплывчато-рамочный характер.

Как попытка исправить ситуацию был принят Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»², в котором законодатель попытался учесть недоработки старой редакции закона. Так в новой редакции дается новое толкование и территориальным, и организационным, и экономическим основам местного самоуправления, что может иметь далеко идущие последствия для развития этого уровня власти. Новый закон, например, не разъясняет, какими будут отношения органов местного самоуправления «нижнего» уровня, т.е. городских и сельских поселений, и будут ли они вообще с органами государственной власти. С другой стороны, ст. 131 Конституции РФ гласит: «Структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно». Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в ст. 34–42 подробно прописывает структуру органов местного самоуправления, практически не оставляя населению возможности для реализации права, закрепленного за ним Конституцией. Закон подписан гарантом Конституции.

¹ См.: СЗ РФ. 1995. № 35, ст. 3506.

² См.: СЗ РФ. 2003. № 40, ст. 3822.

Можно долго говорить о новом Законе, но остановимся на главном, без чего самостоятельности местного самоуправления в России не будет никогда, т.е. на финансах.

Местные бюджеты сегодня фактически формируются субъектами Российской Федерации. Ими устанавливаются нормативы отчислений от основных бюджетобразующих налогов, доходы изменяются исходя из состояния бюджета субъекта Федерации, жестко закрепляются не только нормативы расходов бюджетных средств, но и направления расходования каждого рубля местного бюджета. В результате местные бюджеты представляют собой сметы доходов и расходов, а не самостоятельно формируемый бюджет.

Низкая доля собственных доходов в бюджетах муниципальных образований и преимущественное их формирование за счет регулирующих налогов приводят к тому, что усилия местных органов власти по наращиванию своей доходной базы не увеличивают доходы местных бюджетов, а стабилизируют либо сокращают их. Это осуществляется органами государственной власти субъектов Российской Федерации как через снижение нормативов отчислений, так и через зачисление всех налогов от наиболее крупных налогоплательщиков в бюджеты субъекта или Российской Федерации. Причем субъекты Российской Федерации винить трудно, так как они действуют по схеме, утвержденной самой Федерацией.

При таком подходе у местных органов власти отсутствуют стимулы для наращивания налогооблагаемой базы. В самом деле, если какой-то активный глава муниципального образования сумел запустить на своей территории некое прибыльное производство и получить прибыль, то на сумму полученной прибыли ему в следующем финансовом году снизят отчисления из бюджета субъекта Российской Федерации. Поэтому логика местных глав элементарна — ничего не делая выгоднее в силу того, что оно поощряется вышестоящей властью.

Принятый новый Закон и подготовленные в соответствии с ним изменения в законодательство, регулирующие финансовые основы местного самоуправления, должны изменить ситуацию. При условии внесения изменений в Бюджетный и Налоговый кодексы Российской Федерации земля и имущество должны стать основой финансовых ресурсов муниципальных образований. Рыночные механизмы использования земли и имущества должны способствовать существенному увеличению их налоговых доходов.

Одним из путей финансового обеспечения станут межбюджетные трансферты муниципальных образований.

Ответственность за сбалансированность местных бюджетов полностью возложена на органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 52 Федерального закона № 131-ФЗ). Органы государственной власти субъектов РФ обеспечивают выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований (ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹) в ходе межбюджетных отношений.

¹ См.: СЗ РФ. 1999. № 42, ст. 5005.

Бюджетным кодексом введено расширенное понимание межбюджетных отношений как взаимоотношений между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления по вопросам регулирования бюджетных правоотношений, организации и осуществления бюджетного процесса. К ним относятся следующие отношения между органами власти разных уровней:

- по разграничению на постоянной основе (без ограничения срока) соответствующих расходных обязательств и в максимально возможной степени равнозначных им доходных источников (полностью или частично);

- по межбюджетному регулированию, т.е. возможному распределению налоговых доходов по временным (не менее чем на очередной финансовый год) нормативам отчислений между бюджетами разных уровней и перераспределению средств из бюджетов одного уровня бюджетной системы в другой в разных формах в целях реализации полномочий, возложенных на каждый уровень власти, обеспечения доступа граждан на всей территории страны к получению бюджетных услуг в объеме и качестве не ниже минимально необходимого уровня.

Основными функциями таких отношений являются выравнивание бюджетной обеспеченности тех территориальных образований, где она меньше минимально необходимого уровня (обеспечивающего соблюдение конституционных и других государственных социальных гарантий на всей территории страны), и стимулирование наращивания налогового потенциала, своевременного и полного сбора платежей в бюджет на подведомственной территории, а также рационального и эффективного их расходования. Обе функции подлежат реализации в основном в их сочетании. Межбюджетное регулирование не ограничивается выравниванием бюджетной обеспеченности территориальных образований там, где она меньше минимально необходимого уровня. В его функции входит также возмещение бюджетам дополнительных расходов или потерь доходов, вызванных решениями, принятыми органами власти другого уровня, и возможное долевое участие в расходах бюджетов нижестоящего уровня, имея в виду стимулирование приоритетных (наиболее социально значимых), с позиции вышестоящих органов власти, направлений расходования средств указанных бюджетов.

Основными инструментами межбюджетного регулирования являются:

1) установление нормативов отчислений в местные бюджеты от налогов, подлежащих зачислению в вышестоящий бюджет (бюджет субъекта Российской Федерации или муниципального района);

2) межбюджетные трансферты местным бюджетам на выравнивание их бюджетной обеспеченности через фонды финансовой поддержки и другая финансовая помощь;

3) перечисления из местных бюджетов в вышестоящие бюджеты («отрицательные трансферты» из бюджетов наиболее обеспеченных бюджетными доходами муниципальных образований).

Эти инструменты позволяют органам власти субъекта Российской Федерации обеспечить местные бюджеты собственными доходами.

В соответствии со ст. 58 Бюджетного кодекса РФ законом субъекта Российской Федерации (за исключением закона субъекта Российской Федерации о бюджете субъекта Российской Федерации на очередной финансовый год или иного закона субъекта Российской Федерации на ограниченный срок действия) могут быть установлены:

- единые для всех поселений субъекта Российской Федерации нормативы отчислений в бюджеты поселений от отдельных федеральных и (или) региональных налогов и сборов, налогов, предусмотренных специальными налоговыми режимами, подлежащих зачислению в бюджет субъекта Российской Федерации;
- единые для всех муниципальных районов субъекта Российской Федерации нормативы отчислений в бюджеты муниципальных районов от отдельных федеральных и (или) региональных налогов и сборов, налогов, предусмотренных специальными налоговыми режимами, подлежащих зачислению в бюджет субъекта Российской Федерации.

При этом нормативы отчислений в бюджеты городских округов определяются как сумма нормативов, установленных для поселений и муниципальных районов соответствующего субъекта Российской Федерации.

Кроме того, законом субъекта Российской Федерации о бюджете субъекта Российской Федерации на очередной финансовый год в счет замены дотаций из фондов финансовой поддержки муниципальных образований в порядке, предусмотренном ст. 137 и 138 Бюджетного кодекса, могут быть установлены дополнительные нормативы отчислений в местные бюджеты от налога на доходы физических лиц, подлежащего зачислению в бюджет субъекта Российской Федерации.

Законом субъекта Российской Федерации представительные органы муниципальных районов могут быть наделены полномочиями органов государственной власти субъектов Российской Федерации по установлению дополнительных нормативов отчислений от налога на доходы физических лиц, подлежащего зачислению в бюджет субъекта Российской Федерации, в бюджеты поселений, входящих в состав соответствующих муниципальных районов.

Органы государственной власти субъекта Российской Федерации обязаны установить в порядке, предусмотренном ст. 58 Бюджетного кодекса, единые и (или) дополнительные нормативы отчислений в местные бюджеты от налога на доходы физических лиц, исходя из зачисления в местные бюджеты не менее 10 процентов налоговых доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации от указанного налога.

При оценке органами государственной власти субъектов Российской Федерации налоговых доходов с целью закрепления их за местными бюджетами по единым нормативам на постоянной основе в расчет берется следующее.

1. Возможность органов местного самоуправления муниципальных образований существенным образом влиять на базу налогообложения и собираемость налогов. При этом органы государственной власти субъектов Российской Федерации сокращают практику введения налоговых ставок и льгот для разных категорий налогоплательщиков по передаваемым налогам, поскольку это приводит, в том числе, и к искажению бюджетной обеспеченности муниципалитетов.

---

2. Равномерность размещения налоговой базы по территории субъекта Российской Федерации.

3. Относительно невысокий уровень мобильности налоговой базы (способность налогоплательщика в короткие сроки на законных основаниях перенести возникновение своих налоговых обязательств по данному налоговому источнику с территории одного муниципального образования на территорию другого).

4. Непосредственная зависимость налога от уровня благосостояния (доходов и собственности) населения, проживающего на данной территории.

Как показывает практика, в наибольшей мере соответствующими рекомендуемым принципам закрепления налоговых доходов и, следовательно, наиболее подходящими для дополнительного закрепления за бюджетами муниципальных образований являются налог на доходы физических лиц и единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности.

Они достаточно равномерны и в большей степени, нежели остальные налоги, отражают уровень благосостояния граждан. Дополнительное закрепление единых нормативов отчислений именно от этих налогов за бюджетами муниципальных образований способствует повышению информированности и заинтересованности населения, проживающего на их территории, в улучшении деятельности муниципальных органов управления ввиду того, что оно (население) фактически оплачивает как содержание органов местного самоуправления, призванных организовать предоставление населению бюджетных услуг, так и сами бюджетные услуги. Как следствие, граждане будут проявлять больший интерес к тому, как тратятся их деньги, что является необходимой предпосылкой для создания реального самоуправления.

В несколько меньшей степени, в зависимости от специфики субъекта Российской Федерации, указанным требованиям могут удовлетворять такие налоги, как единый сельскохозяйственный налог, единый налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения, налог на имущество организаций.

Равномерность распределения базы налогообложения единого сельскохозяйственного налога зависит от территориального состава муниципальных образований и различий в кадастровой стоимости участков сельскохозяйственных земель, находящихся в границах муниципальных образований. Принимая во внимание в основном низкий уровень бюджетной обеспеченности сельских поселений, передача этого налога муниципалитетам может оказать и существенный выравнивающий эффект.

В отношении единого налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения, можно отметить, что по своим характеристикам он во многом близок к единому налогу на вмененный доход для отдельных видов деятельности, но его база налогообложения, как правило, менее равномерно распределена по муниципальным образованиям.

Равномерность распределения базы налогообложения налога на имущество организаций по муниципальным образованиям значительно уступает равномерности базы подоходного налога и налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности и сопоставима с равномерностью размещения базы

налога на прибыль организаций. Но, в отличие от последнего, база налогообложения налога на имущество организаций имеет весьма низкую мобильность, что удовлетворяет одному из основных доводов в пользу передачи данного налога на местный уровень.

Все остальные налоги и сборы, поступающие в бюджет субъекта Российской Федерации или бюджеты муниципальных районов, в меньшей степени подходят для дополнительного закрепления за бюджетами муниципальных образований.

Вместе с тем следует учесть, что передаваемые местным бюджетам налоговые доходы, как правило, не могут обеспечить равномерное распределение финансовых ресурсов по муниципалитетам, гарантировать определенный объем доходов муниципалитетам с низким уровнем социально-экономического развития. Эта задача должна решаться с помощью передачи налога на доходы физических лиц по дифференцированным нормативам и финансовой помощи из соответствующих фондов финансовой поддержки муниципальных образований.

Одним из способов помощи развитию городов и районов может явиться областной фонд развития муниципальных образований. Попыткой создать такой фонд можно считать издание закона от 25 декабря 1999 г. «Об областном фонде финансовой поддержки муниципальных образований в Тюменской области». Однако пока фонд является реальным рычагом помощи тем муниципальным образованиям, которые не имеют шансов на выживание, т. е. — это просто дотационный фонд.

А необходимо сформировать фонд развития муниципальных образований. Он должен работать как кредитная организация, в которой возврат кредита обязателен. Кредит должен выдаваться только на финансирование мероприятий, развивающих налогооблагаемую базу местного самоуправления, и при условии наличия бизнес-плана, гарантирующего возврат кредита.

В том виде, в котором фонд существует сегодня, он не помогает развивать налогооблагаемую базу местного самоуправления, а развращает чиновников от местного самоуправления тем, что дает им возможность существовать на деньги областного бюджета. Нужно новое положение о фонде. Нужна дирекция фонда, работа которой будет самоокупаться. То есть фонд должен быть не убыточным, а приносить прибыль, которую можно было бы расходовать на дотации.

Нужно создать фонд развития муниципальных образований по типу кассы взаимопомощи. Из этого фонда органы местного самоуправления могли бы брать деньги на реализацию перспективных (окупаемых в течение пяти-семи лет) проектов, и только под бизнес-планы, и только на возвратной основе. Преимущество перед банковскими кредитами в том, что процент в этом фонде может быть на два-три процента больше ставки рефинансирования или инфляции. То есть это дешевые кредиты, выдаваемые на возвратной основе на развитие налогооблагаемой базы муниципальных образований. Начальный капитал должен быть сформирован за счет бюджета области и в дальнейшем, по мере возврата кредитов, должен перейти на самоокупаемость.

Таким образом, предложенные пути совершенствования будут способствовать решению проблем финансового обеспечения местного самоуправления.

Е.В. Алексеева,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель Тюменской
государственной академии мировой
экономики, управления и права

Применение судами и арбитражами публично-правовых норм при признании внешнеэкономических сделок недействительными

Внешнеэкономическая деятельность, опосредуемая заключением предпринимателями сделок, осложненных иностранным элементом, подвержена интенсивному регулированию. Его комплексный характер проявляется в сочетании частноправовых и публично-правовых средств воздействия. Выделение этой особенности правового режима внешнеэкономических сделок получило признание в доктрине¹. Наряду с нормами частного права, регламентирующими горизонтальные связи участников трансграничного оборота, на их отношения воздействуют нормы нецивилистического происхождения. Посредством норм, закрепленных в актах публично-правового характера, обеспечивается защита интересов социума, государственных интересов, суверенитета и безопасности.

В любой национальной правовой системе можно выделить группу публично-правовых норм, не только регулирующих субординационные отношения между участником внешнеэкономической сделки и государством в лице его органов, но и воздействующих на горизонтальные связи юридически равных субъектов. В литературе такие нормы обозначаются терминами «публичные нормы с частноправовым эффектом»², «нормы публичного права, воздействующие на частноправовые отношения»³. На наш взгляд, эти обозначения четко отражают специфику таких норм: являясь по своей природе нормами публичного права, они содержат правила поведения, непосредственно адресованные участникам оборота, не находящимся между собой в отношениях власти и подчинения. В Российской Федерации к числу таковых могут быть отнесены нормы антимонопольного, валютного, экспортного законодательства, законодательства о внешнеторговой деятельности.

Как правило, нарушение публично-правовых норм приводит к возникновению охранительного отношения по применению мер административ-

---

¹ По мнению В.А. Бублика, само словосочетание «внешнеэкономическая сделка» призвано отражать публично-правовые характеристики данного явления, в частности необходимость определения их режима нормами валютного, таможенного, налогового законодательства (см.: Бублик В.А. Гражданско-правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации: проблемы теории, законодательства и правоприменения. Екатеринбург, 1999. С. 46).

² Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право. М., 2005. С. 56.

³ Данилова А.А. Нормы непосредственного применения (mandatory rules, lois de police, regles de application immediate) в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 13.

ной ответственности¹. В других случаях публично-правовые нормы определяют порядок исполнения прав и обязанностей сторон по сделке, обуславливают освобождение от договорной ответственности в качестве обстоятельств непреодолимой силы, а их несоблюдение может привести к недействительности сделки. В соответствии с нормами гл. 8 Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»² допускается установление особых запретов и ограничений по внешней торговле товарами, услугами, интеллектуальной собственностью. Среди них — запреты и ограничения внешней торговли в целях участия России в международных санкциях в соответствии с Уставом ООН; ограничения для поддержания равновесия платежного баланса Российской Федерации; ограничения, связанные с мерами валютного регулирования; ответные меры³.

В отличие от гражданско-правовых норм, императивные нормы отечественного публичного права (валютного, таможенного, экспортного законодательства) не допускают постановки коллизионного вопроса, гарантируя общественно значимый интерес, проведение единой политики Российской Федерации и реализацию функций государства в этой сфере. Такая «нагрузка» норм и значимость содержащихся в них предписаний требуют их соблюдения во всех случаях, когда для этого имеются условия, а также признания их приоритета во взаимодействии с другими национальными правовыми системами. Применению норм российского публичного права не может препятствовать выбор сторонами применимого к их отношению права либо отсылка коллизионной нормы к иностранному правопорядку. Представляется заслуживающим поддержки мнение о том, что независимо от разрешения коллизионного вопроса императивные публичные нормы *lex fori* являются применимыми⁴. Применение публично-правовых норм связывается с условиями для их действия — характером отношения, адресатами предписаний. Если эти необходимые условия существуют, содержащиеся в публично-правовых нормах обязывания и запреты не могут быть устранены обращением к коллизионным нормам.

¹ Как применение санкции Президиум ВАС РФ рассматривал взыскание, полученное по валютной сделке, совершенной с нарушением закона «О валютном регулировании и валютном контроле» (см.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 ноября 1998 г. № 1699/98 // Вестник ВАС. 1999. № 2).

² См.: СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4850.

³ Высшим Арбитражным Судом РФ разъяснено, что «исключительное право на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров осуществляется на основе лицензии. Сделки по экспорту и (или) импорту отдельных видов товаров, совершенные без лицензии на осуществление исключительного права на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров, являются ничтожными». (см.: Письмо ВАС РФ № С5-7/уз-60 от 22 января 2004 г. «О Федеральном законе “Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности”» (п. 8) // Вестник ВАС РФ. 2004. № 4).

⁴ Публичные нормы *lex fori* применяют при разрешении споров суды Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Нидерландов, США, Швеции, Швейцарии (см.: Кох Х., Магнус У., Винклер фон Маренфельс П. Международное частное право и сравнительное правоведение. М., 2003. С. 145, 151; Антонова Е.И. Договорные обязательства с участием иностранных субъектов: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 30).

В отличие от вопроса о действии отечественных публично-правовых норм, к настоящему времени в российской и зарубежной доктрине, законодательстве и правоприменительной практике не сложилось единого мнения о возможности применения иностранных публично-правовых норм. Один из вариантов решения состоит в том, что отсылка коллизионной нормы к иностранному правопорядку или выбор его сторонами подразумевает, что коллизия решена в пользу данной правовой системы в целом, как в отношении частноправовой, так и публично-правовой составляющих¹. Соответственно судом должны применяться все нормы права государства (признаваемого «компетентным»), предназначенные для регулирования этого отношения. В иностранных судах и арбитражах данный подход получил практическое выражение, он поддерживается и некоторыми учеными². Например, суды Германии и Голландии неоднократно рассматривали иностранную императивную публично-правовую норму *lex causae* в качестве основания недействительности договора. В некоторых прецедентах английские суды также не игнорировали недействительность договора, которая возникла из карательного публичного законодательства, являющегося правом, свойственным договору³.

Другой подход состоит в том, что при установлении действительности сделки нормы публичного права иностранных государств не принимаются во внимание. При этом ссылаются на высказывание английского судьи Менсфилда, имевшее место в 1775 г. по одному из дел: «ни одно государство никогда не считалось с налоговыми законами другого»⁴. Как следствие — публично-правовые нормы лишаются трансграничного действия и по этой причине не применяются в качестве правовых предписаний зарубежными судами. В решении № 1399/3966 арбитража при Международной торговой палате публично-правовые нормы не были приняты во внимание, так как они закреплялись правопорядком, который не являлся *lex contractus*. Договор, заключенный с нарушением таможенного законодательства, был признан действительным несмотря на его запрещенность правом места исполнения⁵.

Еще одним подходом является отказ в признании недействительной трансграничной сделки, при совершении которой не соблюдены нормы публичного права, и квалификация ее в качестве неисполнимой. Изначально вид неисполнимого договора как лишенного исковой защиты возник в общем праве.

¹ См., напр.: Закон Швейцарии «О международном частном праве» (ст. 13) // Международное частное право: Иностранное законодательство / сост. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М., 2001; Закон Украины «О международном частном праве» от 23 июня 2005 г. № 2709-IV (п. 2 ст. 6) // Журнал международного частного права. 2006. № 1; Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств «Гражданский кодекс» от 17 февраля 1996 г. (п. 4 ст. 1194) // Приложение к Информационному бюллетеню. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 1996. № 10. С. 3–84.

² См., напр.: *Мосс Д.* Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 65.

³ См.: *Вольф М.* Международное частное право. М., 1948. С. 196.

⁴ Цит. по: *Эбке В.Ф.* Международное валютное право. М., 1997. С. 110.

⁵ См.: *Жильцов А.Н.* Применимое право в международном коммерческом арбитраже (императивные нормы): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 167.

В Российской Федерации к категории неисполнимых сделок можно отнести сделки из игр и пари. Неисполнимость сделки означает, что права и обязанности по ней могут быть исполнены только добровольно, правоприменительные органы обязаны отказать в их принудительной реализации. Тем самым неисполнимые договоры — это те обязательства, которые не наносят ущерба обороту в целом, не нарушают прав участников существенным образом (иначе требовалась бы реализация защитной и восстановительной функций гражданского права).

Отнесение сделки к категории неисполнимых при несоблюдении публично-правовых норм имеет место в п. «b» разд. 2 ст. VIII Соглашения о Международном валютном фонде. В силу этой нормы валютные контракты, заключенные в нарушение валютного законодательства государства-члена, лишены исковой силы на территории любого из государств-членов: они не незаконны, но не могут быть принудительно исполнены. В иностранной судебной практике имеются примеры реализации данного подхода¹.

Представляется, что при разрешении проблемы влияния публично-правовых норм на действительность внешнеэкономической сделки следует учитывать следующие обстоятельства. Прежде всего, нормы публичного права выражают «официально признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит приоритетным условием и гарантией ее существования и развития»². Такая направленность публично-правовых норм, содержащих требования к сделкам, чаще всего приведет к неадекватности оценки в качестве неисполнимой сделки, сопряженной с отступлением от них. Даже добровольное исполнение такой сделки может иметь негативные последствия, причинять вред общезначимым ценностям. Далее, действие публично-правовых норм территориально и персонально ограничено. Данные нормы выражают суверенитет принявшего их государства, предполагают подчиненность адресатов этих норм властной сфере государства. Как правило, совокупность норм публичного права является составляющей «публичного порядка» государства. И если иностранный правоприменительный орган вынесет решение, что, несмотря на существование публично-правовых запретов, сделка действительна и исполнима, в его признании и исполнении может быть отказано по основаниям публичного порядка (например, ст. 244 АПК РФ). Кроме того, коллизионные правила разрешают столкновения между правовыми нормами, регулируемыми отношения частных лиц, но не создают и не прекращают обязанностей в публично-правовой сфере. На основании указанного и с учетом особой значимости интересов и ценностей, охраняемых посредством ряда публично-правовых норм, последствия несоблюдения которых определяются частноправовыми охранительными механизмами, следует согласиться с теми авторами³, которые относят их к категории сверхимперативных

¹ Например, решение Верховного земельного суда Дюссельдорфа от 16 февраля 1983 г. (см.: Данилова А.А. Указ. соч. С. 99).

² Тихомиров Ю.А. Публичное право: падения и взлеты // Государство и право. 1996. № 1. С. 6.

³ См.: Бардина М.П. Государственное регулирование внешнеторговой деятельности и внешнеторговые контракты // Международное публичное и частное право. 2005. № 6. С. 2; Данилова А.А. Указ. соч. С. 110; Жильцов А.Н. Указ. соч. С. 8.

норм в смысле ст. 1192 ГК РФ. При этом влияние на динамику внешнеэкономических связей могут оказывать публично-правовые нормы тех правопорядков, которые объективно могут претендовать на регулирование отношения. Таковыми являются правопорядки государств, в которых проявятся негативные последствия исполнения внешнеэкономической сделки: право государства, суд которого разрешает спор; право стран, с которыми сделка тесно связана, на территории которых она подлежит исполнению. Полагаем, что вследствие принципиально иных адресованности и целеполагания применение публично-правовых норм обязательственного статута, избранного сторонами в качестве «нейтрального» права, требуется исключить. Обращение к нормам публичного иностранного права в обозначенных ситуациях не становится выражением экстерриториального действия суверенитета принявшего их государства, если учитывается лишь их частноправовой эффект, влияние на существование и реализацию спорного договорного отношения. В этом случае содержание публично-правовых норм определяет квалификацию сделки опосредованно, через частноправовые нормы о недействительности.

Достаточно остро в свете развития третейского порядка разрешения споров стоит проблема допустимости применения арбитражами норм публичного права государств, претендующих на регулирование отношения¹. Как известно, арбитраж некомпетентен разрешать собственно публично-правовые споры (т.е. споры между государством в лице его органов и участником внешнеэкономической сделки) ввиду их исключительной подведомственности государственным судам. Однако при рассмотрении арбитражем спора гражданско-правового характера стороны внешнеэкономической сделки могут ссылаться на публично-правовые нормы в обоснование своей позиции. Например, в споре о принуждении к исполнению обязательства ответчик указывает на препятствия для исполнения — недействительность сделки в силу противоречия ее нормам публичного права. В этом случае арбитраж разрешает спор, переданный ему в соответствии с арбитражной оговоркой, по поводу взаимоотношений юридически равных и автономных участников, но принимаемое им решение может затрагивать интересы неопределенного круга лиц, государственные интересы.

По проблеме допустимости применения арбитражем норм публичного права отсутствует общепризнанная точка зрения. В.Н. Ануров предлагает считать споры о признании сделок недействительными в силу нарушения публичных норм неарбитрабельными, как это иногда производится в иностранной правоприменительной практике². Такое решение позволит, по его мнению, не до-

¹ См.: Дандэс Х. Сибирский вклад в английское право: публичный порядок, незаконность и принудительное исполнение решений международных арбитражей. Дело Sonico S.A.C.I против Новокузнецкого алюминиевого завода и последующие дела // Международный коммерческий арбитраж. 2003. № 3.

² Итальянский суд апелляционной инстанции указал, что спор по поводу прекращения международного коммерческого договора в связи с введением ООН запрета на торговлю с Ираком не может быть рассмотрен арбитражем, поскольку его решение может повлиять на права, которыми стороны не могут распоряжаться, — права третьих лиц и неограниченного круга лиц. (см.: Ануров В.Н. Допустимость третейского соглашения // Третейский суд. 2005. № 4. С. 111).

пускать злоупотреблений сторон и скрывать то, что они вместе либо одна из них пытается добиться принудительного исполнения противозаконного договора, а это будет способствовать более четкому разграничению компетенции государственных и негосударственных судов¹.

В таком подходе, на наш взгляд, заслуживает поддержки то, что третейский суд не выполняет не свойственные ему функции защиты и охраны прав неограниченного круга лиц, устраняется от вынесения решений, способных затрагивать государственные и общезначимые интересы. Но эффект от его реализации наступает, лишь если ответчик обратится в государственный суд с иском о признании сделки недействительной по основаниям нарушения публично-правовых норм. В тех же случаях, когда такого обращения в суд не последует (например, из-за нежелания раскрывать факт нарушения и нести административную, уголовную ответственность), арбитраж, не наделенный правом применять публично-правовые нормы и устанавливая частноправовые последствия их нарушения, продолжит рассмотрение дела и вынужден будет разрешить его по заявленным требованиям.

В некоторых из рассмотренных споров Международный коммерческий арбитражный суд при Торогово-промышленной палате РФ (МКАС при ТПП) исходил из того, что вопрос о недействительности договора могут ставить только его стороны, но не состав арбитража². Тем самым предполагается, что инициатива признания сделки действительной или недействительной принадлежит ее сторонам, являющимися одновременно участниками разбирательства. В этом проявляется одна из особенностей третейского порядка рассмотрения споров — связанность международного коммерческого арбитража усмотрением сторон, их заявлениями и действиями. Отсутствие заявлений стороны спора о недействительности внешнеэкономической сделки, непредставление доказательств ее порочности приведут к тому, что арбитраж будет рассматривать ее как действительную, связывающую стороны обязательством.

Иностранная правоприменительная практика уже сталкивалась со злоупотреблениями правом на определение органа, компетентного рассматривать споры. В целях «легализации» внешнеэкономических сделок, связанных с нарушением публично-правовых норм о запрете контрабанды, взяточничестве, они передавались на рассмотрение арбитража, который, будучи связанным соглашением сторон и их поручением, фактически должен разрешить спор и вынести решение о понуждении одной из них к исполнению противозаконного

¹ Иск о признании сделки недействительной в связи с нарушением публично-правовых норм этот автор предлагает изначально подавать в государственный суд. Если же вопрос о наличии оснований недействительности сделки публичного характера возник в связи с возражениями ответчика при производстве в арбитраже, то арбитраж не должен принимать их во внимание и обязан приостановить производство по делу, если намерения ответчика серьезны (когда он обратился в государственный суд с соответствующим иском). При удовлетворении такого иска государственным судом арбитраж прекратит производство по делу в связи с отсутствием компетенции (см.: *Ануров В.Н.* Указ. соч. С. 122–124).

² См., напр.: Решения МКАС при ТПП РФ от 19 декабря 2006 г. по делу № 35/2006; от 5 июля 2006 г. по делу № 116/2005; от 16 марта 2005 г. № 155/2003 [Электронный ресурс]. Документы опубликованы не были, СПС «Консультант Плюс».

договора¹. Окончателность третейского решения, ограниченность его оценки судом, признающим и приводящим его в исполнение (как известно, оцениваются лишь последствия приведения решения в исполнение, но не правильность разрешения спора и применения правовых норм, полнота установления обстоятельств) не всегда позволят установить допустимость исполнения обязательства, ненарушение им общезначимых интересов.

В большей степени потребностям практики и особенностям публично-правовых норм с частноправовым эффектом отвечает иное решение проблемы их применения международными коммерческими арбитражами. Споры, возникающие по поводу гражданско-правовых последствий, вытекающих из публичных правоотношений, могут быть предметом арбитражного разбирательства. При этом арбитраж вправе применять публично-правовые нормы, если они имеют частноправовой эффект². В обоснование этой позиции можно указать на то обстоятельство, что решение арбитража должно соответствовать публичным нормам государства, в котором оно выносится и в котором подлежит исполнению. Положительным в этом случае становится то, что можно не допустить конфликта между общезначимыми и частными интересами, государственной юрисдикцией и третейским порядком разбирательства, правильно и справедливо установить права и обязанности сторон, своевременно защитить их интересы. Так, перед МКАС при ТПП РФ при рассмотрении спора между юридическими лицами, имеющими местонахождение на территории России и на территории Германии, возник вопрос о применении публично-правовых норм валютного законодательства, соответствии им условий внешнеэкономической сделки и практики сторон. В решении по делу указывается, что «с точки зрения состава арбитража было бы некорректным придавать нечетко сформулированным положениям Контракта такое толкование, при котором Контракт вступал бы в противоречие с публично-правовыми требованиями законодательства места нахождения одной из сторон Контракта»³. Эта позиция состава арбитража, который учел содержание публично-правовых норм российского законодательства, представляется правильной. С одной стороны, арбитраж не вмешивался в решение вопросов, которые ему неподведомственны, с другой — обязательства сторон установлены и квалифицированы надлежащим образом.

В силу изложенного можно выделить условия, устанавливающие границы для применения публично-правовых норм с частноправовым эффектом как арбитражами, так и государственными судами (в том, что касается иностранных норм). Прежде всего, это направленность и адресованность нормы, зак-

¹ К примеру, дела *Soleimany v. Soleimany*, *Eco Swiss v. Benetton* (см.: *Ануров В.Н.* Указ. соч. С. 122–123. Факты злоупотреблений правом передавать споры по поводу внешнеэкономических сделок на рассмотрение международного коммерческого арбитража, недобросовестного использования процессуальных прав известны МКАС при ТПП РФ (см.: Решение МКАС при ТПП РФ от 23 марта 2007 г. № 41/2006 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был, СПС «Консультант Плюс»).

² См.: *Жильцов А.Н.* Указ. соч. С. 8–10.

³ Решение МКАС при ТПП РФ от 17 декабря 2007 г. по делу № 35/2007 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был, СПС «КонсультантПлюс».

репленной в публично-правовом акте, на регулирование непосредственно отношений субъектов частного права — сторон внешнеэкономической сделки. Затем обеспечение принципов суверенитета и невмешательства, что имеет следствием недопустимость решения вопроса о правах и обязанностях сторон сделок по отношению к государству. И последнее — это заявление стороны спора, заинтересованной в наступлении частноправовых охранительных последствий нарушения нормы публичного права.

Л.В. Иванова,
*аспирант Тюменской государственной
академии мировой экономики,
управления и права*

Регламентация эксцесса исполнителя преступления в странах мусульманского права

Действующее уголовное законодательство большинства арабских стран не содержит норм, определяющих понятие «эксцесс исполнителя преступления»¹. Вместе с тем в странах, где существуют кодифицированные законодательные акты (в частности, в Судане, Бахрейне, Объединенных Арабских Эмиратах, Ираке, Пакистане), регламентируется ответственность соучастников за совершение исполнителем иного преступления. Определение же термина «эксцесс исполнителя преступления» дается в теории уголовного права и судебной практики. Так, Камель Аль-Саид пишет: «Эксцесс исполнителя означает совершение исполнителем преступных действий, которые не были согласованы с другими соучастниками»². Такое отклонение возможно в случаях, когда исполнитель в процессе реализации общего преступного замысла встречает непредвидимые осложнения и для преодоления их выбирает способ, который сам по себе образует преступление. Сходное определение эксцесса исполнителя содержится в работах Абуд Аль-Саража, который отмечает, что соучастник не отвечает за действия другого соучастника, если отсутствуют элементы его соучастия во втором преступлении, особенно психическая и волевая связь³. Как видно, в теории арабского уголовного права при характеристике эксцесса исполнителя преступления основное внимание уделяется субъективным критериям: отсутствию согласования, психической, волевой связи.

В законодательных положениях об ответственности соучастников при эксцессе исполнителя преступления также прослеживается субъективный критерий — «вероятность предвидения последствия». Согласно ст. 43 Уголовного кодекса Египта 1937 г. «кто соучаствовал в совершении преступления, подлежит

---

¹ См.: *Нагиб Али Сейф*. Соучастие в преступлении по уголовному праву арабских стран: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 114.

² Цит. по: Там же.

³ См.: Там же.

ответственности за любое другое преступление, которое было совершено, хотя он и не намеревался его совершить, но совершение которого было предвидимым последствием его подстрекательства, соглашения или пособничества». По смыслу данной нормы в каждом конкретном случае суду необходимо выяснять возможность предвидения соучастником последствий своих действий для исполнителя. В целом такой подход согласуется со сложившейся в данной стране теорией соучастия.

Судебная практика Иордании придерживается аналогичной позиции. Так, Нагиб Али Сейф приводит одно из решений Кассационного Суда Иордании: «Если была договоренность с исполнителем о краже, а вор, проникший в чужое помещение для похищения вещей, применит насилие к хозяину, то его подстрекателю и пособнику грозит наказание за кражу, однако если будет доказано, что ими учитывалась такая возможность, то те будут отвечать и за второе преступление»¹.

В Уголовном кодексе Ирака 1969 г.² вопросам соучастия посвящена гл. 3, в которой дается понятие исполнителя преступления и соучастника преступления посредством перечисления действий, совершаемых ими, предусмотрены особенности ответственности соучастников, рассматривается и сговор на совершение преступления. В ст. 53 — 54 УК Ирака содержится норма, относящаяся к эксцессу. Так, сторона преступления, исполнитель или соучастник, подлежит только наказанию штрафом за преступление, фактически совершенное, даже при том, что он не намеревался совершить преступление, но преступление, которое совершено, является вероятным последствием его участия в нем (ст. 53). Если намерение стороны преступления, исполнителя или соучастника, или его знание о преступлении отличаются от намерения других сторон преступления или степени их знания этого, тогда каждый из них будет наказуем согласно их намерению или степени их знания о преступлении (ст. 54).

Таким образом, вопрос об ответственности соучастника при совершении другим соучастником иного преступления решается с позиции «вероятного последствия», что свидетельствует о признании наличия причинной связи между действиями соучастников и достигнутым результатом в широком ее понимании, что позволяет вменить в вину соучастника действия других соучастников при совершении иного преступления. Однако положительным моментом выступает то, что соучастник, не намеревающийся совершить именно это преступление, не подлежит такому же наказанию как лицо, фактически совершившее преступление. Применение такого правила возможно, если намерения сторон первоначально совпадали, так как при различных намерениях соучастников, при отсутствии знания о совершаемом преступлении ответственность соучастников за подобные действия исключается по нормам ст. 54 УК Ирака.

При решении вопроса об эксцессе исполнителя в других азиатских странах также используется правило «вероятного последствия». Так, соучастник подлежит ответственности за реально исполненное преступление, если в

¹ Нагиб Али Сейф. Указ. соч. С. 118.

² См.: Уголовный кодекс Ирака 1969 г. [Электронный ресурс] // Iraqi Penal Code. URL: http://www.law.case.edu/saddamtrial/documents/Iraqi_Penal_Code_1969.pdf (дата обращения: 09.06.2008).

действительности совершенное деяние, по мнению суда, было вероятным последствием для «разумного человека»¹.

Уголовный кодекс Пакистана 1860 г.² не содержит понятий «соучастие», «виды соучастника», однако в нем содержатся нормы, предусматривающие ответственность соучастников, при этом особо подчеркивается необходимость наличия общности их намерений. Согласно ст. 34 УК Пакистана, когда преступное действие совершено несколькими лицами с целью содействия осуществления общего намерения всех, каждое такое лицо несет ответственность за это действие в той же самой степени, как если бы оно было совершено им одним.

Ст. 35 УК Пакистана предусматривает, что всякий раз, когда действие, которое является преступным только по причине того, что оно было осуществлено с преступным знанием или намерением, выполнено несколькими лицами, которые участвуют в этом действии с таким знанием или намерением, то они ответственны за это действие в той же самой степени, как если бы действие было выполнено ими единолично со знанием или намерением. Интерес представляет норма закона, предписывающая, что лица, заинтересованные в преступном действии, могут быть виновными в различных преступлениях. Так, в соответствии со ст. 38 УК Пакистана в случае, когда несколько человек вовлечены или заинтересованы в совершении преступного действия, они могут быть признаны виновными в различных преступлениях посредством совершения этого действия. И далее приводится пример: *A* нападает на *Z* при таких обстоятельствах серьезной провокации, что смерть *Z* повлекла бы его вину только в причинении смерти (homicide) не составляющем, убийства (murder). *B* из-за неприязненных отношений к *Z* и намереваясь убить его, причем не будучи в состоянии провокации, помогает *A* в убийстве *Z*. Здесь, хотя *A* и *B* вместе причиняют смерть *Z*, *B* виновен в убийстве (murder), а *A* виновен только в виновном причинении смерти (homicide).

На основании изложенных норм можно сделать вывод, что уголовное законодательство Пакистана при решении вопроса об ответственности в условиях эксцесса исходит из наличия у соучастников общего намерения, знания о таком преступлении, причем признает возможность отклонения соучастника и в субъективной сфере. Аналогичные нормы (ст. 34, 35, 38) содержатся в УК Малайзии 1997 г.³ (первоначально акт был принят в 1936 г., однако впоследствии был пересмотрен, и измененная редакция вступила в силу с 07.08.1997 г.), в УК Судана от 31.12.2003 г. (ст. 78, 79, 81)⁴.

¹ См.: Лихачев В.А. Уголовное право в освободившихся странах (сравнительное исследование). М., 1988. С. 80.

² См.: Уголовный кодекс Пакистана от 06.10.1860 г. [Электронный ресурс] // Pakistan Penal Code XLV of 1860. URL: <http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/refworld/rwmain?docid=46b9abf02> (дата обращения: 09.06.2008).

³ См.: Уголовный кодекс Малайзии от 07.08.1997 г. [Электронный ресурс] // Penal Code. URL: <http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/refworld/rwmain?docid=3ae6b5cf0> (дата обращения: 09.06.2008).

⁴ См.: Уголовный кодекс Судана от 31.12.2003 г. [Электронный ресурс] // The Penal Code, 2003 (Sudan). URL: <http://www.unsudanig.org/docs/The%20Penal%20Code%20Act,%202003.pdf> (дата обращения: 09.06.2008).

Уголовное законодательство Объединенных Арабских Эмиратов и Бахрейна выделяет такие виды соучастников, как исполнитель и собственно соучастники, к которым относятся подстрекатель, сговорщик и пособник (ст. 43, 44 УК Бахрейна, ст. 44, 45 УК ОАЭ). Решение вопроса об ответственности за соучастие связано с влиянием обстоятельств, относящихся к ответственности исполнителя, на соучастников. В уголовно-правовой литературе различают реальные и личные обстоятельства. По мнению Абдель-Вахаба Хомада, реальные обстоятельства — это те обстоятельства, которые имеют отношение к материальному элементу преступления. Такие обстоятельства действуют в отношении как исполнителей, так и соучастников, независимо от того, осознавали они их или нет. Например, соучастники договорились о совершении простой кражи, но по каким-то причинам исполнитель совершил ее со взломом или с оружием, что отягчает ответственность. В этом случае соучастники несут ответственность за квалифицированную кражу¹.

Аналогичные положения находят отражение и в уголовном законодательстве. Так, согласно ст. 47 Уголовного кодекса Бахрейна реальные обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность, распространяются на соучастников, независимо от осознания ими наличия таких обстоятельств. Уголовный кодекс ОАЭ в ст. 49 закрепляет аналогичное положение, однако указывает не только на реальные обстоятельства, смягчающие ответственность, но и на реальные обстоятельства, отягчающие ответственность.

Заслуживает внимания рассмотрение уголовных кодексов стран, не относящихся непосредственно к семье мусульманского права, но где так или иначе применяется мусульманское право, религиозные нормы, обычное право, что делает их схожими со странами мусульманского права как системы норм, выраженных в религиозной форме.

В ряде африканских стран вопрос об уголовной ответственности при эксцессе исполнителя решается также с позиции «предвидимого последствия». Речь идет о предвидении соучастниками не только фактических обстоятельств, но и намерений исполнителя². К примеру, согласно ст. 35 УК Эфиопии в случае, когда фактический исполнитель преступления выходит за пределы того, на что рассчитывал подстрекатель, последний подлежит наказанию только за то преступление, которое он мог предвидеть.

Согласно ст. 23 Уголовного кодекса Танзании 1945 г.³, когда два и более лица намерены осуществить незаконную цель в союзе друг с другом, и в процессе достижения такой цели совершается преступление такой природы, что его совершение было вероятным последствием достижения данной цели, каждый из них считается совершившим данное преступление. При этом особо отмечается, что когда лицо советует другому совершить преступление и преступление в действительности совершено лицом, которому был дан такой со-

¹ См.: *Набиль Абдельрахман Аль-Асуми*. Преступление и наказание по уголовному праву Бахрейна и Объединенных Арабских Эмиратов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 83.

² См.: *Лихачев В.А.* Указ. соч. С. 83.

³ См.: Уголовный кодекс Танзании от 28.08.1945 г. [Электронный ресурс] // Penal Code, Cap 16, 1945 (United Republic of Tanzania). URL: <http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/refworld/rwmain?docid=3ae6b5de0> (дата обращения: 09.06.2008).

вет, неважно было ли в действительности совершено преступление такое же, как советовали, или иное, способом, который советовали, или иным путем, считается в любом случае, что факты, составляющие преступление, совершенное в действительности, являлись возможным последствием осуществления совета (ст. 24 УК Танзании). Получается, что совет лица совершить преступление в данном случае рассматривается как непосредственная причина, толчок к совершению исполнителем противоправного деяния, причем любого вида, даже если преступление, к которому склоняли, не было в итоге совершено, что приводит к вменению подстрекателю любых действий исполнителя, вне зависимости от его вины и осознания действий исполнителя.

Довольно подробно рассмотрен вопрос об ответственности соучастников при совершении исполнителем иного, чем планировалось, преступления в Уголовном кодексе Ганы 1961 г.¹, причем в правовом акте содержатся примеры, иллюстрирующие отдельно взятые случаи.

Следует отметить, что УК Ганы не проводит деления соучастников на подстрекателей, пособников, организаторов, а использует единый термин «соучастник» (ст. 20). В соответствии с ч. 1 ст. 21 УК Ганы, когда лицо соучаствует в совершении определенного преступления или соучаствует в преступлении против или в отношении определенного лица или предмета и исполнитель в действительности совершает другое преступление или совершает преступление против или в отношении другого лица или предмета, или способом, отличным от того, который охватывался намерением соучастника, должны применяться следующие положения:

а) если получается, что реально совершенное преступление не являлось возможным последствием усилий соучастника или существенно отличается от преступления, в котором намеревался участвовать соучастник, или не охватывается рамками предполагаемого соучастия, соучастник подлежит наказанию за соучастие в преступлении, которое он намеревался совершить, в размере, определяемом настоящей главой в отношении соучастия в преступлении, которое в действительности не было совершено. Так, в случае если *A* подстрекает *B* совершить разбой посредством угроз, без насилия над *C*, а *B* в попытке совершить разбой убивает *C*, то *A* виновен только в соучастии в разбое, но не убийстве;

б) в остальных случаях соучастник считается способствующим совершению преступления, которое в действительности было совершено, и должен быть наказан соответствующе. Например, если *A* подстрекает *B* украсть лошадь, а *B* при осуществлении подстрекательства получает лошадь посредством ложных отговорок, то *A* виновен в соучастии в преступлении, совершенном *B*.

Согласно ч. 2 ст. 21 УК Ганы, если лицо соучаствует в мятеже или незаконном сборище со знанием, что намеренно или вероятно будет применено незаконное насилие, он виновен в соучастии насилия любого вида или степени, примененного любым другим лицом во исполнение целей мятежа или сборища, хотя он явно

¹ См.: Уголовный кодекс Ганы от 12.01.1961 г. [Электронный ресурс] // Criminal Code (Amendment) Act, 2003 (Act 646). (Ghana). URL: <http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/refworld/rwmain?docid=44bf823a4> (дата обращения: 09.06.2008).

и не намеревался соучаствовать в насилии данного вида или степени. Так, в том случае, когда лица объединились вместе в целях взломать тюрьму и освободить заключенного силой и кто-либо из них вооружен, если убийство будет совершено одним из них во время взлома тюрьмы, то все лица, вооруженные или нет, кто принял непосредственное участие или иным образом способствовал взлому тюрьмы, будут виновны в соучастии в убийстве, если они знали, что имелось оружие, которое намеренно или вероятно будет применено. Следовательно, УК Ганы воспринял не только идеи «предвидимого последствия», но и наличия у соучастника определенного знания, в частности в отношении наличия у другого соучастника оружия, что обнаруживает определенное сходство в регулировании подобных случаев с английским уголовным правом.

Таким образом, в странах мусульманского права, африканских странах в уголовных кодексах не закрепляется понятие эксцесса как такового, однако содержатся нормы, касающиеся ответственности соучастников при совершении исполнителем другого преступления. При этом данный вопрос решается с позиции предвидимого или вероятного последствия либо с позиции наличия общего намерения, знания. Указанные правила позволяют вменить в вину соучастника действия других соучастников даже при совершении ими иного, чем планировалось, преступления. Вместе с тем наличие непосредственно в тексте некоторых нормативных правовых актов примеров практического применения той или иной нормы способствует уяснению ее истинного смысла, помогает избежать двойного толкования.

Д.С. Барзилов,
*соискатель Саратовской государственной
академии права*

Правовые аспекты регулирования налоговых отношений

Налоговое право, как известно, относится к подотрасли финансового права, которая объединяет совокупность финансово-правовых норм, регулирующих значимый по объему и содержанию блок общественных отношений, возникающих в процессе установления, введения и взимания налогов и сборов с организаций и физических лиц в бюджетную сферу или в государственные внебюджетные фонды; применения мер финансово-правовой ответственности за нарушение налогового законодательства; осуществления налогового контроля; обжалования актов налоговых органов, действий (бездействий) их должностных лиц. Данные отношения имеют волевой, публично-правовой характер, связаны с иерархическими отношениями субъектов и соответствующей субординацией правовых актов и норм¹.

В зависимости от заложенных в юридической норме средств правового воздействия норме права присущ императивный, диспозитивный, поощрительный или рекомендательный метод регулирования². Императивный и диспозитивный методы правового регулирования характерны как для отраслей частного, так и публичного права, что неоднократно подчеркивалось рядом исследователей³.

В сфере налоговых отношений императивный метод правового регулирования применяется, например, в отношениях по установлению, введению и взиманию налогов и сборов, а также отношениях, возникающих в процессе осуществления налогового контроля, обжалования актов налоговых органов, действий либо бездействий их должностных лиц, привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений и т. д. Применение различного рода запретов, приостановлений, ограничений и т. п. тесным образом связано с

¹ См. подробнее: *Химичева Н.И., Покачалова Е.В.* Финансовое право: учебно-методический комплекс. М., 2007; *Финансовое право: учебник для вузов / под ред. Н.И. Химичевой.* Изд. 3-е, перераб. М., 2006.

² См. подробнее: *Байтин М.И., Петров Д.Е.* Метод регулирования в системе права: виды и структура // *Журнал российского права.* 2006. № 4; *Их же.* Система права: к продолжению дискуссии // *Государство и право.* 2003. №1; *Основные отрасли современного российского права // Право и политика.* 2004. №1.

³ См., напр.: *Химичева Н.И.* Налоговое право. М., 1997; *Финансовое право: учебник / под ред. Н.И. Химичевой.* М., 2000; *Старилов Ю.Н.* Административное право. Воронеж, 1998; *Карасева М.В.* Финансовое правоотношение. Воронеж, 1997.

деятельностью налоговых органов, основной функцией которых является осуществление контроля за полнотой, своевременностью и правильностью уплаты налогов. Налоговые органы имеют право проводить налоговые проверки, затребовать необходимые документы, проводить осмотры и инвентаризации, требовать от налогоплательщиков, налоговых агентов, их представителей устранения выявленных нарушений законодательства о налогах и сборах, контролировать выполнение указанных требований и т.п. (ст. 31 Налогового кодекса РФ). Таким образом, налоговые органы наделены широким кругом полномочий по применению принудительных мер государственного воздействия к нарушителям налогового законодательства. Необходимо помнить, что для налогообложения приоритетными выступают общегосударственные, публичные интересы над интересами частными. Налоги носят фискальный характер, их основная цель заключается в обеспечении государства финансовыми ресурсами для реализации публичных задач и функций.

Вместе с тем нельзя забывать и о важности существования диспозитивного метода правового регулирования налоговых отношений, когда диспозитивные нормы предписывают тот или иной вариант поведения, предоставляя, однако, возможность субъектам в пределах установленных законом средств урегулировать отношения по собственному усмотрению, и только в случае, если они не сделают этого, предписывается определенный вариант поведения. Диспозитивный метод дает субъектам возможность выбора вариантов поведения в рамках закона¹.

«Диспозитивное регулирование правоотношений, — верно подчеркивает И.В. Рукавишникова, — предполагает, что участники находятся в равном, равноправном положении, наделяются правом выстраивать свои взаимоотношения на взаимовыгодных, эквивалентных условиях или отказаться от участия в подобных отношениях»².

Элементы диспозитивности содержатся в ряде статей Налогового кодекса РФ. Налогоплательщик по своему выбору может определять налоговую и учетную политику, использовать налоговые льготы (ст. 21 Налогового кодекса РФ), участвовать в налоговых правоотношениях лично или через представителя (ст. 26 Налогового кодекса РФ). В сфере налогообложения используются и некоторые договорные формы, в частности соглашения, связанные с изменением срока уплаты налогов и сборов, а также залогом и поручительством. Так, в юридической литературе залог и поручительство ряд авторов относит к диспозитивным способам обеспечения исполнения налоговой обязанности. Они применяются во взаимоотношениях между государством и налогоплательщиком, но не являются тождественными одноименными способами, используемыми в гражданско-правовом обороте. Залог и поручительство в качестве способов обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов и сборов обеспечивают сотрудничество добросове-

¹ См. подробнее: *Матузов Н.И.* О принципе «все, не запрещенное законом, дозволено» // Советское государство и право. 1989. №8; *Его же.* Еще раз о принципе «не запрещенное законом, дозволено» // Правоведение. 1999. №3; *Витченко А.М.* Метод правового регулирования общественных отношений. Саратов, 1974.

² *Рукавишникова И.В.* Метод финансового права / отв. ред. Н.И. Химичева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 80.

стного налогоплательщика с налоговым органом. Использование залога или поручительства в налоговых правоотношениях инициирует именно налогоплательщик (ст. 73-74 Налогового кодекса РФ).

Следует отметить, что, говоря об обеспечении исполнения налоговой обязанности при помощи залога, законодатель употребляет формулировку «может быть обеспечена», из чего следует сделать вывод о факультативности избрания такого способа обеспечения исполнения налоговой обязанности. Таким образом, основанием для возникновения залога в налоговых правоотношениях является договор. При отсутствии в договоре о залоге сведений, индивидуально определяющих заложенное имущество, договор о залоге не может считаться заключенным.

Кроме того, диспозитивность проявляется и в целом ряде взаимодействий, которые инициируются самими участниками налоговых правоотношений: зачет переплаченных налогов, обжалование незаконных действий должностных лиц налоговых органов и т. д.

Элементы диспозитивности проявляются в ряде императивных норм налогового законодательства, регламентирующих, например, порядок исчисления налога. Так, согласно ст. 52 Налогового кодекса РФ налогоплательщик самостоятельно исчисляет сумму налога, подлежащую уплате за налоговый период, исходя из налоговой базы, налоговой ставки и налоговых льгот. Однако в ряде случаев обязанность по исчислению суммы налога может быть возложена на налоговый орган или налогового агента, например при взимании налога на имущество с физических лиц.

Диспозитивность находит проявление и при определении налоговой базы, налоговой ставки, размеров сборов. Ст. 53 Налогового кодекса РФ содержит положение, согласно которому в соответствующих случаях ставки федеральных налогов и размеры сборов могут устанавливаться Правительством РФ.

Диспозитивный метод правового регулирования налоговых правоотношений базируется на таком способе правового регулирования, как дозволение, представляющее собой юридическое разрешение совершать те или иные юридически значимые действия в условиях, предусмотренных данной нормой права, либо воздержаться от их совершения по своему усмотрению¹.

«Дозволение — это предоставление возможности и права на совершение действий, установленных в административно-правовой норме. Однако субъект права по своему усмотрению может и не выполнять таких действий»².

Дозволения могут выражаться в различной форме. В большинстве случаев они прямо формулируются в тексте нормативного акта в управомочивающих нормах. Иногда наличие дозволений может вытекать из комплекса юридических норм. Дозволения, как способ правового регулирования в сфере налоговых правоотношений, имеют в основной своей массе относительный характер, т. е. закон конкретизирует возможные варианты поведения управомоченного, предоставляя ему выбор из двух и более возможностей. Разновидностями дозволений

---

¹ См. подробнее: Краткий юридический словарь / отв. ред. А.В. Малько. М., 2007; Юридический словарь / сост. А.Ф. Никитина. М., 2005.

² Общее административное право: учебник / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж, 2007. С. 63.

являются субъективные права, свободы, законные интересы. В связи с этим следует констатировать, что в налоговых отношениях в большей степени представлена такая разновидность дозволений, как субъективные права, представляющие собой вид и меру юридически возможного поведения, позволяющие субъекту удовлетворять его собственные интересы. Например, к разряду субъективных прав относится право налогоплательщика на использование налоговых льгот, предусмотренных Налоговым кодексом РФ. Такие разновидности дозволений, как свободы и законные интересы в обозначенной сфере, используются в меньшей степени в силу специфики налоговых правоотношений, в частности, их публично-правового характера.

В заключение хотелось бы отметить, что создание действенной системы налогообложения является одной из приоритетных задач Российской Федерации и других государств с переходной экономикой. От ее эффективного функционирования зависит способность государства реализовывать жизненно важные для населения социальные программы, осуществлять необходимые социально-экономические преобразования, обеспечивать национальную безопасность. Немаловажное значение в результативном функционировании налоговых правоотношений придается диспозитивному методу правового регулирования, нуждающемуся в более детальном научном исследовании.

А.Э. Арзумян,
*соискатель Саратовской государственной
академии права*

Технико-юридические правила и приемы закрепления конкуренции норм в российском праве

Современный процесс дифференциации правового регулирования приводит ко все большему усложнению системных связей законодательства. Это, в первую очередь, связано с набирающим темп инновационным развитием экономических отношений, модернизацией политической системы и формированием комплекса государственных мер по расширению и стимулированию социально-культурных связей. Тенденции дальнейшей дифференциации в праве порождают все большее число конкурирующих юридических предписаний, а также вызывают к жизни качественно новые разновидности конкуренции правовых норм. И как следствие, указанные процессы отражаются на практике создания и применения закона.

Законодатель в настоящее время, в том числе из-за нехватки теоретических исследований рассматриваемого феномена, использует далеко не весь арсенал юридико-технических способов закрепления и оформления конкурирующих предписаний. Нередко в нормативно-правовых актах можно обнаружить грубые ошибки изложения норм, образующих конкуренцию, «дефекты» правотворческого оформления системных связей между ними.

Правотворческий орган, выражая свою волю в нормативных предписаниях, должен стремиться к тому, чтобы его конкурирующие предписания представляли собой целостное системное образование, последовательно и полно, без каких-либо логических и содержательных противоречий закрепляли основные существенные, главные признаки регулируемых общественных отношений.

При установлении конкурирующих норм, их проектировании необходимо законодателю соблюдать следующие правила в целях не допущения дублирования и противоречий:

- не допускать логических противоречий, т.е. ситуаций, когда в конкурирующих нормативных предписаниях относительно одного и того же предмета, субъекта или действия, взятого в одном и том же отношении, содержались бы противоречащие друг другу положения;

- не допускать дублирования, неоправданного повторения одних и тех же положений в конкурирующих нормах различных законов. Нормативное предписание надлежит излагать в законе, к которому это предписание тяготеет более всего, является его необходимым и важнейшим элементом. Другими словами, правотворческий орган не должен создавать излишней конкуренции, повторяющих друг друга норм;

- в случаях, когда законотворческий орган в порядке исключения считает необходимым воспроизвести в проектируемом законе нормативное предписание, изложенное в действующем законе, предписание должно воспроизводиться в действующей, а не новой редакции. Иначе просто дублирование нормативного предписания перейдет в новое качество, будет означать изменение предписания в форме его новой редакции;

- нормативные предписания, которыми устанавливаются какие-либо изъятия, исключения из общего правила, целесообразно помещать в том законе, который содержит общее правило. Соблюдение этого требования позволяет законотворческому органу осуществлять системное развитие своей воли по одному и тому же вопросу, а также значительно облегчить процесс уяснения этой воли на стадии толкования (однако не всегда целесообразно руководствоваться указанным правилом, порой невозможно сразу же в одном законе предусмотреть все необходимые исключения из общего правила);

- проектируемое нормативное предписание, которое меняет редакцию, содержание и смысл действующей нормы права (закона), нецелесообразно формулировать как самостоятельную новеллу без указания ее связи с действующим предписанием (дабы не создавать излишнюю конкуренцию норм во времени, иначе будет действовать и старое, и новое предписание, — редакция; технические дополнительные приемы могут снять излишнюю конкуренцию и коллизию норм, упростить в будущем правоприменительный процесс). Проектируемую норму следует оформлять как предписание, которое вносит изменение, дополнение действующего предписания или формулирует его новую редакцию с указанием структурной единицы и реквизитов закона, в котором содержится изменяемое предписание;

- в проекте закона, который заменяет устаревшие, малоэффективные нормы новыми, более совершенными, надлежит вводить специальную статью с указанием реквизитов законов и их структурных частей, признанных утратившими

силу. Общее указание на то, что ранее принятые законы и их части, противоречащие вновь принятому закону, не действуют, создает значительные затруднения на стадии реализации норм права (создает дополнительно опять-таки излишнюю конкуренцию норм по времени их издания). В действительности не всегда можно четко и однозначно определить, какие же конкретно нормативные предписания утратили силу¹.

В литературе предлагаются и иные технические правила закрепления конкурирующих предписаний в законодательстве, ряд из них частично перекликается с вышеназванными требованиями. Так, В.М. Баранов и И.Н. Сенякин в процессе законодательного оформления конкуренции общих и специальных законов выделяют следующую систему юридико-технических требований:

- 1) обеспечение преимущества специального законодательства над общим при конкуренции по горизонтали;
- 2) четкость законотворческой технологии, не допускающей произвольного наделения свойством верховенства одноуровневых нормативно-правовых актов;
- 3) правильный учет классификации специальных предписаний по их видовой принадлежности (изъятие, исключение, дополнение и т. д.);
- 4) безошибочность определения «парности» общих и специальных законов, точность их соотношения при регулировании однородных общественных отношений;
- 5) правильное расположение общих и специальных норм в структурном содержании нормативно-правовых актов;
- 6) строгое соблюдение отсылок норм общих законов к специальным нормативно-правовым актам;
- 7) точный выбор формы специального нормативно-правового акта (кодекс, устав, положение, указ, постановление и т. д.);
- 8) соблюдение должного уровня качества специального закона;
- 9) приоритет специальных норм международных договоров Российской Федерации в отношении национального законодательства;
- 10) своевременная систематизация законодательства².

В системе законодательной техники можно выделить и ряд специальных приемов, способов, применяемых для фиксирования связей между конкурирующими нормами, предотвращения «излишней» конкуренции правовых норм и для облегчения в дальнейшем деятельности правоприменителя по их реализации: 1) отсылка; 2) примечание; 3) поручение правотворческому органу принять конкретный нормативно-правовой акт или осуществлять нормативное регулирование соответствующих общественных отношений; 4) оперативные предписания, содержащие решения правотворческого органа о внесении изменений, дополнений в действующие нормы либо о признании закона утратившим силу полностью или частично; 5) указание

¹ См.: *Сырых В.М.* Способы связи закона с другими правовыми актами // Законодательная техника: научно-практ. пособие. М., 2000. С. 168–169.

² См.: *Баранов В.М., Сенякин И.Н.* Юридико-технические способы обеспечения преимущества специального закона перед общим // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст.: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н.Новгород, 2001. Т. 1. С. 301–302.

реквизитов Конституции РФ, иного закона, во исполнение развития которого был принят соответствующий закон, и др.

Далее дадим краткую характеристику отдельным наиболее важным приемам законодательной техники по формулированию связей между конкурирующими нормами права.

Отсылки являются особым юридико-техническим приемом, позволяющим достигать компактного изложения материала в тексте закона, избегать повторов и устанавливать связи между конкурирующими нормами права. Отсылки в тексте закона являются оправданными и необходимыми, во-первых, когда конкурирующее нормативное предписание или совокупность предписаний, на которые ссылается законодатель, находятся в другом законе, ином нормативно-правовом акте, который по тем или иным причинам выпадает из общей, типичной связи норм права и их источников и самим интерпретатором может быть не обнаружен (например, в случае межотраслевой конкуренции норм права), во-вторых, когда законодатель хотел особо подчеркнуть важность конкурирующих предписаний, находящихся за пределами данного закона, при применении в будущем соответствующих норм проектируемого закона.

Достаточно часто правотворческий орган для установления связи между конкурирующими предписаниями использует в качестве юридико-технического приема *примечание*. В.М. Баранов и Д.С. Кондаков совершенно справедливо в качестве одной из характеристик примечания определяют его как своеобразную, носящую «сопроводительный» характер форму конкретизации, дополнения юридических норм, а также изменения сферы, уровня, состояния либо процедуры «базового» правового регулирования¹.

В примечаниях нередко закрепляются предписания-исключения из общей нормы (например, исключаящие уголовную ответственность при определенных обстоятельствах). Так, примечание к ст. 198 УК РФ включает в себя следующую норму-изъятие: «Лицо, впервые совершившее преступления, предусмотренные настоящей статьей, а также ст. 194 или 199 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию преступления и полностью возместило причиненный ущерб».

Посредством использования примечаний можно в законодательстве либо ограничить, либо расширить пределы функционирования тех или иных режимов, закрепить льготы и преимущества, либо возложить дополнительные обязанности, обременения. В форме примечания к статье целесообразно помещать и те исключения, изъятия из юрисдикции нормы права, которые являются редкостью, встречаются нечасто.

Таким образом, примечание, как технический прием законодателя, позволяет конструировать специальные нормы-дополнения, нормы-изъятия и нормы-исключения. С помощью рассматриваемого юридического средства устанавливается связь между общим и специальным нормативными предписаниями, что облегчает поиск конкурирующих норм в законодательстве для правоприменителя.

---

¹ См.: Баранов В.М., Кондаков Д.С. Примечания в российском праве: природа, виды, проблемы реализации // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н.Новгород, 2000. С. 343.

Примечания, содержащие специальные нормы, целесообразно помещать в непосредственной «связке» с конкурирующей общей нормой. В результате их системные связи будут более очевидны и реализация юридического предписания окажется и более быстрой, и более экономной.

Одним из наиболее распространенных способов фиксации связей между нормативными актами также является *предписание-поручение* правотворческому органу принять конкретный нормативно-правовой акт или произвести нормативное регулирование общественных отношений. В результате осуществления такого поручения устанавливается целый ряд конкурирующих норм-дополнений. Чаще всего данные поручения адресуются Правительству РФ и иным государственным органам исполнительной власти.

Предписания-поручения относительно конкретизирующих и развивающих закон совокупности нормативно-правовых актов позволяют решить ряд взаимосвязанных задач:

- возлагают на правотворческий орган обязанность принять соответствующий нормативный акт в развитие и дополнение закона;
- определяют предметы правового регулирования, отнесенные к конкретизирующим закон подзаконным актам;
- устанавливают форму конкретизирующего нормативно-правового акта, который должен быть принят в развитие закона, например предписывают принимать «типовые положения», «примерные положения», «устав», «порядок» и др.;
- закрепляют совокупность основных нормативно-правовых актов, призванных обеспечить необходимую полноту и конкретность правового регулирования в соответствующей сфере.

Еще одним юридико-техническим способом оформления связи между нормативными актами и недопущения неоправданной конкуренции норм являются *оперативные предписания*. С помощью указанного средства законодатель вносит изменения, дополнения в действующие законы либо признает их утратившими силу. Вновь проектируемые нормы права призваны не только восполнить пробелы правового регулирования, но и чаще всего заменить несовершенные, недостаточно эффективные предписания. Поэтому, принимая новый закон, правотворческий орган должен сразу же позаботиться о том, чтобы устранить все возможные излишне конкурирующие нормы, неоправданное дублирование предписаний, коллизии между вновь принимаемыми и действующими нормами путем внесения соответствующих корректив в систему законодательства.

Немаловажным средством юридической техники по установлению связи между конкурирующими предписаниями является *помещение в тексте* нормативно-правового акта *отсылки к Конституции РФ либо реквизитов закона*, в соответствии с которым или в развитие которого этот специальный акт был принят. Например, в ст. 1 Федерального закона «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» говорится, что «Настоящий Федеральный закон устанавливает в соответствии со ст. 108, 134, 136 Конституции...».

Такое указание в тексте нормативно-правового акта Конституции РФ или общего закона, в соответствии или в развитие которых принят этот акт, нельзя

рассматривать как простую формальность. Подобные указания, несомненно, важны, поскольку они закрепляют конкретные иерархические связи между общими и специальными нормативными актами, определяют законодательную основу действующих актов, позволяют в ходе толкования и практического применения законодательства устанавливать конкурирующие предписания общего и специального характера.

В рамках одной статьи не представляется возможным рассмотрение всех средств технического оформления конкурирующих правовых предписаний. В частности, наряду с указанными средствами особую роль в установлении конкуренции норм играют оговорки, дефиниции, юридические конструкции, конкретизации, коллизионные нормы и иные инструменты юридической техники. Часть из них является малоисследованной областью научного знания.

Таким образом, в общей теории права проблематика взаимодействия юридических способов законодательного оформления конкуренции норм обладает повышенной актуальностью и требует проведения дальнейших исследований. Причем необходимость комплексного исследования технико-правовых средств и способов оформления конкуренции, их взаимосвязи, по нашему мнению, объективно назрела. Представляется, что в дальнейшем теоретико-методологическим основанием для подобного анализа может выступить системный подход к проблемам законодательного закрепления конкуренции норм в отечественной системе права.

И.В. Бирюлин,

*аспирант Саратовского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского*

Идеологическое содержание экологических позиций Российской Федерации

Принципиальной особенностью формирования экологической политики любой страны в современных условиях является воздействие разнообразных глобальных факторов. В условиях уже имеющегося уровня мировой интеграции и международного взаимодействия стран замыкание только на внутренних проблемах и интересах для России практически невозможно.

Воздействие глобальных факторов на экологическую политику России, как и многих других стран, начинается уже на идеологическом уровне ее осмысления и разработки. Если в середине XX в. базовой идеей, определяющей политические позиции нашей страны, являлось следование национальным или классовым интересам, то теперь все большее значение приобретает идея ответственности перед международным сообществом, международными договоренностями и обязательствами, т. е. перед процессами глобального характера. Тем самым меняется идеология экологических позиций, и ее существенной частью стали глобальные интересы. Новая идеология

проявляется в важнейших нормативных правовых актах Российского государства, иными словами, идея глобализма пронизывает весь процесс формирования экологической политики России.

Международное влияние в вопросах государственного отношения к экологическим проблемам просматривается уже в тексте Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. Большинство ее статей почти дословно повторяют положения ряда конституций западных стран. Тем не менее необходимо отметить, что статьи, посвященные охране окружающей среды, оказались в российской Конституции под сильным давлением мирового экологического движения конца 80-х гг. и развитого экологического законодательства европейских стран, США, Японии, но также учтен и советский опыт в данной сфере. В первую очередь это относится к провозглашению прав и обязанностей граждан в отношении окружающей среды (ст. 42, 58), к обязательствам государства разрабатывать и осуществлять единую государственную политику в области экологии, обеспечивать охрану окружающей среды, экологическую безопасность населения, принимать и гарантировать законодательство об охране окружающей среды, земель, недр, вод, лесов в интересах российского населения (статьи 71, 72, 114)¹.

Подобные положения существовали в конституциях ФРГ, Скандинавских стран, Японии, ряде других государств уже с 60–70-х гг. XX в. Характерно, что в советской Конституции такие статьи отсутствовали. Например, Конституция РСФСР 1978 г., содержание которой имело в целом сильную социальную составляющую, ограничивала позицию государства в отношении природы лишь двумя краткими замечаниями: обязательством государства оздоравливать окружающую среду (статья 40) и обязательностью граждан беречь природу (статья 65)². Поэтому можно сделать вывод, что увеличение экологизированных статей в Конституции Российской Федерации 1993 г. произошло под воздействием глобальной идеологии защиты окружающей среды.

Совокупность политических идей и нравственных принципов в отношении проблем окружающей среды в конце 90-х — начале 2000-х гг. широко культивировалась в СМИ, выдвигалась в программах ряда политических партий, обсуждалась на заседаниях Государственной Думы и региональных органов власти. Основы экологической идеологии получили поддержку государственных структур власти, нашли отражение в Экологической доктрине РФ, одобренной Правительством РФ в августе 2002 г. Доктрина является и нормативно-правовым, и политическим документом, определяющим государственные позиции в экологической сфере. Ее содержание дает полное представление о принципах и направлениях государственной экологической политики на обозримую перспективу.

¹ См.: Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2009. № 1, ст. 2.

² См.: Конституция (основной закон) Российской Федерации — России от 12 апреля 1978 г. (ред. от 10 декабря 1992 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15, ст. 407; Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 52, ст. 3051.

Идеологическая аргументация Доктрины в значительной степени опирается на глобальные процессы в экологии и политике: констатацию экологического кризиса на Земле, понимание необходимости воплощения в жизнь стратегии устойчивого развития человеческой цивилизации, осознание совместных усилий всех стран мира в борьбе за сохранение окружающей среды, природного жизнеобеспечения человечества. В Доктрине констатируется ключевая роль России в поддержании глобальных функций биосферы, поскольку «... на ее обширных территориях, занятых различными природными экосистемами, представлена значительная часть биоразнообразия Земли...», а общий потенциал страны обуславливает ее важную роль в решении глобальных и региональных экологических проблем¹. Весьма характерно подчеркивание прямой связи Доктрины с различными документами международного уровня: международными договорами, политическими рекомендациями Конференции ООН по окружающей среде и развитию (1992г.), последующих форумов по вопросам окружающей среды и обеспечения устойчивого развития².

Наряду с восприятием глобальной идеологии, требующей принципиального изменения отношения граждан и особенно государственных органов к природной среде, российская Экологическая доктрина включает в себя многие конкретные, политически значимые позиции, апробированные в международной практике. Это, прежде всего, упор на обеспечение экологической безопасности, четкое обозначение принимаемых государством мер в данном направлении, развитие государственного регулирования охраны окружающей среды и использование природных ресурсов с учетом различных форм их освоения и разграничения полномочий между всеми управленческими структурами, внедрение в российской практике, закрепление в российской правовой системе международных экологических стандартов, гармонизация законодательства Российской Федерации в области охраны окружающей среды и норм международного права в этой области в рамках обязательств Российской Федерации по международным договорам³. Данные характеристики свидетельствуют как об идейном, так и о непосредственном воз-

¹ См.: Экологическая доктрина Российской Федерации. Одобрена Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р // СЗ РФ. 2002. № 36, ст. 3510.

² Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3–14 июня. 1992. URL: <http://www.un.org/russian/conferen/rio/>; 23 декабря 2003 года Генеральная Ассамблея провозгласила период 2005–2015 годов, начиная со Всемирного дня водных ресурсов 22 марта 2005 года, Международным десятилетием действий «Вода для жизни» (резолюция 58/217); 22 декабря 2005 года Генеральная Ассамблея провозгласила 2008 год Международным годом планеты Земля (резолюция 60/192); 20 декабря 2006 года Генеральная Ассамблея провозгласила 2010 год Международным годом биоразнообразия (резолюция 61/203) (URL: <http://www.un.org/russian/conferen/ref/environment.htm>); 21–23 марта 2007 г. в Финляндии, г. Лаhti прошел финляндско-российский форум по вопросам окружающей среды. Организатором мероприятия выступал национальный фонд Финляндии «Ситра». Лесопромышленная конфедерация Северо-Запада (ЛПК СЗР) помогала организовывать форум с российской стороны (URL: <http://www.wood.ru/ru/lonewsid-15574.html>).

³ См.: напр.: Ратификация Киотского протокола Россией 16 февраля 2005 года. URL: http://www.wwf.ru/about/what_we_do/climate/climate_economical/; «Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) оружия и токсинов и их уничтожении» (1972 г.); «Конвенция о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду» (1977). URL: <http://bio.1september.ru/articlef.php?ID=200402804>.

действию сформировавшихся на международном уровне экологических представлений на содержание Экологической доктрины Российской Федерации.

Подчеркнем, что инициирование этой Доктрины состоялось на рубеже 90-х — 2000-х гг., а ее принятие и утверждение произошло в 2002 г., что позволяет говорить о ней, как о результате борьбы экологического движения, активности отдельных экологических партий, массовой поддержки экологов в российском обществе. К сожалению, вскоре после принятия Доктрины сама экологическая проблема оказалась отодвинутой в деятельности Правительства РФ с первых позиций на второстепенное место. Об этом свидетельствует сравнительный анализ содержания посланий Президента РФ и характера законотворческого процесса в 90—2000-е гг. И в президентских Посланиях, и в принятых законах отражается реальное отношение государства к вопросам охраны государственной среды.

Среди выдвигаемых Президентом задач на протяжении последних семи лет особым вниманием пользуются следующие проблемы: экономическое развитие, интеграция в мировую экономику, проблемы развития глобального мира, внешняя и внутренняя безопасность государства, вступление в ВТО, развитие законодательства, осуществление национальных проектов, развитие политической системы и гражданского общества, восстановление и развитие социальных отраслей. Внимание к вопросам государственной экологической политики незначительно и не носит цельного характера.

Анализ Посланий Президента РФ Федеральному Собранию за период 2001—2008 гг.¹ на предмет содержания в них экологической проблематики показывает, что соответствующая идеология получила в них весьма слабое отражение. Во всяком случае, ни самостоятельного места, ни специальных размышлений и оценок она там не имеет. Такое положение дел неудивительно в свете выбранного экономического курса развития страны и определения места России в международном разделении труда и в мировой торговле, в первую очередь в качестве поставщика энергетического ресурса. На наш взгляд, привлечение иностранных инвестиций, прежде всего в добывающие отрасли, увеличение экспорта углеводородов, хозяйственные программы по развитию Сибири и Дальнего Востока, активная интеграция в глобальную экономику являются основой государственной экономической политики, направленной на глобальное обслуживание западных стран и идущей вразрез с национальными экологическими интересами. Со стороны Запада, как основного потребителя наших ресурсов, очевидно желание видеть Россию в качестве сырьевого придатка.

¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2001. 4 апр.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2002. 19 апр.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2003. 16 мая; Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ: стенограмма выступления с официального сайта URL: www.kremlin.ru. 2004; Юридический Интернет ресурс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 03.2009); Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2006. 11 мая; Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ в 2007 году: стенограмма выступления с официального сайта URL: www.kremlin.ru; Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ в 2008 году: стенограмма выступления с официального сайта. URL: www.kremlin.ru.

Идея обеспечения экологической безопасности нашей страны, естественно, в такую экономическую политику не вписывается.

Экологическая идеология, сформированная на глобальном уровне, воспринимается современным российским обществом осознанно, однако пока не занимает определяющего места в государственной политике. Нередко она уходит на второе место, а предпочтение отдается экономическим, финансовым, международным интересам. Вместе с тем ее возвышение в жизни современного общества является неизбежным процессом, все более активно влияющим на характер экологической политики России.

М.Ю. Курдубанова,
*аспирант Саратовской государственной
академии права*

Стойкая неспособность по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие Президенту РФ полномочия как мера конституционно-правовой ответственности

Глава государства выступает верховным представителем страны во внутриполитической жизни и на международной арене. Место и роль Президента РФ в иерархии институтов власти определяют основные нормы. Конституционно-правовой статус предполагает ответственность Президента и способы прекращения возложенных на него полномочий. Можно утверждать, что в России в силу исторических и национальных особенностей сложилась особая модель президентской власти, с характерным преобладающим положением по отношению к ветвям власти. Способы досрочного прекращения полномочий в странах с президентской формой правления во многом традиционны. Но существует специфика, свойственная институту Президента России, как гаранта Конституции и конституционного строя.

Российская Конституция 1993 г. установила, что Президент приступает к исполнению полномочий с момента принесения им присяги и прекращает их исполнение с истечением срока его пребывания в должности, с принесением присяги вновь избранным президентом (ст. 92).

Конституцией закреплены возможные способы досрочного прекращения полномочий главы Российского государства, т. е. до истечения конституционного срока, выражающиеся в принудительном лишении занимаемой государственной должности, среди которых отставка Президента, стойкая неспособность по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия, отрешение от должности.

Стойкая неспособность по состоянию здоровья Президента осуществлять принадлежащие ему полномочия — мера конституционно-правовой ответственности, связанная с физическим или психическим состоянием здоровья, в силу

которого осуществление им своих полномочий временно приостанавливается либо же приобретает окончательный характер и принадлежащие ему полномочия переходят соответствующему лицу.

Российский опыт свидетельствует, что процедура досрочного прекращения полномочий Президента в связи с основанием, установленным ч. 2 ст. 92 Конституции РФ, недостаточно проработана ни конституционно, ни в актах текущего законодательства. Известно, что в Государственную Думу на рассмотрение предлагались проекты федеральных законов, раскрывающие и детализирующие неспособность по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие главе государства полномочия, как основание досрочного их прекращения. Однако одобрены законопроекты на государственном уровне так и не были.

Возникают вопросы, касающиеся длительности периода прекращения полномочий Президентом. Речь идет о временном сроке, на который прекращаются президентские полномочия по причине стойкой неспособности осуществлять принадлежащие ему полномочия по состоянию здоровья, либо об окончательном моменте прекращения полномочий Президентом.

Думается, что нечеткость формулировок в закреплении вопроса о стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять полномочия не результат упущения разработчиков, скорее это продиктовано шепетильностью и деликатностью данной темы.

В вопросе о здоровье главы государства вероятнее всего возникающие проблемы и их решения будут зависеть от фактических обстоятельств, прогнозировать которые достаточно трудно, но необходимо, потому как важность и значимость Президента в системе государственной власти очевидна.

В истории России был создан прецедент реализации конституционной нормы на практике. В 1996 г. Президенту Б.Н. Ельцину была сделана хирургическая операция на сердце, в связи с болезнью. Главой государства были изданы указы о временном делегировании своих полномочий Председателю Правительства РФ (первый Указ Президента от 19 сентября 1996 г. «О временном исполнении обязанностей Президента РФ»¹, затем Указ от 5 ноября 1996 г. «О возложении на Председателя Правительства В.С. Черномырдина временно-го исполнения обязанностей Президента РФ»² и уже на следующий день Указ от 6 ноября 1996 г. «О прекращении временного исполнения Председателем Правительства РФ обязанностей Президента РФ»³).

Следует уточнить, что практика реализации процедуры была признана соответствующей Конституции 1993 г. Постановлением Конституционного Суда России по делу о толковании положений ст. 92 (ч. 2 и 3) Конституции РФ. Конституционным Судом РФ было разъяснено, что «ограниченное во времени исполнение обязанностей Президента РФ Председателем Правительства РФ имеет место, соответственно, до момента возвращения действующего Президента РФ к исполнению своих обязанностей или до вступления в должность вновь избранного Президента РФ»⁴.

¹ См.: СЗ РФ. 1996. № 39, ст. 4533.

² См.: Там же. Ст. 5239.

³ См.: Там же. Ст. 5240.

⁴ Российская газета. 1999. 27 июля.

В зависимости от степени неспособности осуществлять свои полномочия по состоянию здоровья можно говорить о возможных сценариях развития событий.

Президент досрочно прекращает исполнение своих полномочий в связи со стойкой неспособностью по состоянию здоровья осуществлять вверенные ему полномочия. Профессор С.А. Авакьян справедливо отмечает, что это та же отставка, лишь с указанием конкретного основания¹. Президент добровольно уходит с занимаемой должности по причине недостаточного здоровья, наступившей болезни. Заметим, что заявление о своем решении он делает сам, т. е. его физические способности позволяют ему владеть собой, даже будучи нездоровым. Отличие следующего сценария от предыдущего состоит в том, что Президент сам уже не может сделать заявление и объективно оценить сложившуюся ситуацию, и в конечном итоге его мнение не «поставит точку» в вопросе дальнейшего развития событий. Болезнь главы государства может иметь как физический характер, речь идет о потере сознания, о неспособности в силу болезни или старости выполнять свои должностные полномочия, так и психический, в случае душевного расстройства. В подобной ситуации уже требуется квалифицированная помощь, и по результатам письменного медицинского заключения делается вывод, на основании которого Председатель Правительства принимает обязанности Президента на себя.

Возможно несколько вариантов развития событий. В случае, если недомогание временное, то по прошествии периода на лечение здоровья Президента он сможет вернуться к осуществлению своих обязанностей. Основным Законом оговорена подобная ситуация. В ч. 3 ст. 92 сказано, что «во всех случаях, когда Президент Российской Федерации не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет Председатель Правительства Российской Федерации». С.А. Авакьян трактует это положение как временное замещение Президента Председателем Правительства². Постановлением Конституционного Суда РФ от 6 июля 1999 г. случаи, когда Президент Российской Федерации, будучи не в состоянии выполнять свои обязанности, собственным решением возлагает на Председателя Правительства Российской Федерации временное исполнение президентских полномочий, названы исключительными.

Следующий сценарий куда более сложный. Личная воля Президента не имеет при этом решающего значения. Расстройство здоровья главы государства уже не позволяет ему исполнять полномочия. Поскольку в Основном Законе процедура разрешения подобной ситуации не содержится, следует обратиться к Постановлению Конституционного Суда от 11 июля 2000 г., в котором был рассмотрен случай стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие Президенту полномочия. Так, «порядок досрочного прекращения полномочий Президента Российской Федерации в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия не может быть облегченным, упрощенным. При этом должна быть исключена возможность превращения данного порядка в способ необоснованного отстранения Президента

¹ См.: Авакьян С.А. Досрочное прекращение полномочий Президента РФ: проблемы, требующие юридического решения // Законодательство. 1999. № 3. С. 89.

² См.: Там же. С. 90.

Российской Федерации от должности, а тем более в неконституционный способ присвоения каким-либо органом или лицом властных полномочий Президента Российской Федерации»¹.

Вышеизложенное позволяет нам сделать следующие выводы.

Во-первых, в силу особого места в системе органов государственной власти и значимости главы государства, а также особенностей его конституционного статуса, вопрос о состоянии здоровья главы государства затрагивает право каждого на частную жизнь, но и обретает общественный, конституционно значимый характер. Конституционный статус Президента РФ связан с определенными ограничениями его права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, в том числе медицинскую тайну, что обусловлено целями защиты основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства и, следовательно, допустимо в установленных федеральным законом пределах. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ только в той мере, в какой это необходимо.

Во-вторых, либо сам глава государства выступает катализатором привлечения медицинских служащих для принятия квалифицированного заключения, либо Председатель Правительства выступает с инициативой медицинского заключения. Поскольку именно в силу постоянного, необратимого расстройства функций организма Президента руководители учреждения здравоохранения, обслуживающего российского Президента, обязаны незамедлительно информировать об этом Председателя Правительства РФ. Председатель Правительства уведомляет палаты Федерального Собрания о необходимости создания специальной медицинской комиссии для дачи заключения о возможности либо невозможности осуществлять свои полномочия Президентом. Основаниями могут выступать физические и (или) психические расстройства, неадекватное поведение, хирургическое вмешательство, прошедшее неудачно и приведшие к ухудшению здоровья. К числу заболеваний академик Е.И. Чазов относит нарушение мозгового кровообращения, атеросклероз сосудов головного мозга, сердечную недостаточность, серьезное поражение какого-либо органа, затрудняющее работу всего организма, т. е. те заболевания, которые ограничивают аналитическое мышление².

В-третьих, компетентные органы государственной власти вправе получать соответствующую информацию о состоянии здоровья Президента Российской Федерации, если заболевание носит постоянный, необратимый характер.

В-четвертых, в подобной ситуации необходимо осведомить общество о состоянии здоровья главы государства (считаем, что о состоянии здоровья Президента общество и высшие органы государственной власти Российской Федерации должны быть информированы). Конституция (ст. 91) говорит о

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2000 г. по делу о толковании положений статей 91 и 92 (части 2) Конституции РФ о досрочном прекращении полномочий Президента РФ в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия // Вестник Конституционного Суда РФ. № 5. 2000. № 5.

² См.: Здоровье высшей власти и судьба страны. Интервью академика Е.И. Чазова // Российская Федерация сегодня. 2001. № 5. С. 26.

неприкосновенности Президента РФ от уголовного и административного преследования, от иных ограничений его личной свободы, но подобная информация не является в действительности ограничителем.

В-пятых, необходимо создание специальной медицинской комиссии для вынесения заключения, которая установит фактическую невозможность осуществлять свои полномочия Президенту России, на основе клинических и медицинских показаний. Законодательного закрепления своих полномочий подобная комиссия требует в обязательном порядке. В ее состав должны обязательно входить руководители учреждения здравоохранения, лечащие Президента. В Регламенте Государственной Думы и Совета Федерации должны быть закреплены основные положения о создании и действии специальной медицинской комиссии, в том числе порядок формирования, юридический статус, полномочия, состав специальной медицинской комиссии, порядок прекращения полномочий. В состав специальной медицинской комиссии должны входить только лучшие российские и зарубежные специалисты разного профиля.

В-шестых, установление юридической невозможности Президента исполнять свои обязанности должно производиться лишь независимым органом. Им может выступить Конституционный Суд или Верховный Суд РФ. Они должны вынести постановление с констатацией факта о возможности либо невозможности исполнять вверенные Президенту должностные обязанности на основании вынесенного заключения специальной медицинской комиссии. Объективное и окончательное установление невозможности Президентом Российской Федерации в связи с расстройством функций органа, носящим постоянный, необратимый характер, принимать решения, вытекающие из его конституционных полномочий, либо в иной форме осуществлять свои полномочия в соответствии с конституционными требованиями возможно лишь судом, как независимым органом и не заинтересованной стороной в этом процессе. В таком случае полномочия Верховного Суда и Конституционного Суда РФ должны быть установлены федеральным конституционным законом, в соответствии Конституцией России (ч. 3, ст. 128).

В-седьмых, вынесенное постановление Конституционного Суда или Верховного Суда будет отправной точкой для начала временного исполнения Председателем Правительства полномочий Президента. Незамедлительно Председатель Правительства приступает к временному исполнению полномочий Президента. При этом выборы главы государства должны состояться не позднее трех месяцев с момента досрочного прекращения исполнения полномочий Президентом Российской Федерации.

В-восьмых, в официальном сообщении Правительства о стойкой неспособности по состоянию здоровья Президента осуществлять принадлежащие ему полномочия должно быть указано с какого момента и в течение какого срока временно исполняет обязанности главы государства Председатель Правительства России.

О.В. Андронов,
*преподаватель Поволжского
государственного университета
телекоммуникаций и информатики
(г. Самара)*

Политико-правовые аспекты взаимодействия государства и некоммерческих организаций в современной России

Понятие «гражданское общество» в современной России приобрело новое «звучание» в связи с активным развитием сектора некоммерческих организаций (НКО). Деятельность данных структур направлена на достижение общественного благополучия, они не ставят перед собой в качестве главной цели увеличение личных доходов граждан, повышение их материального благополучия через работу в НКО.

По мнению А. Ю. Сунгурова, в современной России «сообщества НКО» можно рассматривать как ядро гражданского общества, поскольку именно в этих организациях в большей степени развиты моральные ценности¹. На основе развития данных структур ожидалось позитивное влияние некоммерческого сектора на все политическое сообщество. В результате по данным государственной статистики в 2007 г. виден серьезный рост численности зарегистрированных НКО и высокие абсолютные показатели — почти 700 тысяч организаций².

Однако реальное состояние данного сектора в условиях усиливающейся «моноцентрической» российской политической системы³ можно оценить лишь обратившись к проблеме взаимодействия некоммерческого сектора и государства. Так, в связи со вступлением в силу новых редакций Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» и Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»⁴ изменился порядок регистрации и отчетности организаций, что, в числе прочего, привело к уменьшению числа некоммерческих организаций и увеличению количества проверок их деятельности различными ведомствами. В результате около 60% всех некоммерческих организаций не сумели вовремя и в полном объеме сдать отчетность⁵. В связи со вступлением в силу в 2006 г. поправок к Закону «Об общественных объединениях» деятельность всех иностранных благотворительных организаций была также осложнена.

---

¹ См.: Сунгуров А.Ю. Организации — посредники в структуре гражданского общества (Некоторые проблемы политической модернизации России) // Полис. 1999. № 6. С. 35

² НКО — сектор России: текущее состояние и векторы развития // Политика. URL: <http://www.politea.ru/seminar.php?2008-02-28>

³ См.: Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. 2009. №2. С. 7.

⁴ См: СЗ РФ. 2008. № 30(42), ст. 3616.

⁵ См.: Международная конференция «Повышение доверия к некоммерческим организациям: российский и международный опыт». 19.02.2009. URL: <http://www.asi.org.ru>

Среди нормативно-правовых актов, оказавших существенное влияние на взаимодействие государства и некоммерческих организаций, следует также назвать Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму»¹. Указанный нормативно-правовой акт привел к ужесточению российского законодательства в части административного регулирования процессов создания, ликвидации и контроля деятельности на территории Российской Федерации всех НКО, особенно иностранных некоммерческих неправительственных организаций.

Наиболее существенным, на наш взгляд, законодательным нововведением является наделение органов государственной регистрации функцией контроля за соответствием деятельности НКО их уставным и заявленным целям и задачам. В данном случае критерии оценки такого соответствия или несоответствия будут определяться чиновниками, что свидетельствует о курсе на бюрократическую централизацию и расширение государственного контроля над различными сферами общественной и политической деятельности.

По мнению Ю. Нисневича, противоречивым следует считать обязательность информирования руководства НКО федеральных органов государственной регистрации об объемах получаемых ими от международных и иностранных организаций, иностранных граждан денежных средств и иного имущества, а также о целях и фактическом их использовании и расходовании². За неоднократное непредставление в установленные сроки такой информации орган государственной регистрации вправе обратиться в суд с заявлением о признании этого НКО прекратившим свою деятельность.

Кроме того, определенные нарекания вызывают и жесткие ограничения, которые вводятся в отношении структурных подразделений иностранных организаций. Федеральный орган государственной регистрации имеет право «в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» направлять структурным организациям иностранных организаций решение о запрете направления денежных средств и иного имущества определенным получателям. Данные законодательные установления — это вмешательство российской государственной власти в деятельность иностранных некоммерческих неправительственных организаций³.

Одновременно произошло увеличение финансирования деятельности НКО со стороны государства, причем не только на федеральном уровне. В большинстве регионов продолжилась практика предоставления средств в виде муниципального гранта или заказа, а также привлечения данных организаций для выполнения разного рода работ на возмездной основе. Как следует из доклада Общественной палаты «О состоянии гражданского общества в Российской

---

¹ СЗ РФ. 2007. № 31, ст. 4008.

² См.: Нисневич Ю. Аудит политической системы посткоммунистической России. М., 2007. С. 190.

³ См.: Там же. С. 191.

Федерации»¹, бюджетные средства составляют 29% финансирования НКО. Из них 7% приходится на федеральный бюджет, 9% — на бюджеты субъектов Федерации и 13% — на местные бюджеты.

Опросы населения подтверждают факты взаимодействия государственных органов и некоммерческих организаций². По результатам этих исследований выяснилось, что около 80% опрошенных руководителей НКО часто взаимодействуют с органами местного самоуправления, 62% — с региональными, 42% — с федеральными органами. Взаимодействие некоммерческих организаций и государства возможно в виде экономических форм, к которым можно отнести совместную реализацию социальных, благотворительных и образовательных программ, предоставление различных грантов или субсидий, имущественную поддержку негосударственных некоммерческих организаций. Среди неэкономических форм обычно выделяют деятельность общественных советов, оказание образовательной и методической помощи НКО. Развитость форм взаимодействия органов власти и общественности зависит от уровня институционализации некоммерческого сектора, а также от уровня урбанизации региональных образований.

Таким образом, в последние годы политика государства по отношению к НКО стала более жесткой, что является одной из причин сдерживания системного взаимодействия власти и некоммерческого сектора.

¹ См.: Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. М., 2008. С. 20.

² См.: АНО «Социологическая мастерская Задорина» (группа ЦИРКОН). Третий сектор России: оценка влияния. М., 2007.

**Научно-методологический семинар
на тему: «Правообразование:
методология исследования»**

В.В. Трофимов,

*кандидат юридических наук, доцент
Тамбовского государственного
университета им. Г.Р. Державина*

Доклад

Правообразование: методология исследования*

Исследование правообразования относится к тому разряду научных проблем, которые всегда привлекали и будут привлекать внимание ученых-юристов, вызывать в научной среде стремление предпринимать очередные попытки понять и объяснить базовые закономерности формирования и развития права. Именно решением этого круга вопросов определяется качество и эффективность правотворческой и правоприменительной деятельности, обуславливаются правовые начала взаимоотношений государства, личности и общества. На этой же основе прогнозируются пути развития действующего законодательства и правовой системы в целом.

Поиск ответа на вопрос о том, как формируется, создается, творится, образуется, конституируется право, следует проводить в соответствии с принципами научной преемственности, объективности, плюрализма и аргументированности теоретических положений, а также опираясь на прочную и адекватную избранному предмету методологическую основу. Разработка методологии исследования процесса образования права становится, таким образом, начальным и вместе с тем его принципиальнейшим этапом.

Стоит при этом иметь в виду, что проблема методологии сама по себе является довольно сложной, поэтому подходить к ее разрешению необходимо очень взвешенно и последовательно. Методология представляет собой не только наиболее сложный, но фактически авангардный сектор научного знания. Она ведает тем инструментарием, с помощью которого ученые ведут свои изыскания. В науке принято, как справедливо замечают исследователи, демонстрировать не только пойманную щуку, но и удочку, и наживку, на которую

---

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МК – 5485.2008.6.

она была поймана (А. Кураев). Методология в этом отношении представляет собой сферу превентивных усилий научной мысли.

Она призвана настраивать исследователей на предельно внимательное и ответственное отношение к тем категориям, принципам и методам, с помощью которых ученый рассчитывает на продуктивность своих изысканий. Если видеть в методологии разновидность теоретической оптики, позволяющей рассматривать объект в нужных ракурсах и высвечивать в нем различные содержательные грани, то на первое место выдвигается задача содержания и исправности имеющегося аналитического инструментария (В.А. Бачинин).

Как показывает анализ современной юридической, социологической, философской литературы, ситуация в области методологии в настоящее время довольно непростая. Поэтому в процессе решения переплетающихся, взаимосвязанных проблем теоретического, практического и иного характера необходимо начинать с глубокой методологической рефлексии соответствующих вопросов, т. е. осмысления собственных оснований, условий, тенденций и задач познания, что составляет необходимую сторону в развитии каждой конкретной науки либо конкретной предметной сферы. Для юридической науки это также вполне актуально.

Не случайно сегодня все чаще высказываются суждения о том, что особенности современного этапа развития юриспруденции могут быть поняты только в рамках системы процессов социальных и культурных изменений глобального и национального масштабов, что требует принципиального расширения области методологической рефлексии в юридических исследованиях (Н.Н. Тарасов). Усиленное внимание к рефлексии характерно для таких этапов науки, когда возникают сомнения в правомерности и надежности исходных предпосылок общей или частной научной теории. Цель методологической рефлексии — усилить связь между теоретическими положениями и объектами этих положений, самокритически объяснить свои способы конструирования познания (А. Валантеус).

Рассмотрение методологических проблем специального предмета осложняется во многом неоднозначностью понимания «методологии» как таковой. Нет этой однозначности и в рамках юридической науки. Методология — такая вещь, где никогда не было, нет и, пожалуй, быть не может, по определению, единства мнений, где всегда шли и сейчас ведутся споры, ибо, как известно, в текущей жизни непрерывно возникают новые явления и реалии, к объяснению которых прежние застывшие мерки не подходят (Н.И. Матузов).

Не останавливаясь на всех дискуссионных аспектах этой отдельной темы, применительно к избранному предмету под методологией будем понимать «знание» о том, как правильным и оптимальным образом организовать познавательный процесс, какие использовать методологические приемы и способы с тем, чтобы наиболее точно передать механизм формирования права, отразить все стороны и грани данной проблемы.

Методология «работает» при уяснении взаимосвязей различных уровней познания. Их градация в различных контекстах осуществляется по-разному. Выделяют общефилософский, социально-философский (диалектико-миро-

---

воззренческий, или высший), общенаучный (междисциплинарный, или средний) и специально-научный (называемый низшим) уровни (Д.А. Керимов). Различают также теоретический и эмпирический уровни (В.М. Сырых). Существует подход на выделение различных аспектов методологии (гносеологический, онтологический и инструментальный), что представляется перспективным в плане систематизации получаемых методологических знаний о праве (В.А. Козлов).

Чтобы методология правильно «заработала», необходимо адекватно охарактеризовать исследуемый предмет. Для адекватности методологического подхода к исследованию, указывал Семен Людвигович Франк в «Очерке методологии общественных наук» (1922), надо, прежде всего, определить совокупность общих формальных свойств объекта исследования. Только изучив данные свойства, исследователь может браться за определение правил, приемов и подходов, т. е. определять методологию.

Правообразование — осуществляющийся под воздействием различных социальных факторов процесс складывания новых форм заинтересованного практического взаимодействия, в рамках которого индивидуумы и их общности приходят к осознанию и обозначению своих возможностей (правомочий) и своих обязанностей по отношению друг к другу, завершающийся оформлением сложившихся прототипов правовых норм субъектами правотворческой компетенции в позитивном праве. Этим «рабочим» определением охватываются те основные свойства и признаки правообразовательного процесса, необходимость исследования которых и обуславливает соответствующую систему методов.

Во-первых, данным определением демонстрируется, что такой процесс не только объективный (о чем свидетельствует его подчиненность воздействию тех или иных социальных факторов), но также субъективный (зависит в большинстве случаев от деятельности людей, сознательно формирующих те или иные обязательные правила поведения с целью установления порядка в социальных отношениях). Возникающая сложность теоретического описания взаимосвязи «объективного» и «субъективного» (соотношения и баланса этих двух начал) в процессе образования права потребует привлечения соответствующей сетки мировоззренческих координат, гносеологических и онтологических оснований, разработка которых осуществляется на высшем, философском уровне правовой методологии.

Во-вторых, правообразование — процесс социально обусловленный. Как отмечал Б.А. Кистяковский, солидаризируясь во многом с мнением С.А. Муромцева о необходимости социологического изучения права, «процесс правообразования — по крайней мере, на первых стадиях своих — чисто социальный процесс». Это, естественно, вызывает необходимость опоры при исследовании данного процесса на прочные социально-философские основания, также относящиеся к высшему этажу методологии права.

В-третьих, процесс формирования права характеризуется многоплановостью, многогранностью присущих ему свойств, качеств, составляющих его компонентов. Образование права на начальных этапах проходит в системах

межличностного взаимодействия, что предопределяет применение разнообразных исследовательских приемов и методов, отражающих качества и особенности этой социальной среды.

С одной стороны, данные методы должны быть способны воспроизводить в научном сознании непосредственно системные и структурно-функциональные связи и зависимости социальных систем, чем диктуется реализация принципов и положений системного подхода, а также иных методов теоретического уровня, предназначенных для характеристики отдельных элементов этих систем (личности, деятельности, социально-психологической атмосферы и т.п.). С другой стороны, это предполагает использование комплекса методов эмпирического уровня, связанных с изучением реальных фактов, прямых проявлений в социально-правовой жизни правообразующих тенденций и закономерностей (наблюдение, опрос, эксперимент и т.п.).

Высказанными суждениями намечаются контуры достаточно широкой и сложной по количеству охватываемых методологических уровней и приемов картины, освещающей процесс познания механизма формирования права. Такая картина, кроме того, может быть дополнена рядом методов специально-научного уровня, характерных для юридической науки как таковой (формально-юридический подход, сравнительно-правовой анализ, метод правовой герменевтики и др.). В целом, как представляется, это есть вполне оправданная методологическая «иерархичность», полинаправленность, определяемая изначально собственной сложностью правообразовательного процесса. Для успешного исследовательского поиска в обозначенной предметной области потребуется глубокая проработка основной части перечисленных методологических срезов и подходов.

Однако прежде чем осуществлять аналитическое описание возможных вариантов реализации соответствующих познавательных средств, важно обратить внимание на один очень принципиальный момент: в основе исследования процесса образования права должно лежать четкое представление того, о каком «праве» в данном случае идет речь, о том, что получается на выходе правообразовательного процесса, каков конечный продукт. Таким образом, интерпретация правообразования напрямую зависит от правопонимания. Понятие права как особого специфического социального явления есть исходное методологическое положение для всякого юридического исследования (А.В. Мицкевич).

Авторское понимание феномена права обнаруживается в том определении процесса правообразования, которое было предложено ранее. Это означает, что первоначальный акцент ставится на объективно-социальном источнике права (что соответствует социологической трактовке права), однако также фактически констатируется — реальное правовое бытие право находится благодаря той правовой форме, которая придается объективному правовому содержанию в результате деятельности субъектов правотворческой компетенции (речь может идти об официальном правом, а также делегированном правотворчестве). Таким образом, преимущественное значение отводится социолого-позитивистскому пониманию права и правообразования,

---

и в основу его интерпретации полагаются такие важнейшие характеристики права, как «нормативность», «формальная определенность», «юридическая санкционированность».

Однако право — это явление сложное и многоструктурное (М.И. Байтин), поэтому не исключаются также такие сущностные характеристики права, как «справедливость», «формальное равенство» и «свобода», которые декларируются в рамках естественно-правовых концепций, в юридико-либертарной концепции правопонимания (В.С. Нерсесянц). Все в сумме эти качества и составляют (должны составлять) единую сущность результата процесса правообразования — объективного и равного для всех права.

Ранее была высказана мысль о необходимости методологической рефлексии, осуществляемой в ходе разработки методологии исследования проблемы правообразования. Чтобы это не рассматривалось номинально, обратим внимание на некоторые возможные методологические новации, выступающие своеобразным итогом проведенной рефлексии на некоторых, прежде всего высших, методологических уровнях.

Философский уровень методологии проблемы правообразования определен и установлен, главным образом, в рамках советского правоведения. Соответственно он сохраняет основные черты доминирующего типа юридического мышления, в движении которого к соответствующим познавательным результатам особая роль принадлежала установкам диалектического материализма как узловым пунктам процесса познания права и многообразия форм его проявления. Там, где на первый план выходит социально-философский уровень методологии, реализовывал свою роль и методологическую функцию исторический материализм.

Не следует, конечно же, отрицать эвристического значения диалектического материализма, ранее выполнявшего, по сути, все основные философские функции — гносеологические («ленинская теория отражения» как способ познания) и онтологические (признание приоритета материальных факторов над «идеальными» в развитии объектов окружающей действительности). Вместе с тем полагаем возможным сделать вывод о том, что в настоящее время философия знает некоторые иные альтернативы данным устойчивым конструкциям, и эти новые подходы вполне убедительны с точки зрения научной аргументации.

Так, у «ленинской теории отражения» есть «преемники» в виде современных эпистемологических концепций, выгодно отличающихся от «классики» (с ее фундаментальной метафорой «познающий человек — это зеркало») опытом моделирования познавательного процесса в категориях интересубъективного, дискурсивного восприятия и оценкой наблюдаемых явлений. В современных когнитивных практиках утверждается, что зеркально точного отражения действительности в сознании субъекта познания достичь практически невозможно, можно лишь максимально приблизиться к «истине», интегрируя мнения «многих» из участвующих в познавательном процессе, при этом стараясь не столько скопировать изучаемое социальное явление, сколько понять, постичь его глубинную сущность (Л.А. Микешина).

Современная эпистемология призывает фактически признать одну простую, но очень значимую вещь: результаты познавательного процесса в виде субъективных представлений и т.п. о мире (как и мире права) в той или иной степени всегда отличны от их объективных прообразов, существующих до их включения в процесс познания. Но в то же время сам окружающий мир никогда не представлен как некая чистая материя, как бытие вне человека и его сознания.

Мир, существующий вокруг человека как субъекта познания, есть мир, сконструированный самим человеком. Поэтому было бы наивно предполагать, что субъект познания правообразующих (правотворческих) факторов решает или может решить такую задачу лабораторным путем, «наблюдая (по Марксу) как естествоиспытатель» за тем, что происходит в реальной жизни, поскольку он сам всегда в той или иной степени является участником этой жизни. Попытки создания абстрактных конструкций субъекта и объекта окажут в процессе исследования правогенеза малый эффект, сравнимый разве с «музейной ценностью» и не имеющий никакого отношения к реальному процессу правовой жизни.

Поэтому, не подвергая сомнению роль правотворческого субъекта в создании права, нужно признать его включенность в общий правообразовательный процесс, выражающий собой генетический уровень правовой жизни. В этой модели предполагается, таким образом, что субъект правотворчества, не теряя своей иницилирующей роли в процессе создания права, должен всегда сопоставлять свои инициативы с намерениями и инициативами других участвующих в правовой жизни, а значит, и в правообразовательном процессе, «акторов» (субъектов правообразующей активности). Подобные выводы создают, кроме того, почву для преодоления дихотомии объективного-субъективного при интерпретации права («правовое» и «юридическое», «право и закон» и т.п.) и правообразовательного процесса, нахождения общего знаменателя для интеграции естественного и искусственного в процессе формирования права.

Дополнительную «монету» в эту «копилку» проводимого методологического подхода приносит и современная онтология, создаваемая синергетическим видением реальности (синергетика — динамика нелинейных систем), которая выступает сегодня в виде научного знания о саморазвивающихся системах и которая внесла немало новых идей и представлений в понимание развития. Современные синергетические представления, включаемые в методологический арсенал гуманитарного знания, содержат в себе очень важную (можно сказать, «ключевую») идею «универсального (глобального) эволюционизма», который сводится не только к «общевселенской» идее развития, но и включает идею связи эволюционных и системных представлений (В.С. Степин).

Для саморазвивающихся систем по-новому ставится проблема «искусственного» и «естественного». Противопоставление естественного, как возникающего без вмешательства человека, искусственному, как результату деятельности человека, основанному на вмешательстве в ход естественных процессов, уже не является абсолютным. Новые состояния саморазвивающейся системы возникают как результат реализации ее потенциальных воз-

---

возможностей, как один из нескольких вероятных сценариев развития системы. Синергетическое описание предполагает, что деятельность, актуализируя те или иные сценарии, «русла» развития системы, становится «соучастником» естественного процесса эволюции. Реализация одного из возможных сценариев предстает и как искусственно созданная, и как результат естественного развития (В.С. Степин).

Данную модель можно с достаточной долей уверенности экстраполировать на право как на сложный саморазвивающийся феномен, и на этой основе понять правообразовательный процесс как соразвитие (коэволюцию) естественно-социального (общественного) и искусственного (обусловленного государством) источников правового генезиса, как синергетическое единство сил, приводящих в движение правообразовательный механизм. В свою очередь, понять его действие как имеющего характеристики сложной саморазвивающейся системы невозможно только в русле классического мировоззренческого подхода (классические идеализации познающего субъекта не будут в данном случае полностью адекватными). В связи с этим здесь актуальным становится появление особого субъекта правопознания — правотворчества как «реального эмпирического субъекта», «становящегося», «возникающего в сложном потоке коммуникаций» (правовых коммуникаций).

Этим же выводам отвечает концептуальная модель современного социально-философского подхода, в рамках которого на смену обезличенной категории «общественных отношений» и безусловному преимуществу «экономического фактора» приходит категория «взаимодействия», как «предельно-конечная» в плане познания социальных явлений, и так называемый «параллелограмм сил», как квинтэссенция современного многофакторного подхода.

С целью более углубленного понимания социального механизма правообразования необходимо констатировать, что его действие осуществляется в системах социального взаимодействия, образующих главную ипостась всей социально-правовой жизни, генетическим уровнем которой является правообразование. Процесс правообразования имеет глубокую социально-интерактивную (интеракция — взаимодействие) природу, в силу которой правовое регулирование выражает (должно выражать), прежде всего, смысл и логику феномена социального взаимодействия.

Суть обновленной социально-философской системообразующей идеи заключается в том, что она не пытается представлять собой конструкцию с жестко заданным одним началом (монизм «исторического материализма») или схеме, абсолютизирующую набор факторов (игриво-безответственный плюрализм). Это парадигма, которая предусматривает множество взаимодействующих моментов, объединенных в целостность, она представляет жизнь общества как открытое взаимодействие основных компонентов, сфер данной жизни.

Социальная реальность рассматривается и изучается как субъектно-структурированный социальный объект, как социально-сущностный контекст, где у основания находится взаимодействие людей — разумных представителей живого мира. Именно они (люди) образуют деятельностные системы (автономные, комплексные, самореферентные), которые участвуют в бесконечном

преобразовании всех сфер социальной жизни, являются не номинальными, а реальными агентами и проводниками правовой жизни — совокупности всех форм юридического бытия общества (А.В. Малько).

В завершение отметим, что определенные новации присутствуют и на следующих уровнях методологии исследования правообразования (в рамках системного, социокультурного, исторического, социологического, социально-психологического, правоинтерпретационного и других методологических подходов), что выражает закономерный процесс развития и постепенного приращения гуманитарного знания новыми, оригинальными (хотя и не всегда бесспорными) идеями и концептуальными моделями.

Выступления

О.И. Цыбулевская,

*доктор юридических наук, профессор
Поволжской академии государственной
службы им. П.А. Столыпина*

Моральные источники правообразования

С интересом выслушала доклад В.В. Трофимова и хотела бы добавить, что сегодня, как никогда, становится ясно, насколько важен сам процесс создания закона. Многообразие подходов к процессу нормотворчества, направленность и уровень научных дискуссий не до конца «высветили» спектр существующих проблем. Необходим развернутый и глубокий анализ факторов, влияющих на эффективность механизма правового регулирования, в том числе нравственной составляющей, способность будущего закона «вписаться» в уже существующую правовую и нравственную систему.

В числе других социальных факторов нравственность оказывает непосредственное воздействие на формирование законодательства.

Вместе с другими социальными основаниями права (экономикой, политикой, религией, идеологией, культурой) мораль являет собой тот фон, среду, которая предопределяет появление, осуществление и изменение норм права. Рассмотренная под иным углом зрения мораль выступает как причина, условие, определяющее процесс формирования права.

В качестве источников права могут выступать те социальные факторы и явления действительности, которые служат фундаментом зарождения правовых норм, из чего государство черпает объективное право. Мораль общества, его социальных групп и индивидов через мир нравственного сознания, норм и отношений всегда выступала в качестве важнейшего социального источника права. Мораль является достаточно мощным и социально чувствительным резервуаром, из которого черпаются возможности для совершенствования источников права.

Источники права формируются и совершенствуются под исторически непрерывным «прессингом» со стороны морали. Именно она определяет нравственный потенциал и легитимность действующих правовых норм. Так называемых нравственно безразличных правовых норм в источниках права гораздо меньше, чем норм, имеющих свои нравственные аналоги (Н.Н. Вопленко).

Моральный фактор оказывает воздействие на правообразовательный процесс на всех этапах его развития, подлежит учету при разработке научной концепции будущего правового акта, при подготовке законопроекта официальными структурами. Свое проявление моральный фактор находит в принципах и установках правовой политики относительно главных сторон развития отраслей, подотраслей и институтов.

Правотворческая деятельность, как и всякая иная, безусловно, подвержена нравственным оценкам и критериям. Именно под влиянием морали складывается нравственная и правовая культура участников процесса законотворчества, в том числе депутатов, граждан и должностных лиц.

Нравственность наряду с другими подсистемами раскрывает роль юридической практики в развитии и совершенствовании законодательства. Такие аспекты жизнедеятельности, как национальная и местная бытовая специфика, обычаи и традиции населения, религиозные верования, тесно связанные с этической составляющей, должны найти отражение в правотворчестве.

В настоящее время по-прежнему актуальными остаются вопросы эффективности российского права, поэтому чрезвычайно важны научные разработки в данной области с учетом нравственных требований и критериев. Духовное начало здесь обязательно должно присутствовать. Высшим критерием оценки правотворчества должно быть обеспечение безопасности, здорового образа жизни, высокого морального и правового сознания народа. Все эти компоненты имеют прямое отношение к свободе, равенству, справедливости — моральным идеям права, которые должны изучаться наряду с материальными, идеологическими и формальными источниками. Из них право произрастает и на их утверждение направлено.

Т.В. Милушева,
*кандидат юридических наук, доцент
Поволжской академии государственной
службы им. П.А. Столыпина*

Государственная власть и правообразование

Доклад В.В.Трофимова весьма интересен и актуален. В условиях, когда отечественная юриспруденция, преодолев идеологическую изолированность, имеет возможность переоценить учения дореволюционных юристов, а также адаптировать к российским реалиям западные правовые ценности, не потеряв в то же время наработок советского периода, процессы правообразования нуждаются в переосмыслении. Для современной юриспруденции,

---

признающей факт правового плюрализма, характерно понимание права как многослойного явления. Представляется продуктивным исследовать правообразование в контексте различных типов правопонимания, обратив внимание на неоднозначную роль государства в этом процессе.

С точки зрения юридического позитивизма основным правообразующим фактором является государство, так как именно государственная воля придает определенным нормам правовое значение. «Правообразование — это процесс формирования государственной воли в законе» (А.С. Пиголкин). С этих позиций правотворчество традиционно определяется как вид государственной деятельности, направленной на установление (создание, изменение, отмену) правовых норм. А.Б. Венгеров в своем определении правотворчества обращает внимание на источники права, говоря о том, что государственные органы не только создают правовые нормы, но и санкционируют сложившиеся в обществе правила поведения.

Концепция правообразования, основанная на социологическом подходе, подчеркивает укорененность права в человеке как правовом субъекте, позволяет увидеть право как продукт человеческого взаимодействия, согласования интересов, как социальное явление, отражающее закономерные условия социального бытия и относительно независимое от государства.

С позиций естественно-правового подхода права человека выступают как естественное право, которое не устанавливается государством, а, напротив, предопределяет содержание волеустановленного права, служит критерием его правовой оценки. Свобода и равенство рассматриваются как природные свойства людей, а потому и как их неотъемлемые права, определяющие пределы государственной власти. Роль государства в формировании права здесь незначительна и формальна.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод: сегодня уже не вызывает возражений идея о том, что правотворческая деятельность государства должна трактоваться в известной мере условно. Право имеет социальное, а не государственное происхождение, последнее является объективной иллюзией, связанной с появлением государственно-правового регулирования.

Государственная власть может инициировать возникновение права, но ее возможности в этом направлении не безграничны. Государство не творит право. Оно лишь выражает его и способствует реализации юридических норм. Любое государство вынуждено считаться с условиями жизни конкретного общества, интересами, потребностями, менталитетом людей, социокультурными ценностными представлениями общественного правосознания. Силой, созидающей право, является практика множества общественных индивидов, в которой селективная эволюция отбирает правила поведения, обеспечивающие жизнеспособность социального целого, а следовательно, и условия бытия каждого человека (Л.И. Спиридонов).

Поскольку право находится в социуме, — задача государства выявлять наиболее значимые органичные для данного общества отношения и закреплять их на легитимной основе в качестве правовых. В этом ключе по-прежнему актуальны слова К. Маркса о том, что законодатель должен смотреть на себя как на естественного испытателя. Он не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует.

Ю.Ю. Ветютнев,
*кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Волгоградской академии
государственной службы*

О творческой стороне правообразования

Правообразование есть творческий процесс по созданию нормативного текста. В своей классической теории литературы М.М. Бахтин выделяет два основных вида литературного творчества: художественное и познавательное. Различие между ними проводится им по такому критерию, как миссия автора в создании текста. По мнению Бахтина, познавательная форма литературного творчества вообще-то не имеет автора в собственном смысле; творцом выступает сам предмет, о котором идет речь; автор находит смысл в самом предмете, который осуществляет по отношению к автору своего рода принудительную власть; автор не свободен в своих выводах, а связан той информацией, которая заложена в предмете его познания.

Таким образом, личность автора-творца, по Бахтину, свойственна только художественной форме, в которой содержание создаваемого текста всецело зависит от творческой воли автора. В научном тексте тоже, безусловно, присутствует определенная степень творческой свободы, но она распространяется только на форму, а не на содержание: автор научного текста волен выбирать, как изложить ту или иную мысль, но содержание самой мысли рождает не он, автор лишь черпает его из окружающей реальности, т. е. из тех предметов, о которых идет речь.

Этот тезис можно использовать как своего рода отправную точку для анализа юридического текста, который выступает центральным звеном (ядром) всей правовой реальности. Здесь обнаруживаются два подхода, которые полярны друг другу, по-разному представляют и объясняют природу юридического текста. В частности, в марксистской традиции предпринимается попытка рассматривать правотворчество как аналог научного познания. Согласно знаменитой формулировке Маркса, законодатель ничего не изобретает, а лишь фиксирует те общественные отношения, которые уже имеют место в реальности.

Таким образом, в марксистско-ленинской философии и юриспруденции считается аксиомой, что задача законодателя, т. е. автора юридического текста, — всего лишь правильно понять объективные взаимосвязи социальной реальности и адекватно отобразить их в составляемом тексте. Согласно теории отражения юридический текст — это всего лишь копия социальной реальности, которая выполняет исключительно функцию ее закрепления в существующем виде, а не преобразования.

Как нам представляется, эта позиция обладает очевидными слабостями, потому что сфера ее применения не универсальна. Маркс говорит о реалиях буржуазного общества, причем зрелого, в котором действительно основная

задача права — законсервировать некоторый существующий порядок. Но эти слова Маркса не относятся к революционным преобразованиям в государственно-правовой системе.

Парадокс в том, что теоретик революции в данном случае не учитывает специфику революционных событий. Ведь именно в революционные эпохи появляется возможность для спонтанного творчества, т.е. возможность перестроить общество в соответствии с каким-то новым образцом. И закон — это уже не описание существующих реалий, а проект, программный документ, в котором заложены принципы будущего общества. Таким образом, в периоды переломов, революций, даже реформ велика роль творческой воли законодателя, который решает, каким будет общество в исторической перспективе.

На наш взгляд, в действительности правообразование, как создание юридических текстов, занимает промежуточное положение между познавательным и художественным видами творчества. Дело в том, что законодатель, безусловно, в определенной степени связан окружающими реалиями, он не может урегулировать те общественные отношения, которых не существует. Однако он обладает возможностью видоизменить существующую реальность, задать ей иное направление развития. И в этом смысле его творческая воля обладает значительной степенью свободы.

Ситуация как бы зеркально противоположна той, которую описывает Бахтин применительно к научному творчеству, где содержание является заданным, а форма — свободной. Так вот, в области права все обстоит совсем наоборот: именно форма юридического текста является жестко фиксированной и непреложной, а вот содержание представляет собой переменную, которая в значительной степени зависит от творческой свободы автора.

В. С. Хижняк,
*кандидат юридических наук, доцент
Саратовской государственной
академии права*

Влияние норм международного права на правообразование

Нормы международного права могут оказывать влияние на возникновение норм национального права в том случае, если они являются обязательными для государства. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». На наш взгляд, в этом положении подчеркивается то, что обязательными для России являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации.

Большинство ученых сходятся во мнении, что составной частью правовой системы РФ являются ратифицированные международные договоры. Обще-признанные нормы и принципы международного права являются теми нормами, которые создают обязательства для всех государств мирового сообщества. Те нормы международного права, которые являются обязательными для государства, могут оказывать влияние на правообразование преимущественно, через осуществление механизма согласования. Механизм согласования реализуется на внутригосударственном уровне, и сам процесс реализации регулируется нормами национального права. В этом процессе принимают участие законодательные органы государства.

Согласование национального права с международным может осуществляться как по добровольному волеизъявлению государства, так и в силу его обязанности. Добровольное согласование происходит по инициативе государства, которое считает, что согласование норм его права с нормами международного права способствует развитию и эффективности первого. Обязанность согласовывать свое право с предписаниями международного права проистекает из международного договора, на обязательность которого государство выразило свое согласие в порядке, установленном в международном праве. Согласование может быть временным. Приводя свое законодательство в соответствие с международным правом, государство либо выполняет свою возникшую в данный момент обязанность, либо делает это из политических соображений. Впоследствии у него может возникнуть другая обязанность, и национальное право вновь будет изменено.

Ученые выделяют три группы методов согласования:

1) методы признания юридической обязательности международно-правовых актов, с которыми должны согласовываться национальные нормативно-правовые акты;

2) методы информирования о предписаниях нормативно-правовых актов;

3) методы согласования внутригосударственных нормативно-правовых актов с предписаниями международного права.

Акт денонсации, который влечет за собой утрату договором юридической силы, также может оказывать влияние на правообразование. Так как нормы внутригосударственного права, созданные в целях осуществления добросовестного выполнения договорных обязательств, могут быть отменены или изменены, хотя это не является обязательным, денонсация обратной силы не имеет. В ст. 70 Венской конвенции о праве международных договоров отмечается, что денонсация не влияет на права, обязанности и юридическое положение участников, возникшие в результате выполнения договора до его прекращения.

Д.Н. Горшунов,
*кандидат юридических наук, доцент,
зам. декана юридического факультета
Казанского государственного университета*

Принципы права и правообразование

Создание четкой системы принципов как фундаментальной основы всей системы права является одним из важнейших элементов правообразования. Очевидно, что в данном процессе участвуют различные, а не только собственно правовые механизмы, такие, например, как правопреемственность, но и значимые социальные и психологические факторы. В этой связи принципы права проводят идеи неправового свойства, но связывающие юридическую сферу с иными сферами общественной жизни.

Принципы права должны представлять правовую константу и не должны существенно изменяться в угоду политическим приоритетам, сиюминутной целесообразности. Это фундаментальные и упорядочивающие основы правовой системы общества.

Принципы, будучи своеобразным «мостом», переходом между юридической и иными сферами общественных отношений, представляются юридической основой общественной жизни и одновременно социально-психологической основой права, наполняют его содержание нравственным и гуманистическим содержанием. Это своеобразное сочетание «писаного» и «неписаного» права и в то же время — отражение коэволюции юридического и иного социального в обществе.

Одновременно принципы права выступают мерилем, критерием оценки как поведения субъектов, сообразованного с нормами права, выраженными в различных источниках (формах), так и самой системы законодательства, насколько она соответствует динамике развивающихся общественных отношений, выступая для нее своего рода основополагающими нормами.

Идея права должна носить единообразный характер во всей системе права, а не только в определенных отраслях. Целостный характер правовой сферы обеспечивается в том числе и единством системы принципов права, которые и приобретают особую роль в системе правовой регламентации общественных отношений.

Принципы права представляют собой довольно устойчивую и в то же время динамическую, развивающуюся систему основных начал права. Вопрос «Сколько у права исходных начал?» предлагается оставить бесконечно открытым, насколько это позволяет само развитие права, оставляя ресурсы для возникновения новых принципов права и правообразования в целом.

При определении принципа права следует исходить из того, что принцип — это такое же обязательное правило поведения для участников регулируемых правоотношений. Принцип не только закреплен в нормах, он сам есть норма. Поэтому для субъекта нарушение принципов должно повлечь

такие же неблагоприятные правовые последствия, как и пренебрежение иными нормами права.

Общественные отношения не могут регулироваться правовыми идеями, поэтому и принципы права не должны оставаться лишь научными декларациями, а должны быть включены в структуру системы права и обеспечиваться теми же правовыми средствами, что и иные правовые нормы.

Принципы права не следует воспринимать как нечто безусловно стабильное. На самом деле в них нет застывленности, и более того, в условиях динамики общественной жизни такая сверхпрочность представляется вредной. Принципы права подвержены трансформации в связи с изменением конкретно-исторических условий.

Т.В. Касаева,

*кандидат юридических наук, доцент
Поволжской академии государственной
службы им. П.А. Столыпина*

Правотворчество и правообразование

В последние годы интерес к проблеме правообразования в науке возрос. Особая значимость данного вопроса объясняется новым витком в становлении взаимоотношений между различными типами правопонимания. Формирующаяся правовая система государства, которое стремится стать правовым, не может развиваться исключительно на началах юридического позитивизма. Необходимо преодоление однозначной характеристики права лишь как продукта государственной власти. Правообразование — объективный процесс, который начинается до государственного вмешательства.

Концепция правообразования, основанная на социологическом подходе, позволяет переосмыслить методологию разработки нормативно-правовых актов, усовершенствовать процессы формирования стратегии правовой политики, планирования законопроектной деятельности. Указанный подход наилучшим образом позволяет увидеть, что право имеет социальное, человеческое, а не государственное происхождение. «Формирование права (правообразование) представляет собой сложный относительно долговременный процесс социального становления, юридического оформления и последующей социализации правовых норм в конкретных жизненных условиях» (А.А. Соколова).

Единство правовой системы Российской Федерации не в последнюю очередь обеспечивается *единством терминологии*, языка правотворчества, едиными стандартами оформления юридических норм. Отсутствие четко разработанного анализа понятийного аппарата данной проблематики и единообразного толкования смысла важнейших категорий правотворчества вызывает необходимость определиться с соотношением понятий: «правообразование», «правотворчество», «правоустановление». В литературе нет единства взглядов по данному вопросу.

Обоснованным представляется теоретическое построение, согласно которому правотворчество является составной частью правообразования, а правоустановление, в свою очередь, выступает частью правотворчества и представляет собой процесс принятия нормативно-правового акта. Под правообразованием в данной конструкции понимается естественно-исторический процесс формирования права, в ходе которого происходит анализ и оценка сложившейся правовой действительности, выработка взглядов и концепций о будущем правового регулирования, а также разработка и принятие нормативных предписаний. Процесс правотворчества, рассмотренный сквозь призму факторов, определяющих его содержание, в отечественной теории права называется *формированием права*.

Правотворчество есть заключительный этап правообразования. Предварительный этап правотворчества как раз и включает выявление потребности в правовом регулировании, изучение факторов, формирующих законотворческое решение, — политических, экономических, социальных, духовно-культурных, нравственных и др. Схематично процесс образования права может быть представлен следующим образом: возникает общественное отношение, нуждающееся в позитивном правовом регулировании; затем необходимость правового регулирования осознается лицами, принимающими участие в правотворчестве, т. е. формируется правовая идея (социальные источники права); и, наконец, появляется правовое предписание, выраженное во вне (форма права, юридический источник).

Понятие «правообразование» тесно связано с категорией «источники права». Можно выделить материальный, идеологический, религиозный источник права и т. д. Создание правовых норм начинается с возникновения объективной потребности в юридическом регулировании общественных отношений, проходит через институты общества и государства, реализуется властью в соответствующих формах. Оно не может быть произвольным, субъективным.

Н.В. Ушанова,
*аспирант Саратовской государственной
академии права*

Возможность и действительность в свете правообразовательных процессов

В порядке обсуждения доклада хотелось бы остановиться на роли философских категорий «возможность» и «действительность» в правообразовательных процессах, ибо методология исследования любого явления несомненно предполагает его философское осмысление.

Рассматривая «возможность» применительно к праву, необходимо, на наш взгляд, проводить различия между *возможностью его образования* и *возможностью реализации и развития*.

Впервые на несовпадение этих видов возможностей обратил внимание Д.А. Керимов, который определил правовую возможность как существующую в социальной действительности предпосылку формирования и реализации права: «Правовая возможность, будучи предпосылкой права и его реализации, является продуктом развивающейся социальной действительности, тех ее факторов, связей и отношений, которые потенциально предполагают соответствующее правовое регулирование».

Первоначально правовая возможность возникает как предпосылка создания правовой нормы, но это лишь первая стадия ее превращения в действительность. Затем наступает этап действия самой нормы в качестве регулятора соответствующих общественных отношений. В данной связи она может рассматриваться и как *действительность*, поскольку уже существует, и как *возможность* — до тех пор, пока не реализуется полностью.

Как предпосылку создания нормы права и ее реализации, правовую возможность определяют и некоторые другие авторы (Ю.А. Вехорев).

Докладчиком было верно отмечено, что интерпретация правообразования напрямую зависит от правопонимания. Если исходить из нормативного правопонимания, то предпосылки создания права можно рассматривать лишь как *социальную возможность*, но не правовую. Качество *правовой* она (возможность) приобретает только будучи зафиксированной в юридической норме, получив определенную степень гарантии и защиты со стороны государства. Такие возможности могут быть реализованы не только добровольно, но и с помощью властных структур, институтов, органов государства, правосудия.

С точки зрения механизма правового регулирования общественных отношений любая юридическая норма применительно к поведению субъекта есть лишь *возможность*, осуществление которой трансформирует норму в реальное поведение, в *действительность*. Процесс превращения правовых возможностей в действительность происходит в рамках предмета правового регулирования и связан с образованием новых форм правовой реальности: правоотношений, законности, правопорядка и т. д.

Представляется, что к *социальной возможности* правообразования относятся: предмет правового регулирования, источники права, правотворческая деятельность государственных органов.

Предмет правового регулирования понимается в правовой науке как регулируемые правом общественные отношения. С одной стороны, это явление обусловлено социально-экономической действительностью, а с другой — оно само выступает предпосылкой нового явления — права. Источник права применительно к правообразовательным процессам следует рассматривать в широком смысле, т.е. как основу происхождения чего-либо, причину, корень. В данном случае под этим понимается та среда, из которой возникает и развивается право, а также факторы, предопределяющие его содержание и формы выражения. Одни из них находятся вне правовой системы (воля, потребности, интересы и т.д.), другие — внутри нее (нормы, институты, отрасли права). Они могут быть как объективными, не зависящими от желания людей, так и субъективными. Правотворческая деятельность

государственных органов выступает завершающей стадией правообразования. Именно на этом этапе типичные общественные отношения облачаются в юридическую форму.

Следует отметить, что с развитием методологических средств правопознания к вопросам происхождения права стали подходить с учетом действия всего многообразия причин и условий, так или иначе опосредующих правообразование. Такой подход получил в науке название факторного анализа. Он имеет важное как теоретическое, так и практическое значение для уяснения социальной обусловленности права и правотворческого процесса в целом.

А.А. Перепеченов,
*аспирант Саратовской государственной
академии права*

Процесс образования права интеллектуальной собственности

В свете содержательного доклада В.В. Трофимова хотелось бы кратко проследить процесс зарождения и формирования в нашей стране права на различные виды интеллектуальной собственности.

Институт интеллектуальной собственности в России прошел сложный и длительный путь развития. Реально можно говорить о начале становления системы правовой охраны интеллектуальной собственности только в начале XIX в. Первый патентный закон «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах» был принят в 1812 г., а первый закон «Об авторском праве» — в 1826 г.

После Октябрьской революции явно прослеживаются попытки упразднить интеллектуальную собственность вообще. Важным этапом в истории развития законодательства об исключительных правах явилось присоединение СССР в конце 60-х — начале 70-х гг. к ряду международных соглашений.

В 1965 г., после присоединения страны к Парижской конвенции, советским правительством было принято постановление «О промышленных образцах», предусматривавшее возможность охраны прав на художественные решения внешнего вида промышленного изделия как с помощью свидетельства, так и патента. К концу 80-х гг. законодательство об интеллектуальной собственности стояло на пороге новых качественных изменений. Однако серьезного значения в связи с распадом СССР упомянутые права не получили.

Затем институт интеллектуальной собственности стал развиваться уже в другом русле. Произошедшие в 90-е гг. изменения в России, формирование рыночной экономики выдвинули проблему становления новой системы отношений интеллектуальной собственности, определяющих права производителей интеллектуального продукта, защиту этих прав и стимулирование

интеллектуального труда в новых условиях хозяйствования. До вступления в силу четвертой части ГК РФ законодательство РФ об интеллектуальной собственности состояло из Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ и отдельных нормативных правовых актов. Содержание этих нормативных актов все последние годы менялось, приспособлялось к условиям социально-экономической действительности внутри России и ее международным обязательствам.

В настоящее время четвертая часть ГК РФ основана на концепции полной кодификации действующего гражданского законодательства об интеллектуальной собственности. Был сделан шаг по созданию новой модели правового регулирования всего института интеллектуальной собственности.

Появились новые сферы правового регулирования, новые объекты, например права на базы данных, детальное правовое регулирование, связанное с ноу-хау (секретами производства), более основательно урегулированы вопросы, касающиеся наименования страны или места происхождения товаров, их брендов и много другого.

Сегодня ГК РФ вводятся авторские договоры, которые призваны стимулировать автора к активному участию в распоряжении своими правами, результатами труда в товарно-денежном обороте.

Усилению защиты авторских прав в ГК РФ служит расширение сферы применения компенсации, которую платит правонарушитель автору. Ранее в России в большей степени практиковалось возмещение убытков. При возмещении убытков автор должен доказать суду их наличие, причинную связь с нарушением и т. д.

Четвертая часть ГК РФ усиливает защиту прав на интеллектуальные продукты, повышает эффективность мер ответственности за их нарушения, гармонизирует российское законодательство в отношении международных обязательств Российской Федерации. Сам институт интеллектуальной собственности приобретает все большее значение.

Р.Я. Хидирнабиев,
*аспирант Саратовской государственной
академии права*

Обычай как компонент правообразования

Конституция РФ провозглашает равноправие народов (ч. 3 ст. 5), равенство прав и свобод граждан независимо от национальности, отношения к религии и других обстоятельств (ч. 2 ст. 19). Отсюда следует, что обычаи и традиции любого народа должны быть уважаемы и восприниматься как важнейшая ценность социальной и культурной жизни страны.

В последнее десятилетие происходит новый всплеск интереса к правовому обычаю на уровне теоретического исследования права народов России на свою

самобытность и ментальность. Это объясняется тем, что правовой обычай сохраняет и сегодня достаточно большой регулятивный потенциал, который проявляется наряду с законами, принятыми государством.

Однако в правовую систему инкорпорируются только правовые обычаи, санкционированные государством. Обычай должен быть основан на сознании его необходимости как важного регулятора общественных отношений. Предполагается, что обычай остается глубоко в сознании народа, отличаясь постоянством, устойчивостью и неоднократностью применения.

Крайне желательно, чтобы нормативно-правовой акт выражал право, создаваемое людьми в естественной форме обычая. Это объясняется тем, что обычай способствует более свободному восприятию закона, тем самым может служить дополнением к нему.

В целях развития и совершенствования российского права правовой обычай, как один из источников национальной правовой системы может иметь юридический статус, если нормы обычаев будут органично введены в правовую систему.

Следует согласиться с мнением В.А. Кряжкова, что правовой обычай эффективно действует тогда, когда безмолвствует закон; обычное право не может противоречить позитивному праву, но может применяться в случаях, установленных законом. Последний должен определять пределы действия соответствующих обычаев — по территории, кругу субъектов, характеру дел.

Невыгодные с точки зрения государства обычаи могут быть запрещены, но полностью игнорировать признанные и желаемые народом обычаи нельзя. Это объясняется тем, что на обычаях строится представление людей о праве и справедливости.

Государство, желающее вытеснения обычаев законодательством, должно стремиться сделать свои нормативно-правовые акты более справедливыми по сравнению с обычаями, поскольку они в процессе правообразования преследуют, как правило, мотивы общественной морали и нравственности.

Государство должно поддерживать прогрессивные обычаи, придавать им правовую форму, поскольку включение правового обычая в процесс правообразования повышает уровень правовой культуры общества.

Учитывая огромную социальную роль, которую в настоящее время играют правовые обычаи в жизни народов Северного Кавказа, необходимо согласиться с идеей Д.Ю. Шапсугова о разработке комплексной программы их изучения с участием в ней, наряду с отдельными учеными, юридических учебных заведений, находящихся на территории указанного региона.

Необходимость внедрения обычаев в процесс совершенствования законодательства предполагает, на наш взгляд, включение в программу по исследованию данного процесса и представителей правотворческих органов. Это объясняется тем, что государственная поддержка обычаев должна осуществляться точно и взвешенно, так как не все правовые обычаи необходимы и полезны в современной правовой системе.

Значение правового обычая в будущем может увеличиться вследствие необходимости искать выходы из огосударственного и политизированного права.

Стратегическая линия оздоровления современных правовых систем состоит в подключении к процессам правообразования непосредственно общественных сил на основе самоуправления и саморегуляции.

Нам кажется, что регулирование правообразования «сверху» должно соединиться с правовой саморегуляцией общества и социальных групп «снизу».

В своем докладе В.В. Трофимов, определяя понятие правообразования, справедливо акцентирует внимание на том, что данный процесс носит не только объективный, но и субъективный характер, поскольку он зависит в большинстве случаев от деятельности людей, сознательно формирующих определенные, обязательные правила поведения с целью установления порядка в социальных отношениях.

Право как обычай также возникает в различных общественных группах, следовательно, оно предполагает не только юридические нормы, содержащиеся в законодательстве, но и субъективные права физических лиц, их правомочия. Это важный момент правообразования.

Право — сложное, многоаспектное понятие. В современной литературе отмечается, что право — это не только идея, это еще и традиция, обычай, культура (В.К. Самигуллин).

Д.С. Барзилов,
*соискатель Саратовской государственной
академии права*

Правообразование в налоговой сфере: постановка проблемы

Процесс формирования права касается взаимодействия объективных и субъективных факторов, предопределяющих создание нормативно-правовых актов, учет которых способствует в конечном счете совершенствованию российского законодательства. В подобном аспекте можно говорить и о правообразовании в налоговой сфере, связанном как с познанием определенных факторов, вызывающих необходимость появления той или иной нормы, так и с формированием правила поведения, составляющего содержание данной нормы, и признанием этого правила в качестве обязательного. В налоговых отношениях, как показывает практика, существует множество вопросов, требующих более детальной правовой регламентации. Особо это касается совершенствования процесса налогового администрирования в Российской Федерации.

Современная налоговая система, к сожалению, пока не в полной мере приспособлена к реалиям жизни, весьма усложнена, громоздка, в налоговом законодательстве существует множество пробелов и коллизий. Нуждается в более детальном и качественном правовом опосредовании деятельность налоговых органов, осуществляющих управление налоговым процессом в целом,

---

внутрисистемное налоговое администрирование, взаимодействие со смежными и сотрудничающими государственными органами, налогоплательщиками.

Проблема правообразования в налоговой сфере касается и вопросов повседневной деятельности налоговых органов и их должностных лиц, обеспечивающей своевременную и полную уплату налогоплательщиками в бюджеты налогов, сборов и иных обязательных платежей.

Среди объективных факторов, предопределяющих направления преобразований в налоговом законодательстве, можно назвать необходимость оптимизации многих весьма усложненных налоговых процедур, множественность налоговых режимов, большое число налоговых льгот и специальных норм, требующих особого контроля налоговых органов за их применением налогоплательщиками, и т.п.

В процессе правообразования важно учитывать, что налоговое администрирование может осуществляться как императивным, так и диспозитивным методами правового регулирования. Поэтому перед законодательной фиксацией той или иной нормы в сфере налогового законодательства необходимо четко определить круг объективных и субъективных факторов, детерминировавших ее создание, чтобы вновь вводимое правило поведения адекватно регулировало общественные отношения.

По нашему мнению, в настоящее время нуждается в известном расширении сфера диспозитивного регулирования налоговых отношений. Сущность диспозитивности заключается в социальных возможностях в форме основанной на законе свободы субъектов правоотношений осуществлять субъективные права по своему усмотрению в границах закона. Вместе с тем диспозитивный метод должен сочетаться с императивным методом правового регулирования налоговых отношений.

В процессе правообразования в налоговой сфере немаловажное значение приобретает учет субъективных факторов, предопределяющих поведение субъектов налоговых отношений, их ценностных ориентаций, мотивов поведения, социально-психологических установок и других факторов экономической, политической и иных видов деятельности представителей различных социальных групп. Здесь первостепенное значение имеет проблема согласования интересов участников налоговых отношений, выбора критерия данного согласования.

С.В. Радаева,

*соискатель Саратовской государственной
академии права*

Судебная практика как источник российского права

Вопросы о роли суда в правообразовании, месте судебной практики и судебного прецедента в российской правовой системе до настоящего времени остаются дискуссионными.

По мнению многих авторов, судебная практика, безусловно, является источником права. Высказывается мнение о том, что она может служить вспомогательным источником права.

Основным вопросом дискуссии является вопрос: «Может ли решение суда рассматриваться как прецедент?». Большинство российских ученых дают на это положительный ответ. Судебная практика накапливает конкретные формы поведения в границах закона. Руководящие разъяснения Верховного Суда РФ признаются прецедентом толкования или выработкой правоположений на основе раскрытия смысла и содержания правовых норм.

Особенно актуальной данная проблема стала с появлением в нашей стране Конституционного Суда. Это связано прежде всего с наделением Конституционного Суда РФ правом толкования Конституции и проверки соответствия ей законов, которые применяются или подлежат применению при разрешении конкретного дела. Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин считает, что некоторые существенные признаки решений Конституционного Суда сближают их с прецедентами, так как его решения распространяются не только на конкретный случай, но и на все аналогичные случаи и имеют официальный характер, делающий их реализацию обязательной на всей территории страны.

Поскольку Конституционный Суд обладает самостоятельной правотворческой функцией, следует признать, что его решения приобретают прецедентный характер и становятся источниками права. Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь Г.А. Василевич пришел к выводу, что практика работы конституционных судов свидетельствует о появлении в системе права такого важнейшего его источника, как судебный прецедент. Такого же мнения придерживается Т.Я. Хабриева, называя решение Конституционного Суда актом правотворчества.

Однако не все авторы соглашаются с подобным мнением. Так, С.В. Поленина считает, что решения Конституционного Суда РФ, выносимые при рассмотрении конкретных дел, являются прецедентом только для самого Конституционного Суда, оказывая лишь косвенное влияние на правотворческие акты иных государственных органов.

Пожалуй, подобная позиция имеет под собой почву. Так, анализ Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» не позволяет ответить на вопрос о природе решений Конституционного Суда. С одной стороны, если расценивать его решения как акты конкретизации Конституции РФ (Б.С. Эбзеев), то они окажутся в иерархии нормативных актов выше принимаемых парламентом законов, что едва ли соответствует требованиям законности в демократическом государстве.

С другой стороны, прецеденты в деятельности Конституционного Суда по сути своей являются необходимым регулятором в условиях, когда проводятся радикальные реформы, а значит, коренным образом меняется законодательство, они обеспечивают стабильность права. Тем самым посредством практики Конституционного Суда право, по мнению В.Д. Зорькина,

---

одновременно выполняет как функцию стабилизации (консервативная функция), так и функцию развития (динамики).

Однако сколь не велика интерпретационная и правотворческая роль Конституционного Суда, отнесение судебной практики к источникам права связано в первую очередь с деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражного суда. В силу ст. 126–127 Конституции РФ Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ дают разъяснения по вопросам судебной практики.

Высшие судебные инстанции не стоят в стороне от нормотворческого процесса и активно используют свои возможности в данном вопросе в пределах своей компетенции, поскольку «одним из существенных недостатков в правовом регулировании является неопределенность, неясность, неконкретность включаемых в законы и иные нормативные акты норм» (Г. Гаджиев).

Специалисты отдельных отраслей права безоговорочно признают роль судебной практики в качестве судебного прецедента. В частности, В.А. Егизаров называет источниками транспортного права постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда, которые обеспечивают единообразие судебной практики и которым предоставлено право давать руководящие разъяснения судебным органам по вопросам применения действующего транспортного законодательства при рассмотрении судебных споров. В.М. Корякин обращает внимание на то, что судебный прецедент занимает важное место среди других источников права.

Многие вопросы вексельного права, на которые нет прямого ответа в Положении о векселе, получили практическое разрешение именно в судебной практике. По этой причине представление о вексельном праве не может быть полным без учета материалов судебной практики, прежде всего документов Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда РФ.

И.В. Тимошенко и А.В. Мелькумянц делают вывод о приобретении судебной практикой все большего влияния на правильное толкование и применение правовых норм судами различных уровней, в том числе при рассмотрении хозяйственных споров. Последняя точка зрения является убедительной.

Как указано в п. 4 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П, акты судов общей юрисдикции и арбитражных судов являются по своей природе правоприменительными. Решения данных судов не имеют общеобязательного значения, они не обязательны для других судов по другим делам (Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 25, ст. 3004).

Б.Б. Сулейманов,
*кандидат исторических наук, зав. кафедрой
Северо-Кавказского (г. Махачкала) филиала
Российской правовой академии Министерства
юстиции РФ*

К вопросу о некоторых проблемах методологии правообразования

Доклад В.В. Трофимова представляется важным и своевременным, поскольку, как известно, в методологии права имеется множество проблем, требующих более глубокого исследования. На вопросе правообразования «замыкаются» многие проблемы юридической науки. Поэтому выбранная тема актуальна и своевременна. Докладчик во многом солидарен с представителями социологического позитивизма (Н.М. Коркуновым, М.М. Ковалевским, С.А. Муромцевым и др.), однако стремится обойти наиболее острые углы указанной теории, что ему в значительной степени удается. Следует отметить, некоторые утверждения докладчика вызывают ряд вопросов и возражений.

Во-первых, определение методологии дается в духе марксистской теории «преобразования действительности» (Маркс К. «Тезисы о Фейербахе»). Также утверждается, что философский уровень методологии проблемы преобразования определен и установлен главным образом в рамках советского правоведения. В последнем случае автор как бы несколько негативно относится к самому марксизму. При этом всеми силами поощряется элемент субъективности, который включается в процесс познания.

Во-вторых, докладчик субъективирует и мир, и процесс познания: «мир, существующий вокруг человека как субъекта познания, — это мир сконструированный». Нам представляется, что здесь допущено некоторое преувеличение. Более того, возможный эффект такого подхода указан в конце доклада: «преодолевается монизм исторического материализма; признается плюрализм факторов, влияющих на возникновение права». Все это приводится в конце доклада, хотя должно быть его началом.

В-третьих, В.В. Трофимов верно отмечает, что до исследования процесса правообразования необходимо иметь «четкое представление», о каком праве идет речь. При этом сам докладчик не дает даже «рабочего определения» права, одновременно давая понять, что является сторонником социально-позитивистского направления, синтезируя или допуская существующие признаки выделяемые, в том числе представителями либертарной концепции права (С.8). Между тем возникают некоторые сомнения возможности такого синтеза. Автор, по сути, признает все три основные концепции, которые полярно отличаются друг от друга. Фактически методология правообразования может погрузиться в другой, не менее важный и одновременно трудный эпицентр научных споров — определения права.

В-четвертых, докладчик, указывая на многогранность и многоаспектность правообразования, вскользь говорит об особенностях социальной среды, в которой происходят межличностные взаимоотношения. Однако сам автор ничего не говорит о видах и типах таких социумов (есть ли типические социумы, которые определяют либо отдельные формы права, либо характер самих правовых систем, и т.п.).

Хотелось бы отметить и другой важный момент: доложенный нам текст формирует мнение о некоторой незавершенности доклада. В частности, к методам правообразования автор относит почти все научные средства и приемы, не выделяя из них главные или особо значимые. Не выделены и не конкретизированы первоначальные и производные факторы, влияющие на процесс правообразования, что существенно затрудняет расстановку акцентов и выделение его стадий. В научной литературе по этому вопросу высказывались вполне определенно (С.А. Муромцев). Для выяснения ряда моментов приходится обращаться к предыдущим работам докладчика.

Все это позволяет судить о необходимости проведения дальнейших научных исследований.

О.Н. Коржиков,

*кандидат социологических наук, доцент
Астраханского филиала
Международного юридического института
при Министерстве юстиции РФ*

Преобразование и проблемы подготовки специалистов в правовой сфере

В контексте рассмотрения проблемы правообразования (процесса формирования права, осуществляющегося под воздействием объективных и субъективных социальных факторов) следует обратить внимание на уровень образования и правовой культуры всех участников правовой жизни, активность и деятельность которых приводит в движение весь правообразовательный механизм. От того, насколько высоким является этот уровень (правового образования, воспитания, культуры), зависит правовой характер содержания формирующихся в ходе многочисленных социальных взаимодействий правил поведения, стандартов социально-правового взаимодействия и непосредственно правовых норм.

В настоящее время далеко не все проблемы в области юридического образования и воспитания решены. Поэтому актуальным остается вопрос эффективности (социальной ценности) практического применения современного российского юридического образования, с решением которого непосредственно связано совершенствование всей политико-правовой системы.

Постановка вопроса о необходимости улучшения результатов практической отдачи профессиональной подготовки в юридических вузах связана с объективной потребностью современного российского общества улучшить кадровый потенциал, способный обеспечить, во-первых, квалифицированную юридическую помощь в реализации и защите субъективных прав и законных интересов людей (ст. 48.1 Конституции РФ), во-вторых, высокий уровень качества проводимой в стране правовой политики (в сфере правотворчества, правоприменения, правоинтерпретации, охраны правопорядка и т. д.).

Решению проблем эффективности юридического образования в последние годы научной общественностью уделяется значительное внимание: проводятся научно-практические конференции, «круглые столы», выходят многочисленные сборники публикаций, высказываются различные новаторские предложения, касающиеся как доктринальных и концептуальных проблем реформирования юридического образования в нашей стране, так и отдельных аспектов и структурных элементов юридической образовательной системы. Эти поиски являются, безусловно, оправданными, так как, несмотря на все издержки, приводят к положительным сдвигам в данной сфере (открываются новые учебные заведения, меняются образовательные стандарты, модернизируются учебные программы, вводятся новые образовательные технологии и т. п.).

Одна из принципиальных задач, которая должна быть решена в рамках инновационных образовательных проектов, связана с тем, чтобы создать в системе юридического образования необходимые внутренние ресурсы, резервы, которые обеспечивали бы его мобильность, а следовательно, стабильность.

Эффективность правового регулирования непосредственно связана с эффективностью системы подготовки юридических кадров, повышением уровня их правосознания. Эффективностью же юридического образования есть результат его социальной ценности. Поэтому для того чтобы юридическое образование было результативным, оно должно постоянно ориентироваться на правовые потребности и интересы общества в целом, его отдельных социальных групп, систем взаимодействия индивидов и их общностей.

Достижение данной цели возможно в случае правильного использования социолого-правового инструментария. С его помощью юридическое образование будет способно своевременно реагировать на перемены в правовой жизни, мобильно перестраиваться и обеспечивать политико-правовую систему специалистами, которым не потребуется переучиваться на практике, по-новому адаптироваться к сложным условиям российской и международной правовой действительности. Это позволит активно способствовать формированию и обновлению правовой системы.

Н.И. Матузов,

*доктор юридических наук, профессор
Саратовской государственной академии
права, Заслуженный деятель науки
Российской Федерации*

Заключительное слово

Позвольте мне, в качестве руководителя нашего постоянного действующего методологического семинара, подвести, как всегда, некоторые итоги, обратить внимание на ряд наиболее существенных моментов.

Мы заслушали, вне всякого сомнения, интересный, содержательный доклад по сложной концептуальной теме, имеющей в теоретической и практической юриспруденции ключевое значение. Автор является докторантом, хорошо знает проблему, давно ею занимается, поскольку его кандидатская диссертация также была связана с исследованием правообразующих процессов.

Докладчик правильно определил свою главную задачу — «поиск ответа на вопрос о том, как формируется, создается, творится, образуется, конституируется право». Действительно, как? Это исходный, гносеологический, истоковедческий вопрос. Откуда право берет свое начало, каков его генезис, как оно рождалось, развивалось, во что трансформировалось (оформилось) сейчас, в наши дни? Небезынтересен также вектор дальнейшей эволюции рассматриваемого феномена (взгляд в будущее).

Подход верный, конкретно-исторический. Здесь автор (сознательно или бессознательно) следует традиционной классике, т. е. осмысливает проблему в динамике, движении. Не принято сегодня ссылаться на прежних кумиров, которым еще вчера поклонялись. Но поскольку не все из их наследия выброшено за борт, я позволю себе (к слову) напомнить некоторые отнюдь не устаревшие высказывания теоретиков минувшей эпохи. А они утверждали: «Если взять какое угодно явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего», «чтобы не затеряться в массе мелочей, надо смотреть на вещи исторически: как данное явление возникло, как развивалось, какие этапы прошло, чем стало теперь». Разумеется, это полностью относится и к праву, его формированию.

И, конечно, как подчеркивается в докладе, становление права — процесс социально обусловленный, детерминированный многими факторами и условиями, которые в свою очередь никогда не оставались неизменными, раз навсегда данными, — они тоже постоянно менялись и меняются. Это ни в коем случае не должно умалять роль самих правотворцев (законодателей). Право, как и процесс его образования, есть единство объективного и субъективного. Ведь назревшие потребности, интересы, предпосылки должны быть осознаны людьми, прежде чем получить внешнее выражение в определенных формах (нормах, актах), адресованных обществу.

Автор абсолютно прав, когда подчеркивает, что «интерпретация правообразования напрямую зависит от правопонимания». Поэтому в основе исследования процесса формирования права должно лежать четкое представление о том, о каком праве идет речь, какой конечный продукт мы хотим получить на выходе. Мне тоже не раз приходилось указывать на данное обстоятельство в различных дискуссиях, в том числе на наших семинарах, а также в публикациях. Плюрализм правопонимания предполагает плюрализм правообразования, и наоборот. Жесткая взаимосвязь.

В самом деле, если под правом понимать совокупность исходящих от публичной власти общеобязательных норм (к чему, кажется, склоняется большинство ученых), то ясно просматривается один правообразующий процесс. А если право — это некая общая высшая (абстрактная) идея справедливости, нигде, никем, никак не зафиксированная (так называемое «неписаное» право) или, как тут правильно говорил Ю.Ю. Ветютнев, не выраженная ни в каком «юридическом тексте», возникает совершенно другая картина «сотворения» права. В последнем случае надо, видимо, говорить о формировании идей, взглядов, доктрин, теорий, воззрений, так или иначе трактующих право. Фактически это **правосознание**, еще не перешедшее в право. Иными словами, можно говорить о государственно-волевой «родословной» права и идейно-мировоззренческой. То есть надо различать *правообразование и правоустановление (правотворчество)*. Впрочем, вопрос этот не простой, спорный, поэтому предлагаю всем еще и еще раз над ним подумать.

Хотел бы затронуть еще один аспект. Мне кажется, что в последнее время наблюдается некоторая увлеченность методологией как таковой, придание ей самодовлеющего значения, если угодно — фетишизация. При этом я имею в виду не специальные работы, посвященные данной теме, — они-то как раз необходимы и полезны (Д.А. Керимов, Н.Н. Тарасов и др.). Мое наблюдение касается обычных исследований по разным проблемам, в которых очень часто неоправданно большое место отводится методологии (в качестве обязательной составляющей), с неизбежными повторами, пересказами уже известного, с привлечением обширной литературы. Ведь законы диалектики никто не отменял, есть целый арсенал современных приемов познания, которыми *нужно просто пользоваться*. Следует помнить, что при всей огромной роли методологии она все же не цель, а средство.

Между тем иногда складывается впечатление, что методология — единственная и стопроцентная гарантия успеха в решении любой проблемы. Это не так. Методология — условие, предпосылка, путь к достижению результата, а не сам результат. Метод выражает **подход** к изучению явления и не более того. Сам по себе он не дает решения задачи. Не **что**, а **как** — вот его кредо. Методологию нельзя недооценивать, но нельзя и переоценивать, возлагать на нее излишние надежды.

Любопытно, что западные аналитики, в частности известный американский политолог Крейг Калхун, выступая в российской прессе и отдавая дань заслугам нашей страны в области физики, математики, астрономии, космоса,

---

в то же время отмечают, что в общественных науках она «не сильно выделяется» (мягко и деликатно сказано). По его мнению, российские ученые приходят в экономику, социологию, политологию, юриспруденцию и другие области знаний «не с новыми идеями, а с методами». «Они все более изощренными способами пытаются проверить идеи, придуманные другими». Как говорится, не в бровь, а в глаз!

Вот и в данном случае Василий Владиславович, видимо, находясь в плену названной тенденции, озаглавил свой доклад так: «Правообразование: методология исследования». Не собственно **правообразование** (сущность, содержание, понятие, определение, характерные черты, признаки, функции, особенности, соотношение с другими процессами, например государствообразующим, и т. д.), а то, как все это надо изучать. Повторюсь, не *что* (предмет), а *как* (подход). Конечно, подход тоже важен, ибо «не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным» (Маркс). И если кого-то интересует только «путь», то это уже несколько иная тема, а именно методология, которой, разумеется, нельзя пренебрегать, ею нужно заниматься, но она, как я уже отметил, — не самоцель. Главное — результат, т. е. решение проблемы.

Надеюсь, докладчик не обидится за этот упрек, поскольку мы на наших семинарах говорим не только о положительных моментах обсуждаемых докладов, но и высказываем замечания, пожелания, рекомендации. Это хорошая, проверенная форма предварительной апробации докторских работ, и для любого соискателя именно критические суждения представляют особый интерес. А дело автора — соглашаться или не соглашаться. Мы, как говорится, даем «информацию для размышления».

Благодарю Василия Владиславовича за неординарный доклад, а всех присутствующих и особенно выступавших — за участие в семинаре.

**Памяти Михаила Иосифовича Байтина
(1921–2009)**

Ушел из жизни известный ученый, талантливый педагог и прекрасный человек — Михаил Иосифович Байтин. В этом году ему исполнилось бы 88 лет. М.И. Байтин — профессор, доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ, посвятивший свою жизнь непростым, но любимым занятиям — преподавательской деятельности и научному творчеству.

Михаил Иосифович Байтин родился в семье врача 22 декабря 1921 г. в г. Каменске-Шахтинском Ростовской области. В начале 30-х гг. он переехал с родителями в Москву, где продолжил учебу в школе. С сентября 1940 г. М.И. Байтин — студент Московского юридического института. Со второй половины 1943 г. без отрыва от работы М.И. Байтин продолжил учебу в Московском филиале Всесоюзного юридического заочного института, который закончил с отличием в январе 1947 г., получив квалификацию юриста. В 1948 г. он поступил в очную аспирантуру Московского юридического института, в 1951 г. под руководством выдающегося отечественного ученого Н.Г. Александра защитил кандидатскую диссертацию.

В сентябре 1951 г. по направлению союзного Министерства высшего образования М.И. Байтин приехал в Саратов. С тех пор он плодотворно трудился на кафедре теории и истории государства и права, после ее разделения — на кафедре теории государства и права Саратовского юридического института им. Д.И. Курского, преобразованного в 1994 г. в Саратовскую государственную академию права. В этом коллективе он вырос от старшего преподавателя до профессора кафедры и сложился как педагог высшей квалификации, видный российский ученый-правовед, один из ведущих специалистов в области общей теории государства и права.

В 1973 г. М.И. Байтин защитил в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова докторскую диссертацию на тему «Государство и политическая власть (теоретическое исследование)», в 1976 г. получил ученое звание профессора. Все это время М.И. Байтин вел активную педагогическую и воспитательную работу. Он всегда помогал молодым преподавателям, много внимания уделял руководству научной работой студентов. У него — тысячи учеников, которые ныне успешно трудятся в различных сферах: федеральных и региональных органах представительной и исполнительной власти, судах, прокуратуре, МВД, юридических научных и образовательных учреждениях России и стран СНГ.

Сферой научных интересов М.И. Байтина был весьма широкий круг проблем современной юридической науки: политическая власть, сущность, функции и механизм государства, демократия, правовое государство, сущность и

понятие права, единство естественного и позитивного права, соотношение права и правовой системы, принципы и функции права, учение о юридической норме, система права, эффективность правового регулирования, законность и ее специально-юридические гарантии, охрана и развитие прав и свобод человека. Им опубликовано около 250 работ, включая книги, учебники, статьи, рецензии, тезисы научных докладов. Некоторые его работы переведены на иностранные языки и переиздавались за рубежом. М.И. Байтин — ответственный (научный) редактор многих книг и межвузовских научных сборников, участник разнообразных международных и всероссийских конференций.

Многообразна общественная деятельность М.И. Байтина. Много времени и сил он отдавал правовому воспитанию населения, повышению правовой культуры работников правоохранительных органов. Значителен вклад М.И. Байтина в дело подготовки научных кадров. Под его научным руководством защитились свыше 30 кандидатов юридических наук, 8 докторов наук. Созданная и руководимая им научная школа вместе с учениками его учеников объединила более 70 человек.

Михаил Иосифович Байтин — ветеран Великой Отечественной войны и ветеран труда. Он удостоен государственных наград, в том числе почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (1995 г.), ордена Почета (1999 г.) и девяти медалей (в том числе «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»), многих ведомственных и общественных наград. В 1996 г. он был избран академиком РАЕН (по секции гуманитарные науки и творчество), в 2005 г. — действительным членом Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка.

Благодаря яркому научному дарованию его многочисленные работы и педагогическая деятельность внесли значительный вклад в развитие российской правовой мысли и юридической практики, совершенствование юридического образования.

Российская научная общественность искренне скорбит и выражает соболезнования близким в связи с уходом из жизни своего достойного представителя и просто замечательного человека — Михаила Иосифовича Байтина.

*Редколлегия журнала
«Правовая политика и правовая жизнь»*

· ANNOTATIONS ·

Kostenko M.A.

Legal politics of russian state as a factor of stability in a society

Legal politics of the state footnotes main priorities of state development in legal sphere and present coherent basis for further law-making activity. Providing a direction of legal development is a multifactor task which demands a critical awareness of both scientific instruments of analyzing and system approaches to the subject. Analysis of factors which influence stability of a legal system of Russia and effectiveness of legal regulation evaluates core vectors of strategic development. Thus the conception of the development of legal system must also assure such factors as perspectives of a society interests and requirements, legal mentality and a level of legal conciseness.

Rudkovsky V.A., Voplenko N.N.

Problems of institutionalization of the legal policy in the modern Russian state

The article is devoted to the investigation of the features of institutionalization of the legal policy in the modern Russia. The features of the institutional structure of the legal policy are considered. The role of social interests in the process of political institutionalization is shown.

Ignatenkova K.E., Potapova O.B.

To the question about efficiency of legal acts of President of Russian Federation

The article is devoted to the searching of the question about efficiency of legal acts of President of Russian Federation. The authors analyze problems stopped the realization of acts of the President, suggest the ways of the improving of its efficiency.

Arzamasov Y.G.

Departmental normative deeds as mean of lawful policy of State

The author asks: "What government bodies form the legal policy of State?" Answering this question, the author points at the departmental normative deeds are the lawful instruments in realizing of the State policy.

Sokolov A.F.

Investigation Committee at the Prosecutor's Office of the Russian Federation in Legal Life of Russia

The article concerns specific features of legal regulation of the Investigation Committee work and the problem of law-making practice as well as the perspectives of the future reform of preliminary investigation procedure in Russia, the problems arising due the creation of this committee.

Trubin V.Y.

The problems of the budget responsibility in the cases of disparity with the list of expenditures affirmed by the budget, of financing the expenditures not included into the budget list and in excess of the affirmed limits

Breaking of law in the cases of disparity with the summary budget list and with the budget list of the main administrative organs, affirmed in the budget as well as in excess of the affirmed limits is made provision in articles 295,296,297 BC of RF. This article is devoted to the problems of applying of this responsibility.

Vyatchin V.A.

The fulfillment of money obligation

This article is about of money obligation. The author exposes the content of principles of real obligation. He studied the object, method and conditions of fulfillment of money obligation. He had done the conclusions upon the problems which were touched in this article.

Magomedov B.M.

Particular order of hearing as one of the forms of the summary jurisdiction

The chapter of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation provides for the special order of law investigation applied to a simply cases that allows to economize on legal proceedings means and bankroll. The order itself has positive importance however some moments of the mentioned procedure are still arguable.

Koroleva V.V.

Land reform accomplishment in Russian Federation and state regulation

The article is devoted to the problems of land reform realization in Russians Federation. The author pays special attention to some questions of land and civil legislation. Some lines of land relationship development are suggested in the context of the reform.

Trofimov V.V.

Legal life concept: its theoretical and methodological significance

The theoretical and methodological significance of the concept “legal life” is substantiated in the article. There is discovered a correspondence of basic idea aspects of a legal life concept to actual trends of philosophic knowledge development. There are presented arguments in favour of “legal life” concept introducing into a conceptual-categorical series of “the State and the Law” modern theory.

Magomedov A.K., Nikerov R.N., Kulikova M.A.

The energy policy of Big Caspian and international law

At the turn of the 20th and 21st centuries the Caspian Oil turned out to be a very important object of rivalry for the resources. This work pursues the disposition of the political stimuli of Russia and the Collective West in the face of the struggle for the Caspian hydrocarbonic resources and the transitive territories. In many respects this rivalry characterizes the evolution of the modern world.

Romanova C.A.

To the question about legal text as information facility to legal communication

The Article is dedicated to consideration to essence of the legal text and his(its) dug in process of the legal communication. The Author is analysed importance of legal information in legal text, is considered problem imperfection legal term.

Chekmarev E.V.

Modernization and Globalization: Commons and Peculiarities

In this article problems of modernization and globalization are analyzed; basic features of modernization and globalization in the modern world are revealed; role of the law policy in integration processes of the contemporary modernization and globalization is shown; growing role of political and law values while globalization is described.

Martinov M.Y., Dorogonyko E.V., Ganeeva L.D.

Social resources of youth in social production system

In article results of the sociological research which have been carried out by laboratory of sociological researches of the Surgut state university together with committee on the youth policy Khanty-Mansisk of autonomous region which purpose was the estimation of a social resource of youth are presented. In article the given researches of problems of adaptation of youth in system of relations of production are cited.

Osipov M.Y.

The major factors influencing on realization and application of right

One of actual problems in the general theory of the law is the problem of definition and classification of the major factors influencing process of realization of the law and application of the law. In this article, the author is analyzed the major factors influencing realization of the right and application of the right, and the basic risks connected to processes of realization of the right and application of the right.

Ponihidin J.M., Surkov O.S.

Empire as the history-legal phenomenon

In work attempt to define as a phenomenon of empire in history-legal aspect is done. On the basis of the system approach the empire appears as dynamic structure from the several interconnected elements. Occurrence, a role and a place of Russian empire in a context of the European imperial tradition is analyzed.

Klepikov M.S.

The specification of the semantic maintenance of three values of word «Russian»

The given research has allowed to specify semantic loading at the use by authors of three values of word «Russian». At the analysis three concepts of identity have been used. Distinction in semantic loading is shown at use of three values of word «Russian».

Suleimanov B.B.

Legal basis of legal procedure and judicial system of Dagestan in the second part of 19 century

The judicial reform of 1864 being the most consistent and significant among all the reforms of 60-70-s had been realized in many regions of Empire with considerable changes and requisitioning and negative consequences. In Dagestan among the basic requisitioning were the assignment of responsibility of investigators on the Justice of the Peace and legal posts' dependence on executive power authorities.

Levin V.F., Chukanov I.A., Fedina T.V.

Development of the institute of criminal responsibility for the belonging to totalitarian and cruel religious studies in Russia XIX – early in XX

The article shows a brief analysis of the development of criminal legislation of the Russian empire in the struggle against the fanatic religious sects and the groups which represented considerable social danger at the boundary of the centuries. Classified indication of an unlawful act are given . The development of the institution of criminal responsibility for committing above mentioned crimes is also being considered.

Nikiforova I.M.

Influence of politogenesis features to formation of institutes of the power of Obsko-Ugrians

The article is considering political and social structure of an obsko-Ugrian society on the eve of occurrence of territories of primordial residing in structure of the Russian empire is described. Also the interrelation between features of formation of imperious elite in obsko-Ugrian society and success of introduction in society of sociopolitical changes, depending on that is established, considering given features or not.

Agafonov V.V.

The freedom of speeches and debates» of the member of the russian parliament and its legislative guarantee

In the article under the review some peculiarities of the deputy immunity regulations of the State Duma of the Russian Federal Assembly are analyzed. The estimation of the efficiency of the given guaranty in the contemporary russian political situation is given in the article under the review.

Mikshis D.V.

The genesis of self-defense and the phenomenon of extra judicial remedies

The article below is the first civilistic research on the genesis of self-defense. The author taking extra judicial remedies as the example analyzes the evolution of self-help and differentiation of forcible actions to legally allowed (non-judicial remedies) and forbidden.

Torkin D.A.

The peculiarities of Russian civil-legal mentality

The author argues on influence of national character and developed Russian traditions on understanding and use of working civil-law designs.

Krasnova T.V.

The termination of the lawful mode of property, got during the marriage

The Article is devoted to the analysis of problems of the termination of a legal regime of the common joint property of spouses. The special attention is given to questions of application of the rules of terms of limitation of actions to requirements of former spouses about section in common earned property. Necessity of legislative fastening of the mechanism of the unconditional termination of the general joint property of former spouses is proved.

Devyatov S.A.

Ways of perfection of financial maintenance of local government in the light of realization of national law “About general principals of organization of local government in the Russian Federation”

The author of the article reveals that interbudget transfers will become one of the main ways of perfection of financial maintenance of local government. Author suggests creating a fund of development of municipalities as mutual aid fund. Public authorities could take money on realization of perspective projects, which can be recompensed during 5-7 years, and only with business plans and only on repayable basis.

Alekseyeva E.V.

Application of public legal norms by courts and arbitration boards in case of invalidating international commercial transactions

The paper analyzes influence of the native and foreign public legal norms on validity of transactions. The author has marked out application conditions of these norms based on judicial practice of state courts and international commercial arbitration.

Ivanova L.V.

Regulation of the perpetrator’s excess in the countries of the Muslim law

The analysis of the legal provisions regulating responsibility of accomplices in the circumstances of the perpetrator’s excess is carried out in the article. Criminal codes of some Muslim countries, such as Sudan, Bahrain, The United Arab Emirates, Iraq, Pakistan and also the countries which legal systems have the mixed character but in which the Muslim law partially operates are considered in the article.

Barzilov D.S.

Legal aspects regulation of the tax relations

The article covers the main methods of legal regulation of tax treatment with the amendments made in the current Russian legislation being taken into consideration. The emphasis is made on the analysis of the dispositive method, which provides subjects with the certain alternative opportunity to choose the behavioral patterns.

Arzumanyan A.E.

Techniko-legal rules and receptions of fastening a competition of norms in the Russian right

In article general-theoretical questions of technics of legislative registration a competition of rules of law are considered. In work basic rules of a statement of norms of the right forming a competition are allocated. The most important means of technical registration of competing instructions in the legislation are analyzed. In particular following tools of legal technics are considered: sendings, notes, instructions-commissions, operative instructions, conflict norms.

Biryulin I.V.

The ideological maintenance of ecological positions of the Russian Federation.

In article bases of global ecological ideology and feature of its display in ecological positions of Russia are considered. In article the international influence on formation state RF to environmental problems.

Kurdubanova M.U.

Stable incapacity state of health to realize belonging by President in Russian Federation authority as degree of constitutional and legal responsibility

In the article considers the question about stable incapacity state of health to realize belonging by President in Russian Federation authority as degree of constitutional and legal responsibility. Conception of Stable incapacity state of health to realize belonging as degree of constitutional and legal responsibility. Constitution of Russian Federation vested means of preschedule cessation authority President of Russian Federation.

Andronov O.V.

Political and legal aspects of the relations between the State and non-governmental organizations in modern Russia

This article analyzes the main directions of the development of legal basis of the non-governmental organizations. It is concluded that non-governmental organizations, as institutions of the civil society experience the control strengthening of the state during in recent years.

· КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА / KEY WORDS ·

Костенко М.А.

Правовая политика Российского государства как фактор стабильности общества

Ключевые слова: правовая политика; юридическая стратегия; правовая идеология; правовой менталитет; эффективность правовой регуляции.

Key words: legal politics, judicial strategy, legal ideology, legal mentality, an efficiency of legal regulation.

Вопленко Н.Н., Рудковский В.А.

Проблемы институализации правовой политики современного Российского государства

Ключевые слова: правовая политика; институционализация; социальные интересы; концепция правовой политики; правотворчество

Key words: legal policy; institutionalization; social interests; concept of legal policy; law-making

Игнатенкова К.Е., Потапова О.Б.

К вопросу о повышении эффективности правовых актов Президента РФ

Ключевые слова: Правовой акт; Правовая политика; Президент; Послание Федеральному Собранию; Указ Президента

Key words: Legal act; Legal policy; President; Message to the Federal Assembly; Decree of President

Арзамасов Ю.Г.

Ведомственные нормативные акты как средства правовой политики государства (часть 1)

Ключевые слова: Правовая политика; Правовые средства; Орган власти; Ведомственные нормативные акты; Реализация государственной политики

Key words: Legal policy; Legal means; Government body; Departmental normative deeds; Realization of state policy

Соколов А.Ф.

Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации в правовой жизни России

Ключевые слова: Следственный комитет; правовое регулирование; предварительное следствие; реформа предварительного следствия; проблемы Следственного комитета.

Key words: Investigation Committee, legal regulation, preliminary investigation, reform of preliminary investigation, the problem of the Investigation Committee.

Трубин В.Ю.

Проблемы бюджетной ответственности в случаях несоответствия бюджетной росписи расходам, утвержденным бюджетом, при финансировании расходов, не включенных в бюджетную роспись и сверх утвержденных лимитов

Ключевые слова: Правонарушения; Сводная бюджетная роспись; Бюджетная ответственность; Финансирование расходов; Административные органы

Key words: Breaking of law; summary budget list; budget responsibility; financing the expenditures; administrative organs

Вятчин В.А.

Исполнение денежных обязательств

Ключевые слова: деньги; обязательства; сделки; денежные обязательства; денежный долг; должник; кредитор; принципы надлежащего и реального исполнения обязательств; срок исполнения денежных обязательств; место исполнения денежных обязательств.

Key words: money; obligations (commitments); bargains (deals); money obligations; money debt; the debtor; the creditor; the principles of real obligation; the term of fulfillment of money obligations; the place of fulfillment of money obligations.

Магомедов Б.М.

Особый порядок судебного разбирательства как одна из форм упрощенного производства

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс РФ; Уголовное дело; Процессуальные средства; Особый порядок рассмотрения; Экономия финансовых ресурсов.

Key words: The Criminal Procedure Code of the Russian Federation; criminal case; legal proceedings means; special order of law investigation; economy of bankroll

Королева В.В.

Земельная реформа в Российской Федерации и проблемы государственного регулирования

Ключевые слова: земельная реформа; государственное управление; земельное законодательство; земельный кодекс; гражданский кодекс; земли сельскохозяйственного назначения; недвижимое имущество.

Keywords: land reform, state management, land legislation, land code, civic code, territories of agricultural purpose, immovable's.

Трофимов В.В.

Концепция «правовой жизни»: теоретико-методологическое значение

Ключевые слова: Правовая жизнь; Концепция; Теоретико-методологическое значение; Идеиные аспекты; Понятийно-категориальный ряд.

Key words: Legal life; Concept; theoretical and methodological significance; idea aspects; conceptual-categorical series.

Магомедов А.К., Никеров Р.Н., Куликова М.А.

Энергетическая геополитика Большого Каспия и международное право

Ключевые слова: Большой Каспий; Энергетическая геополитика; Каспийская нефть; Углеводородные запасы; Транзитные территории

Key words: Big Caspian; The energy policy; Caspian Oil; hydrocarbonic resources; transitive territories

Романова Е.А.

К вопросу о правовом тексте как информационном средстве правовой коммуникации

Ключевые слова: Правовая коммуникация, правовая информация, дефиниции, механизм правового регулирования.

Key words: The Legal communication, legal information, definitions, mechanism of the legal regulation.

Чекмарев Э.В.

Модернизация и глобализация: общее и особенное

Ключевые слова: глобализация, модернизация, правовая политика, молодежь как политический ресурс.

Key words: Globalization, modernization, law policy, values, youth as a political resource.

Мартынов М.Ю., Дорогонько Е.В., Ганеева Л.Д.

Социальные ресурсы молодежи в системе общественного производства

Ключевые слова: молодежь, Ханты-Мансийский автономный округ, социальный ресурс, производственная сфера, адаптация,

Keywords: youth, Khanty-Mansisk of autonomous region, social resource, social production system, adaptation.

Осинов М.Ю.

Основные факторы, влияющие на реализацию и применение права

Ключевые слова: основные факторы, реализация права, применение права, риски, правовые процессы, общетеоретический аспект.

Keywords: major factors, realization of the right, application of the right, risks, legal processes, general-theoretical aspect.

Понихидин Ю.М., Сурков О.С.

Империя как историко-правовое явление

Ключевые слова: Империя; военная мощь; административный стержень; авторитарно-бюрократическая политическая система; правовое оформление; динамическая структура; «легальные» и «самопровозглашенные» империи.

Key words: Empire; Military power; Administrative core; Authoritative-bureaucratic political system; Legal registration; Dynamic structure; The «legal» and «self-proclaimed» empires

Клепиков М.С.

К уточнению смыслового содержания понятий «русский», «российский» и «россиянин»

Ключевые слова: Русский национализм, идентичность, примордиальный подход, конструктивистский подход, русский.

Key words: Russian nationalism, identity, the primordial approach, the constructivist approach, Russian.

Сулейманов Б.Б.

Правовые основы судопроизводства и судоустройства Дагестана второй половины XIX века

Ключевые слова: Судопроизводство; Судебная система; Судебная реформа; Органы исполнительной власти; Следователь.

Key words: legal procedure; judicial system; judicial reform; executive power authorities; investigator.

Левин В.Ф., Чуканов И.А., Федина Т.В.

Развитие института уголовной ответственности за принадлежность к тоталитарным и изуверным религиозным учениям в России на рубеже XIX—начала XX вв.

Ключевые слова: Уголовная ответственность; Тоталитарное учение; Изуверное учение; Изуверные религиозные секты; Классифицирующие признаки

Key words: totalitarian studies; cruel religious studies; fanatic religious sects; Classified indication

Никифорова И.М.

Влияние особенностей политогенеза на формирование институтов власти у обских угров

Ключевые слова: Обские угры; плутократический путь политогенеза; княжество; коллективизация; колонизация.

Key words: Obsko-Ugrians; plutocratic way of politogenesis; principedom; collectivization; colonization.

Агафонов В.В.

«Свобода речей и дебатов» российского парламентария и ее законодательное обеспечение.

Ключевые слова: Свобода речей и дебатов; Законодательное обеспечение; Государственная Дума; Федеральное Собрание; Эффективность гарантии.

Key words: The freedom of speeches and debates; legislative guarantee; State Duma; Russian Federal Assembly; Efficiency of guaranty.

Мишкис Д.В.

Генезис самозащиты и феномен разрешенного самоуправства

Ключевые слова: Самозащита; Самопомощь; Законодательно разрешенные средства; Запрещенные средства; Генезис.

Key words: self-defense; self-help; legally allowed means; forbidden means; genesis.

Торкин Д.А.

Особенности российского гражданско-правового менталитета

Ключевые слова: Особенности; Гражданско-правовой менталитет; Национальный характер; Российские традиции; Гражданско-правовые конструкции.

Key words: Peculiarities; civil-legal mentality; national character; Russian traditions; civil-law designs.

Краснова Т.В.

Прекращение законного режима имущества, нажитого в период брака

Ключевые слова: собственность, общее имущество супругов, правовой режим имущества, раздел общего имущества, определение долей в общем имуществе, соглашение о разделе общего имущества.

Keywords: Property; the general property of spouses; property legal regime; section of the general property; definition of shares in the general property; the agreement of spouses on property section.

Девятков С.А.

Пути совершенствования финансового обеспечения местного самоуправления в свете реализации федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»

Ключевые слова: Местный бюджет; Бюджетный процесс; Бюджетные обязательства; Межбюджетные отношения; Бюджетные трансферты.

Key words: Local budget; Budget process; Budget liability; Intergovernmental relations; Budget transfers.

Алексеева Е.В.

Применение судами и арбитражами публично-правовых норм при признании внешнеэкономических сделок недействительными

Ключевые слова: Арбитраж; Публично-правовые нормы; Внешнеэкономические сделки; Недействительность Международный коммерческий арбитраж.

Key words: arbitration boards; public legal norms; international commercial transactions; invalidating; international commercial arbitration.

Иванова Л.В.

Регламентация эксцесса исполнителя преступления в странах мусульманского права

Ключевые слова: Эксцесс исполнителя; Мусульманское право; Соучастники; Уголовный кодекс; Мусульманские страны.

Key words: perpetrator's excess; Muslim law; Accomplices; Criminal code; Muslim countries.

Барзилов Д.С.

Правовые аспекты регулирования налоговых отношений

Ключевые слова: Дозволения, диспозитивный метод правового регулирования, императивный метод правового регулирования налоговых отношений, налоговое администрирование, налоговое право, субъективные права.

Key words: Permissions, dispositive method of legal regulation, imperative method of the legal regulation of the tax relations, tax administration, legal rights. legal interests.

Арзуманян А.Э.

Технико-юридические правила и приемы закрепления конкуренции норм в российском праве

Ключевые слова: конкуренция норм; отсылки; примечания; предписания-поручения; оперативные предписания; коллизионные нормы.

Key words: a competition of norms; sendings; notes; instructions-commissions; operative instructions; conflict norms.

Бирюлин И.В.

Идеологическое содержание экологических позиций Российской Федерации

Ключевые слова: экологическая политика, глобализация, экологическая доктрина, идеология.

Keywords: the ecological policy, globalisation, the ecological doctrine, ideology.

Курдубанова М.Ю.

Стойкая неспособность по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие Президенту Российской Федерации полномочия как мера конституционно-правовой ответственности

Ключевые слова: Президент Российской Федерации; система органов государственной власти; конституционно-правовая ответственность; глава государства; ответственность; мера конституционно-правовой ответственности; стойкая неспособность.

Key words: President in Russian Federation; system of public authority; constitutionally legal responsibility; head of state; responsibility; as degree of constitutional and legal responsibility; stable incapacity.

Андронов О.В.

Политико-правовые аспекты взаимодействия государства и некоммерческих организаций в современной России

Ключевые слова: некоммерческие организации, гражданское общество, политическое сообщество, государственный контроль.

Keywords: non-governmental organizations, civil society, political society, state control.

Редакционная коллегия:

А.В. Малько (главный редактор) — д.ю.н., проф., заслуженный деятель науки РФ, Н.И. Матузов (зам. главного редактора — председатель редакционного совета) — д.ю.н., проф., заслуженный деятель науки РФ, М.П. Петров (зам. главного редактора) — к.ю.н., доц., К.Е. Игнатенкова (ответственный секретарь) — к.ю.н., В.А. Абалдуев — к.ю.н., доц., С.Ф. Афанасьев — к.ю.н., доц., Е.В. Вавилин — к.ю.н., доц., А.А. Вилков — д.п.н., проф., М.В. Гаврилов — к.ф.-м.н., доц., А.В. Голикова — к.ю.н., доц., М.В. Данилов — к.п.н., доц., А.Н. Иванов — к.ю.н., доц., Е.В. Кобзева — к.ю.н., доц., Е.В. Колесников — д.ю.н., проф., Г.Н. Комкова — д.ю.н., проф., И.Н. Коновалов — д.и.н., проф., Т.Н. Митрохина — д.п.н., проф., В.В. Нырков — к.ю.н., В.В. Попов — к.ю.н., доц., Л.А. Тимофеев — д.ю.н., проф., В.Д. Холоденко — к.ю.н., доц., Е.Ю. Чмыхало — к.ю.н., доц., Н.И. Шестов — д.п.н., проф., А.Е. Михайлов (зав. редакцией) — к.ю.н.

Редакционный совет:

Н.И. Матузов (председатель) — д.ю.н., проф., заслуженный деятель науки РФ, Ф.А. Григорьев — к.ю.н., проф., А.И. Демидов — д.ф.н., проф., И.А. Иванников — д.ю.н., проф., В.Б. Исаков — д.ю.н., проф., И.Ю. Козлихин — д.ю.н., проф., С.А. Комаров — д.ю.н., проф., Ю.А. Крохина — д.ю.н., проф., В.И. Липунов — к.ю.н., А.Г. Лисицын-Светланов — д.ю.н., проф., Н.А. Лопашенко — д.ю.н., проф., М.Н. Марченко — д.ю.н., проф., С.Ю. Наумов — д.ю.н., проф., В.А. Номоконов — д.ю.н., проф., В.Д. Перевалов — к.ю.н., проф., Н.А. Придворов — д.ю.н., проф., О.Ю. Рыбаков — д.ф.н., д.ю.н., проф., Ю.Н. Стариков — д.ю.н., проф., С.Б. Суровов — д.с.н., проф., Н.А. Сыроедов — д.ю.н., проф., Ю.А. Тихомиров — д.ю.н., проф., Р.Л. Хачатуров — д.ю.н., проф., Ю.Л. Шульженко — д.ю.н., проф.

**Издается Саратовским филиалом государственного учреждения
Институт государства и права Российской академии наук
www.sgap.ru**

Редакция академического и вузовского
юридического научного журнала «Правовая политика и правовая жизнь»

Адрес: Россия, 410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135
Тел.: (845-2) 29-91-22, тел./факс: (845-2) 29-92-18, e-mail: igp@sgap.ru

Банковские реквизиты:
ИНН: 7704067766 КПП 645402001
УФК по Саратовской области
(Саратовский филиал государственного учреждения Институт
государства и права РАН, л/с 0361103050)
Банк: ГРКЦ ГУ Банка России по Саратовской обл. г. Саратов
Р/сч — 40503810800001000431 БИК: 046311001
КБК 31930201010010000130 П. 3 разрешения № 73

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-5708 от 30 октября 2000 г.

ISSN 1608-8794

© Саратовский филиал Института государства и права РАН, 2009
© Саратовская государственная академия права, 2009
© Ассоциация юридических вузов, 2009

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

---

*Академический и вузовский
юридический научный журнал*

---

*Территория распространения:
Российская Федерация, страны СНГ*

---

2 (35) • 2009

Редактор *Л.А. Горюнова*

Обложка художника *В.К. Иванова*

Компьютерная верстка *О.Л. Солдаткиной*

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77–5708 от 30 октября 2000 г.

Подписано в печать 03.06.2009. Формат 70Х100 1/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 18,06. Уч.-изд. л. 16,0.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Диапозитивы предоставлены редакцией.

ЗАО «Типография «Полиграфист»
410031, г. Саратов, ул. Волжская, 28.